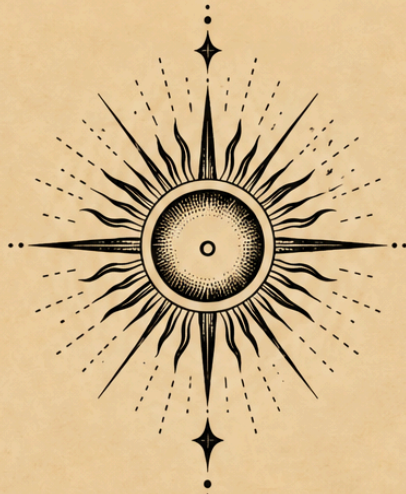

ЖИЗНЬ И СИЛА ИЗНУТРИ

У. ДЖ. КОЛВИЛЛ

Впервые опубликовано
1902

W. J. Colville

Внутренний источник жизни и силы

Оглавление

ВНУТРЕННИЙ ИСТОЧНИК ЖИЗНИ И СИЛЫ.

I.

ДУХОВНЫЙ ЧЕЛОВЕК — ЕГО СИЛЫ И
ПРЕИМУЩЕСТВА.

II.

ТРИЕДИНЫЙ ЧЕЛОВЕК — ПОЛНОЕ РАЗВИТИЕ И
ПРАВИЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВСЕХ ФУНКЦИЙ,
СПОСОБНОСТЕЙ И СИЛ — ИДЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.

III.

СОВЕСТЬ, ИНТУИЦИЯ И ВНУТРЕННЕЕ ОЗАРЕНИЕ.

IV.

СОН, СНОВИДЕНИЯ И ВИДЕНИЯ — КАК ИЗВЛЕЧЬ ИЗ
НИХ НАИБОЛЬШУЮ ПОЛЬЗУ.

V.

МЫСЛЕННОЕ ВНУШЕНИЕ — АУРА ЧЕЛОВЕКА — КАК
МЫ МОЖЕМ ПРИВЛЕКАТЬ ВЫСШИЕ ВЛИЯНИЯ С
ВИДИМОЙ И НЕВИДИМОЙ СТОРОН ЖИЗНИ.

VI.

ПРИТЯГАТЕЛЬНАЯ СИЛА МЫСЛИ — КАК
ИСПОЛЬЗОВАТЬ ЕЁ НАИБОЛЕЕ ДЕЙСТВЕННО —
ВЛИЯНИЕ РАЗУМА НА ФОРМИРОВАНИЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ.

VII.

РАЗРУШИТЕЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ СТРАХА И ТРЕВОГИ —
УКРЕПЛЯЮЩЕЕ ТЕЛО И ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕЕ УСПЕХ
ВЛИЯНИЕ ВЕРЫ И МУЖЕСТВА.

VIII.

ВЛИЯНИЕ РАЗУМА НА ТЕЛО — НАУКА О ЗДОРОВЬЕ И
ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ — КАК СТАТЬ ВРАЧОМ САМОМУ СЕБЕ И
ТЕМ САМЫМ ВРАЧОМ ДЛЯ ДРУГИХ.

IX.

ОБРЕТЕНИЕ ХРИСТА В НАС — НОВАЯ ЖИЗНЬ —
ОСОЗНАНИЕ ИСКУПЛЕНИЯ.

ВНУТРЕННИЙ ИСТОЧНИК ЖИЗНИ И СИЛЫ.

У. ДЖ. КОЛВИЛЛ,

АВТОР КНИГ

«Закон соответствий», «Учебник мысленной
терапии для Всемирной выставки», «Старая и новая
психология» и др., и др.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

Нью-Йорк

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛЬЯНС ПАБЛИШИНГ КОМПАНИ»

Виндзор-Аркейд, 569, Пятая авеню

«Дж. Белл и сыновья», Ковент-Гарден, Лондон, W. C.,
Англия

1902.

В жизни каждого человека бывают мгновения, когда душа словно пробуждается под действием какой-то внутренней силы, когда разум озаряется новыми идеалами, новыми надеждами, новыми желаниями. Что вызвало это состояние? Кто может

сказать? Быть может, такое пробуждение — ведь его можно так назвать — приходит в минуту отдыха и покоя, когда разум и тело расслаблены, а мирские обязанности и заботы ненадолго забыты. В эти краткие мгновения мы видим всё так, как никогда прежде не видели. Силе или земному величию нет места в наших мыслях; зато мы видим, пусть и смутно, нечто от собственного внутреннего величия — нечто такое, что, сумей мы однажды осознать его во всей полноте, изменило бы весь строй нашей жизни, и мир со всеми его соблазнами занял бы в наших мыслях лишь второстепенное место.—
Чарльз Броди Паттерсон.

I.

ДУХОВНЫЙ ЧЕЛОВЕК — ЕГО СИЛЫ И ПРЕИМУЩЕСТВА.

Приступая к рассмотрению человеческой природы, прежде всего необходимо точно определить, что мы подразумеваем под особыми терминами, которыми намерены пользоваться. Заглавие этой главы вызывает вопросы, поскольку прилагательное «духовный» служит определением к

существительному «человек». Читатель, естественно, спросит: считаете ли вы, что существуют две или более различных разновидностей человеческой природы, из которых та, что названа духовной, является высшей, или же вы просто хотите сказать, что человеческая природа духовна по своей сущности? Поскольку именно такой вопрос не раз задавали автору этих страниц, следующий ответ представляется уместным введением ко всему дальнейшему:

Говоря о духовной природе, мы имеем в виду именно человеческую природу, ибо под человеческим подразумеваем человеческое в отличие от жестокого, которое называем бесчеловечным. Когда употребляют слово «человечество», оно сразу вызывает два представления. Во-первых, это обозначение человеческого рода, отличного от всех прочих видов одушевлённого существования на земле и превосходящего их. Во-вторых, это синоним доброты, кротости и всех мягких и благодатных качеств, которые приверженцы религиозной мысли, самые чистые и возвышенные духом, приписывают Божеству. Первая глава Книги Бытия, вызывающая столько споров, при непредвзятом и

добросовестном прочтении внушает прекрасную мысль о божественности человека и о столь же божественной человечности. Теоморфизм и антропоморфизм соединяются в возвышенном утверждении, что человеческая природа создана по образу Божественного Существа; ведь происхождение человеческой жизни приписывается причине не менее величественной, чем само Божество. Хронологию и географию нельзя призвать в суд свидетелями о том, что лежит всецело за пределами их ведения, равно как астрономия и геология не могут свидетельствовать о том, что далеко выходит за пределы их познания. Все разнообразные ступени и виды библейской критики, от высшей до низшей, вместе взятые не способны так или иначе затронуть изначальное убеждение, укоренённое в глубочайшем сознании самых одарённых древних провидцев Израиля, — убеждение в божественности человеческой природы; и именно это учение, и только оно, придаёт величие началу Пятикнижия и делает его в известном смысле единственным в своём роде. Осознание Бога как источника человеческой жизни слишком глубоко укоренено в человеческом разуме, чтобы его могли искоренить какие бы то ни было направленные против него нападки. Человек

мыслит себя божественным потомком и потому дерзает называть Всемогущую Силу, поддерживающую вселенную, своим родителем, а не только своим Творцом и Владыкой. Если утверждают, как это нередко бывает, что нынешняя мысль о Боге весьма отличается от той, которая господствовала несколько тысячелетий назад, то, даже допустив это, мы должны признать: прежние представления сменяются не более низким, а несравненно более высоким представлением о Божестве; и насколько возвышается представление о Боге, настолько же возвышается и представление о Человеке, ибо, если мы по-прежнему утверждаем, что наше происхождение божественно, наши взгляды на Божественный Первоисточник не могут совершенствоваться и развиваться без такого же развития нашей мысли о достоинстве и великолепии человеческой природы.

Теоморфический взгляд на Человека сливается с антропоморфическим взглядом на Бога. Выраженное решительно, а для некоторых умов, возможно, даже вызывающе, это утверждение звучит так: Бог человечесен, Человек божественен; и наоборот: Человек божественен, Бог человечесен. Это чрезвычайно смелое утверждение отнюдь не

лишено благоговения, и, если мы не готовы его отстаивать, мы не можем учить тому, что Бог — Отец, а Человечество — Его сын.

Если Бог — источник и причина человечества, то дитя и следствие должны быть подобны источнику, от которого произошли, и мы не можем быть детьми Божественного Родителя, если не обладаем сродными Ему Божественными свойствами; поэтому мы не должны колебаться, заявляя о своём праве по рождению и вступая во владение своим наследством. Против веры, которую на словах столь превозносят, нередко начинают всерьёз возражать, едва предпринимается попытка перенести её из области туманных отвлечённостей в сферу практического применения. Верить в Бога как в своего Отца — значит верить в себя как в божественного потомка; и апостол Павел был столь глубоко проникнут уверенностью в единстве Человека с его Источником, что произнёс поразительную молитву о том, чтобы нам исполниться всей полнотой Божией. Хотя наша эпоха — переходная, несколько омрачённая сомнениями и отравленная пессимистическими теориями существования, оптимистические выводы неуклонно завоёвывают позиции, о чём

свидетельствует очевидный факт: чем светлее взгляд писателя или оратора на людей и на всё происходящее, тем шире распространяется его влияние и тем больше по-настоящему мыслящих людей готовы воздать должное тому, что Мэтью Арнольд мог бы назвать «мягкой разумностью» столь ободряющего ряда положений. Истина же состоит в том, что мы начинаем понимать всю нелепость философии, которая противоречит самой себе и приводит к требованию выполнять невыполнимые задачи. Всё зависит от того, какой взгляд на человеческую природу мы принимаем в самом начале любого исследования, посвящённого кругу человеческих обязанностей, ответственности и преимуществ; поэтому всё, что мы намерены предложить относительно практических способов улучшения условий человеческой жизни, мы хотим положить на коренное и поистине незыблемое основание. Здравый смысл подсказывает, что нельзя считать осуществимым такое преобразование отдельного человека, которое потребовало бы полной перемены в его сущностном устройстве, и, конечно, ни один вдумчивый или разумный реформатор никогда не взялся бы за заведомо невозможную задачу — превратить мужчину, женщину или ребёнка в существо иного,

нечеловеческого рода, даже если бы это идеальное существо принадлежало к гораздо более высокому типу, чем нынешний реальный человек. Здесь стоит остановиться и отметить, что мы не можем мыслить о сверхчеловеческих существах иначе как по-человечески или рассматривать их иначе как с человеческой точки зрения, поскольку сами мы люди и в силу ограничений нашей человеческой природы неизбежно заключены в рамки человеческого взгляда на вселенную. Эта мысль чрезвычайно помогает нам определить, насколько далеко мы можем разумно продвинуться в наших исследованиях и в размышлениях, обращённых к Богу.

Вселенная, увиденная человеческими глазами, неизбежно является человеческой вселенной, а представление о Божестве, присущее человеческой природе, поневоле остаётся человеческим представлением. Об отвлечённом Божестве мы ничего не знаем; об абсолютном, ничем не обусловленном Бытии мы не можем составить никакого представления. На всё мы смотрим через самих себя; поэтому наши толкования всеобщей жизни — от самых низких до самых высоких, от

самых грубых до самых возвышенных — отмечают ступени нашего собственного роста, или эволюционного развития.

Именно в этой связи вступают в действие различные теории откровения, касающиеся *естественной* религии и *религии откровения*, и вокруг этого средоточия вращаются все теологии и философии. Те, кто лишь поверхностно изучает историю религиозных идей, говорят нам, что естественная религия и религия откровения диаметрально противоположны, и немало ожесточённых словесных битв разгорелось вокруг вопроса: насколько естественная религия совместима с истиной откровения?

Прежде всего совершенно необходимо точно установить, что подразумевается под каждым из этих терминов, ибо без точного определения употребляемых терминов невозможно ясно понять, к чему мы стремимся.

Под естественной религией мы понимаем все те представления о духовном порядке, которые, по-видимому, возникли из естественного сознания

людей, без предположения о каком-либо воздействии извне или о каких-либо сообщённых извне вестях.

Анимизм, культ предков и все так называемые *примитивные* формы поклонения относят к разряду *естественных* те, кто настаивает на как можно более резком разграничении естественного и откровенного, тогда как всё содержащееся в том, что люди называют Библией, причисляют к откровению. Это произвольное разделение породило чрезвычайную враждебность как к самой книге, которую столь чрезмерно превозносят, так и ко всем учреждениям и лицам, выступающим в её поддержку. Простой деизм Вольтера, Томаса Пейна и других «радикалов» или «либералов» восемнадцатого века, равно как и почти всё неприятие так называемой религии откровения, выраженное в сочинениях Ренана и других учёных девятнадцатого века, во многом возникло из этого нелепого разделения религиозных побуждений на два диаметрально противоположных лагеря: один вдохновлённый Небом, другой — нет.

Хотя то, что носило имя секуляризма, ныне идёт на убыль, а признанные вожди открыто «либерального» лагеря признают необходимость

направлять больше сил на созидательную благотворительность и гораздо меньше, чем прежде, — на разрушительные нападки на церковные учреждения, было бы несправедливо утверждать, что несостоятельность простого иконоборчества как основы прочного союза мыслителей и реформаторов означает возвращение к прежнему строю мысли, который популярные современные авторы без колебаний называют «той злой старой кальвинистской теологией». Нынешние признаки ясно указывают на перестройку на новых началах — гораздо более широких и во всех отношениях более всеобъемлющих, чем прежние. Старые богословские позиции оставлены, и, более того, лучшие мыслители времён наших предков никогда этих позиций не занимали.

Лучший вид ортодоксии — самый древний, а новейшая гетеродоксия зачастую представляет собой скорее возрождение лучших положений старой ортодоксии, нежели что-либо иное. Божественность человеческой природы провозглашена в первой главе Книги Бытия, и первоначальные положения нередко бывают творением более великих умов, служащих орудием более развитой совести, чем любая из тех надстроек,

которые воздвигаются отчасти из драгоценностей, отчасти из мусора на первом, незыблемом основании.

Павел, прозорливый апостол, не раз понимал это с достаточной мудростью и ясностью, о чём свидетельствуют его послания, особенно там, где он говорил, что существует лишь одно непреходящее основание, на котором люди могут строить всё, что пожелают, — всё, что подскажет в одном случае мудрость, а в другом — безумие. Непременно наступит час суда, и, когда забрезжит этот день, в который всё откроется, всякий сор будет отсеян с совершенным беспристрастием, а каждой частице того, что достойно сохранения, будет воздана честь.

Выражение «простая естественная религия», возможно, слишком узко, чтобы передать весь смысл, который стремятся разъяснить лучшие мыслители наших дней, ибо значение слова *природа* на протяжении многих веков сильно принижалось, а возвращение ему подобающего достоинства, конечно, происходит постепенно и ещё далеко не завершено. Естественное означает *то, что рождено*; поэтому говорить о рождённом от Бога как о естественном столь же точно, как применять это слово к тому, что притязает на

происхождение от чего-либо ниже самой Божественной сущности. Религия откровения может быть столь же естественна, как и любая другая разновидность религии, ибо при внимательном рассмотрении мы обнаруживаем, что откровение и открытие так тесно связаны, что их едва ли можно разделить; их почти можно уподобить сиаемским близнецам: они растут вместе, и одно едва ли может существовать без другого. Открытие истины — человеческая, или объективная, сторона дела. Откровение истины — божественная, субъективная сторона вопроса.

Что составляет откровение? Для откровения необходимы не только тот, кто открывает, и нечто, подлежащее открытию, но и третий участник, а именно: тот, кому откровение может быть дано или кем оно может быть понято. Если последнего нет, нет и откровения, ибо для явленной картины требуется наблюдатель, который её увидит; потому можно сказать, что она напрасно явлена пустому пространству, если ни один человеческий глаз её не видит и ни один человеческий разум её не постигает. Бог не может открыться скоту на пастбище так же, как благоговейному человеку, созерцающему небесные галактики, и всё же солнце

днём и звёзды ночью столь же видны с поля, где пасётся скот, как и с соседнего поля, где группа изучающих астрономию обсуждает великолепие Млечного Пути или возможность существования людей на Сириусе или Альдебаране.

«Небеса проповедуют славу Божию» — кому? Кому усеянный звёздами небосвод проповедует славу Бога? Воистину, даже созерцая небеса, безумец говорил: «Нет Бога». Для Платона Бог мыслит геометрически; для Иоанна Богослова Бог есть Любовь; и оба правы: один приближается к божественному через разум, другой — через любовь. Если, как сказал нам Сведенборг, Божественная Любовь и Мудрость составляют всю полноту истинного Бытия, и если, как уверяли нас греческие поэты, которых Павел цитировал в Афинах, мы сами — потомство Божие, то у представления о божественном откровении не может быть иной основы, кроме человеческого сознания, откликающегося на дыхание Бога.

Ни разум, ни человечность не позволяют нам утверждать, что откровение даётся произвольно; и ничто никогда не оправдывает учения о том, будто Бог, у которого «нет лицепрятия», всё же оказывает предпочтение одним людям и явное

пренебрежение другим, подобно деспотичному самодержцу, который, будучи Властителем, одним раздаёт милости, а других подвергает жестокостям. Мы вполне можем радоваться тому, что затмение почти миновало, что пессимистические взгляды на божественное правление бьются в предсмертных судорогах, а в воздухе, где уже раздаётся первый крик рождающегося славного оптимизма, трепещет обещание лучших, более светлых дней. Да не ослепит никого из нас неприятие отмирающего заблуждения настолько, чтобы мы перестали видеть истину, лежащую в его основе, ибо худшие черты освящённой веками ошибки были лишь наслоениями, а наросты никогда не составляют неотъемлемых частей организма.

Мы легко могли бы представить себе невежественных учеников, изучающих анатомию и физиологию, которые, вскрыв тело и обнаружив в нём патологическое образование, тотчас принимают рассуждать о месте этого мнимого «органа» в строении тела. Как смеялись бы учёные врачи, если бы эти исполненные добрых намерений новички опубликовали новый труд по структурной анатомии или сравнительной физиологии, в котором отвели бы место большой опухоли в груди,

упоминая её так, словно она — одна из естественных частей человеческого механизма с трудноопределимыми функциями, как, например, селезёнка, которая действительно является полезным органом, хотя и не вполне понятным.

Наросты, которые мы обнаруживаем на религиозных системах, совершенно подобны недостаткам, которые мы замечаем и в других, и в самих себе: они существуют в данный момент, но не являются ни необходимыми, ни даже закономерными составляющими человеческого характера и, как всякие паразиты, могут быть истреблены. В художественных кругах мы не смешиваем пыль и копоть от свечей с редкой старинной картиной, хотя бесценное полотно Мурильо, найденное где-нибудь в Италии, могло быть привезено в современную мастерскую настолько почерневшим, что первоначальные черты картины были едва различимы.

Реставрация удаляет грязь и вновь являет первоначальную красоту картины, какой она была, только что выйдя из-под кисти дивного художника. Как часто на религиозных собраниях мы слышим слова *Искупитель* и *искупление*. Но что они означают, если отбросить все толкования и

тонкости? Искупить — значит выкупить обратно или восстановить, и именно такая мысль стояла за этим словом, когда оно вошло в церковный обиход. Правовой иудей, обращаясь к Предвечному и не помышляя ни о посреднике, ни о заступнике, произносит слова древней песни: «Ты — наш Искупитель». Как же нам отнести эти слова непосредственно к предмету нашего рассуждения? Если Бог — изначальный Творец человечества, а мы сами создаём, формируем и устраиваем своё дальнейшее существование, значит, мы отвернулись от божественного образца в душе и создали внешнее подобие, которое вместо подлинного сходства являет несходство. Нам надлежит признать свою ошибку, исповедать своё заблуждение и охотно, радостно и покорно обратиться к первоисточнику всякой мудрости в духе добровольного сотрудничества с божественной деятельностью, о которой великий Учитель человечества сказал: «Отец Мой доныне делает, и Я делаю». Противоречивым взглядам, высказываемым ныне о необходимости полагаться на Бога и необходимости полагаться на себя, по видимому, нет конца. Подобно всем прочим приверженцам крайностей, те, о ком мы сейчас говорим, с обеих сторон совершают роковую ошибку,

видя лишь одну сторону двустороннего щита; и, подобно рыцарям древности, они готовы биться друг с другом насмерть ради чести одной надписи, не замечая, что на одном и том же щите есть две надписи, хотя и на противоположных его сторонах.

Уповать на Бога, полагаться на безграничную благодать, доверяться вечной мудрости — значит готовить себя к той подлинной работе, которую мы призваны выполнять. Упование на Бога вовсе не ослабляет людей и не делает их менее уверенными в собственных силах; напротив, оно неизменно укрепляет эту уверенность, что обильно доказывается историей и подтверждается опытом повседневной жизни. «Бог и я составляем большинство», но человек в одиночку составляет жалкое, бессильное меньшинство. В одиночку человек может быть упрямым эготистом, но не здоровым эгоистом, а между этими двумя словами огромная разница, хотя в написании их различает лишь согласная «т». Открыться Божественному притоку — значит прийти в гармонию с Бесконечной Жизнью, которая повсюду: над нами, под нами, вокруг нас и внутри нас; и лишь в той

мере, в какой мы пребываем в гармонии с окружающим нас миром, мы в безопасности, счастливы, сильны и свободны.

Западный мир многому учится сегодня у гостей с Востока, и нигде индийские учителя не приносят большей пользы, чем тогда, когда настаивают, что *подлинно одухотворённый* человек мог бы безопасно ходить по джунглям, не подвергаясь нападению ни льва, ни тигра, ни любого другого свирепого зверя.

Апокалиптическая Книга Даниила знакома всем читателям Библии. В первых главах эта книга рассказывает нам о четырёх юных евреях при вавилонском дворе, которые стояли выше всего, поскольку полностью подчинили себе собственные животные наклонности. Здесь перед нами встаёт исполинская гора ограничений, которую ещё предстоит низвергнуть и ввергнуть в море силой всемогущей веры. Начиная не с того конца, мы постоянно сообщаем другим о своих неудачах и впадаем в уныние, видя отсутствие достижений там, куда направляли свою энергию с усердием, а поначалу и с воодушевлением.

Мы никогда не терпели бы неудач, не падали бы духом и не страдали бы от разочарования, если бы только осознали, что всякое развитие должно идти изнутри наружу, но никогда не в обратном направлении. Почему мы так мало доверяем себе? Не потому ли, что наше представление о себе столь скудно и основано не на мысли о *духовности*, а о *материальности*? Что мы такое? Кто мы? Зачем мы здесь? В чём наше предназначение? Эти вопросы требуют глубокого проникновения в суть, и от ответов на них неизбежно зависят наши надежды. Если мы действительно являемся образом Божиим, если наша природа поистине едина с природой Божества, если мы в самом деле причастны всем Божественным свойствам, а они бесконечны, то сторонники призыва «Не тревожься» имеют на своей стороне вечную правду — или, лучше сказать, пребывают в согласии с вечной правдой, когда провозглашают, что Бог бесконечен и каждый человек составляет часть бесконечного Божьего замысла.

Все внешние достижения развиваются *постепенно* ; поэтому восточные мудрецы, рассказывающие нам о современных Даниилах, ныне живущих в Азии, должны шаг за шагом

объяснять своим западным слушателям, как можно постепенно восходить к тем вершинам достижений, о которых они говорят. В познании мы всегда продвигаемся строка за строкой.

Всегда лучше неотступно держать перед собой самые высокие из всех возвышенных идеалов, какие мы способны представить, и утверждать, что эти наши идеалы воистину *наши*, а не просто чьи-то чужие. Мы можем воплотить в действии всё то, чем, как мы чувствуем, обладаем внутри себя. Мы должны в мысли отдавать должное тому, что заключено в нас, и не позволять ложному смирению слыть добродетелью, тогда как при всякой верной оценке оно является пороком.

Есть достойная гордость и есть недостойное смирение; поэтому, хотя первую обычно считают недостатком, а второе — добродетелью, их относительную ценность вовсе нельзя определить так легко. «Будь умерен во всём» — самый благотворный совет. Думай о себе не выше, чем о своём ближнем. Люби ближнего, как любишь себя, — ни больше ни меньше. Таков золотой путь справедливости, ибо мы столь неразрывно связаны

друг с другом, что никакое уклонение от прямой дороги абсолютного беспристрастия не может быть безопасным.

Не будем ни осуждать в себе то, что хвалим в других, ни оправдывать в себе то, за что порицаем других; но, всегда стремясь честно различать истинную человеческую природу, часто сокрытую, и внешние проявления, которые, если они неприметны, носят исключительно паразитический характер, научимся пробуждать божественное в людях, где бы мы с ними ни встречались, практически применяя ту подлинно идеальную философию, которая, никогда не смешивая неизменное *бытие* с изменчивым *существованием*, берёт своим девизом смелые и верные слова Поупа: «Всё, что *есть*, — благо». Всё, что *есть*, — благо: эта мысль даёт пищу для бесконечно плодотворного размышления; затем, определив для себя, в каком смысле мы понимаем *существование* лишь как выражение *бытия*, мы готовы смело и разумно приняться за работу, чтобы привести наши внешние действия во всех отношениях в соответствие с Божественным идеалом.

II.

ТРИЕДИНЫЙ ЧЕЛОВЕК — ПОЛНОЕ РАЗВИТИЕ И ПРАВИЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВСЕХ ФУНКЦИЙ, СПОСОБНОСТЕЙ И СИЛ — ИДЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.

Уже очертив тот достойный и возвышенный взгляд на человеческую природу, который вдохновенные учителя всех веков единодушно стремились представить миру и который все самые мудрые и проницательные из современных мыслителей усердно трудятся утвердить, мы можем теперь перейти к рассмотрению древнего представления о триединстве человеческой природы: хотя христианская церковь неизменно подчёркивала его значение, оно отнюдь не возникло вместе с началом христианской эры. Мы вовсе не намерены обсуждать какое-либо учение о божественной и человеческой троичности в догматическом духе или хотя бы с малейшим желанием окончательно разрешить вековые споры, которые, быть может, лучше оставить, нежели возобновлять; однако, поскольку вновь и вновь возникает вопрос: «Что мы такое?» или «Как мы устроены?», мы попытаемся

хотя бы вкратце указать, благодаря каким вполне естественным и в то же время истинно духовным процессам идея трёх в одном прочно утвердилась в человеческой мысли — более того, глубоко и, по-видимому, неискоренимо укоренилась в человеческом сознании.

Древние египтяне, хотя среди своих священных символов выше всего почитали круг и крылатый шар, отводили треугольнику место сразу после круга. Если число один представляет саму Жизнь, или бытие *само по себе* во всей его бесконечной и вечной полноте, то треугольник посредством математического образа раскрывает триединые свойства Единства. Куда бы мы ни обратились, всюду найдём соединение двух, порождающее третье; поэтому отец, мать и дитя — лица изначальной троицы. Новейшие археологические открытия в Египте побуждают исследователей признавать историческую достоверность гораздо большего числа преданий, чем они были склонны признавать ещё несколько лет назад. Осирис и Исида, Гор и Сет, а также многие другие «божества древних Фив или Гелиополя» ныне вновь облакаются в исторические одежды; и современные египтологи без колебаний заявляют, что

накапливаются убедительные свидетельства того, что вскоре мы сможем без труда читать записи, которым целых десять тысяч лет. Поэтому царь-боги, о которых писали Манефон и другие историки, вероятно, далеко не столь вымышлены, как долгое время полагали многие учёные. Как бы то ни было, религиозные представления учёных мужей древнего Египта несомненно охватывали гораздо больше, чем одни лишь исторические вопросы, хотя история всегда служила для наглядного выражения и воплощения трансцендентных идей.

Лишь человеческая природа раскрывает человеку вселенную; поэтому, сколь бы величественным ни был ослепительный диск солнечного светила, сколь бы вдохновляющим ни было непрестанное шествие мириад созвездий, человеческие существа могут научиться понимать вселенную только в человеческой природе, благодаря ей и через неё. И поскольку все явления в природе возникают в строгом и неуклонном соответствии с единым неизменным порядком, обычно называемым ЗАКОНОМ, нам необходимо приблизиться к достаточно ясному пониманию того,

как этот порядок действует в нас и через нас, прежде чем мы сможем хоть как-то разрешить загадку существования.

Иудейский символ веры, представленный миру в двенадцатом веке нашей эры Моисеем Маймонидам — одним из величайших философов, каких когда-либо знала Европа, — содержит следующее глубоко многозначительное и выразительное утверждение: «Не восставал более в Израиле пророк, подобный Моисею, который видел подобие Божие». Вдумайтесь в эти слова: философ не говорит, будто Моисей видел абсолютное Божество лицом к лицу, как один человек может видеть лицо другого; он мудро и разумно ограничивается утверждением, что великий пророк действительно созерцал божественное подобие. Чем может быть подобие Божие, если не человеческой природой? Видеть образ Божий — значит быть столь мудрым антропологом, что человеческая природа перестаёт быть для самой себя непроницаемой тайной. Какую загадку мы представляем для самих себя, пока не станем искусны в самопознании! Но ровно в той мере, в какой мы познаём себя, всё вокруг нас становится

прозрачным и светлым. Истинные учёные древности учили о единстве и троичности человека и вселенной следующим образом.

Есть три великих начала, говорили они, — Дух, Сила, Материя; и в человеке есть три отчётливо различающихся и обособленных плана деятельности — Духовный, Интеллектуальный и Физический; и все эти три плана действуют всегда.

Так называемая смерть — согласно учениям мистиков и всех, кто сведущ в эзотерической философии, — не уничтожает и не устраняет ни одного из этих трёх планов сознательной деятельности человека, потому что истинное, непреходящее тело — не та физическая форма, которую видят смертные глаза: она лишь отображает его по закону соответствий.

От Гермеса Трисмегиста до Эммануила Сведенборга великие провидцы и мудрецы всего мира учили, в сущности, одному и тому же, выражая своё учение именно в таких изречениях, как знаменитая герметическая аксиома: «Как вверху, так и внизу», — и наоборот.

Причина и следствие, внутреннее и внешнее должны соответствовать друг другу, а значит, одно должно походить на другое; поэтому неважно, к кому вы себя причисляете — к платоникам или аристотеликам: философы, идущие путём индукции и дедукции, в конце концов приходят к одному выводу, хотя отправные точки у них диаметрально противоположны. Для мечтательного визионера Востока, обращённого внутрь себя, душа (Атман) первична; всё остальное — лишь её выражение. Но для деятельного делового человека Запада, чьё внимание направлено вовне, средоточием всего служит тело, а душа при первом упоминании кажется какой-то смутной, туманной абстракцией, которую никто не знает, куда поместить и как определить. Среди новейших метафизиков царит немалая неясность, особенно в употреблении терминов; и поскольку в любой день нам могут встретиться материалисты, утверждающие, что материя есть всё, а также последователи Христианской науки, один из лозунгов которых гласит, что материи *нет*, всем нам полезно стремиться к ясности в собственной мысли относительно этой чрезвычайно запутанной проблемы.

Не стремясь к догматическим утверждениям, можно предложить полезный взгляд: три слова — Дух, Сила и Материя — можно рассматривать как ноты нисходящей гаммы. Дух содержит в себе Силу, Сила содержит в себе Материю. Если бы всё, что мы называем материальным, растворилось, ничто не было бы уничтожено; если сила — бóльшая часть, а материя — меньшая, то нетрудно понять, как меньшее может исчезнуть в большем, тогда как это же меньшее невозможно даже при самом смелом воображении представить содержащим или включающим в себя большее. Дух выше Силы, а Материя — низшее из названных начал. В устройстве человека духовный план сознания — высший; интеллектуальный план — промежуточный, а физический — низший.

Все три начала благи; совершенно ошибочно учить или даже намекать, будто дух — добро, а материя — зло, хотя вполне справедливо настаивать на том, что низшее должно склоняться перед высшим и повиноваться ему. Человек как таковой включает в себе все царства природы, а минеральные, растительные и животные проявления жизни составляют соответственно меньшие и большие доли того, что заключено в

человечестве, поскольку они представляют собой определённо низшие и высшие проявления всеобщего жизненного начала. Восточные учителя, находящиеся ныне в Америке, нередко поражают своих слушателей утверждениями, которые неподготовленному слуху поначалу должны казаться совершенно диковинными, ибо они отстаивают изложенные выше положения, хотя и не всегда выражают их теми же словами. Расы Запада и впрямь высоко ценили еврейское Священное Писание, и в нём — особенно в пророческих книгах — мы находим учения и утверждения, вполне созвучные самым невероятным притязаниям брахманов, буддистов, джайнов или парсов, которые могут оказаться среди нас; вместе с тем следует помнить, что для большинства читателей Библии такие истории, как повествование о Данииле и трёх его товарищах в Вавилонской империи, — либо сказки, либо рассказы о чудесных или сверхъестественных явлениях, которые, хотя изредка и были возможны тысячи лет назад, сегодня невозможны; при этом никто ещё не сумел объяснить, почему закон природы, считающийся неизменным, столь радикально изменился в своём воздействии на человеческий опыт.

Книга Даниила верно излагает эзотерическую науку и философию, но необходимо найти ключ к разгадке её иносказаний, и этот ключ — в нас самих. Одна лишь учёность, сколь бы обширной она ни была, ещё никого не сделала магом или чудотворцем, ибо только посвящённая жизнь — жизнь, отданная избранному идеалу, — способна развить ту необычайно величественную силу над силами окружающей природы, которая, как уверяют нас наши восточные осведомители, присуща истинному магу и отличает его (или её) от обычной толпы. Когда в фешенебельном зале на Пятой авеню

В

Нью-Йорке вам совершенно серьёзно говорят, что поистине благочестивый или достойный человек может без опаски ходить по джунглям Бенгалии, поскольку ни лев, ни тигр, ни иной хищный зверь не мог бы и не стал бы причинять ему вреда, вы испытываете либо восторг, либо потрясение — пока не начнёте понимать, какой степени благочестия должен достичь мужчина или женщина, прежде чем слова восточного законоведа можно будет признать истинными или разумными; но стоит точно понять, что подразумевает столь

поразительное учение, как тайна начинает рассеиваться и кажущееся невероятным утверждение становится понятным.

Не только учителя, представляющие сугубо восточные верования и философские школы, но и, в известной мере, все, кто когда-либо искренне пытался объяснить науку самообладания, утверждали, что конечный результат психического развития именно таков.

Прежде всего христианину, изучающему Мистерии, было бы полезно внимательно прочесть те части посланий Павла к Галатам, Ефесянам, Римлянам и Коринфянам, в которых этот истинный адепт, живший восемнадцать веков назад, указывает путь к победе над плотским началом, доступной всем, кто всерьёз берётся за это дело. Троичное деление человеческой природы у Павла знакомо всем читателям и прихожанам. Тело, Душа и Дух — таков общепринятый перевод. Под душой здесь подразумевается просто психе, от которого непосредственно происходит весьма популярное слово «психический», а не зое — более высокое обозначение жизни в греческом языке.

В каждом из нас ясно различимы три плана сознания, и в зависимости от того, какой из них преобладает в наших действиях, мы становимся либо хозяевами обстоятельств, либо рабами судьбы. Учение Сведенборга о трёх видах любви совершенно ясно: сколько бы люди ни спорили о таких схоластических терминах, как душа, разум и дух, любовь к Богу, к ближнему и к самому себе легко определить, не прибегая к схоластике. Любовь к Богу — чувство чисто духовное, которое можно определить как любовь к добру *самому по себе*. И сегодня среди нас есть люди, любящие праведность и столь преданные идеалам, что любые личные соображения для них весят не больше, чем пух чертополоха, если на другой чаше весов лежит верность убеждениям или преданность самой справедливости. Эта высшая любовь совершенно всеобъемлюща, она стоит выше всех личностей и по природе своей совершенно справедлива и неизменно равна. Для того, кто любит само добро, всё остальное в сравнении с ним кажется ничтожным и презренным. Такая любовь не поддаётся никаким искушениям и безмятежно преодолевает все соблазны чувств, полностью побеждая всякое мудрствование рассудка и подчиняя себе каждую страсть плоти.

Тому, кто всерьёз изучает философию и не может успокоиться, пока не откроет, как приложить трансцендентные учения к повседневной жизни, трактаты Сведенборга о подчинении низших чувств высшим непременно доставят самое возвышенное удовлетворение, ведь мы живём среди всевозможных противоречивых и угнетающих теорий, скорее способствующих возврату к буддийскому пессимизму, чем подлинному продвижению к идеальному состоянию, которое величайшие учителя всей земли признавали состоянием полного выражения, а отнюдь не вынужденного подавления или ограничения.

В Азии распространяется не меньше разнообразных теорий жизни, чем в Европе или Америке, и хотя нам полезно познакомиться со всеми теориями, крайне важно научиться отличать заблуждения от прекрасных идеалов. Многие утверждают, что главное различие между восточной и христианской философией состоит в том, что первая отрицает индивидуальное бессмертие, а вторая на нём настаивает; однако вовсе не верно, будто учение, известное как *поглощение Божеством*, представляет собой нечто большее, чем догмат

одной школы восточных мечтателей, не одобряемый самыми выдающимися мыслителями Азии.

Поэмы сэра Эдвина Арнольда получили горячее одобрение выдающихся буддистов Цейлона, и везде, где этот прославленный английский поэт бывал на Востоке, его встречали с величайшим радушием как достойного и правдивого выразителя веры местных индусов. В «Свете Азии» перед нами предстаёт Будда: в юности он предаётся суровому аскетизму, но, став старше и мудрее, отказывается от добровольного самоистязания и советует своим верным и преданным ученикам упражняться во всех добродетелях, однако в то же время свободно пользоваться теми правомерными и полезными удовольствиями внешней жизни, которые не греховны, а, напротив, добродетельны.

В Новом Завете есть несколько указаний на то, что Иисус не был ни аскетом, ни затворником, хотя Иоанн Креститель, несомненно, был пустынноиком; порой великого иерофанта Галилеи, Человека из Назарета, сурово порицали за то, что он не примыкал к тем, кто считал телесные лишения единственным путём к духовному освобождению. В основе сурового и мрачного взгляда на жизнь,

который побуждает строить монастыри и заточать мужчин и женщин в безмолвные одиночные кельи, лежит пагубное убеждение, будто плоть — враг, которого следует уничтожить, а не слуга, которым надлежит управлять, или орудие, которым должен пользоваться властвующий дух.

Аскет, проводящий время в самобичевании и других столь же бесполезных добровольных мучениях, в известном смысле такой же раб чувственности, как повеса или распутник, живущий лишь ради чувственных наслаждений: хотя один ненавидит плоть и воюет с её вожделениями, а другой обожествляет и ублажает её, оба в равной мере несвободны от постоянных мыслей о плоти.

Идеальная жизнь — это жизнь, идущая разумным путём между крайностями потакания себе и саморазрушения; и хотя мы с уверенностью можем сказать, что из двух типов людей затворник менее опасен для общества, мы не вправе возводить в идеал состояние, которое обладает лишь некоторыми отрицательными достоинствами и не имеет никаких положительных. Идеальная жизнь предполагает понимание того, как дух, который и есть жизнь, может проявить себя в трёх видах совершенства — нравственном, интеллектуальном

и физическом; и хотя совершенство кажется весьма далёким даже самым развитым из нас, необходимо неуклонно признавать его достижимым.

Будьте совершенны — таково неизменное Слово Учителя, чудотворную силу которого способен по достоинству оценить лишь разум Учителя; и мудрейший из Адептов никогда не дал бы ученикам этой заповеди, если бы каждый из нас не мог извлечь пользу, держа её перед собой как свет маяка, направляющий нас на пути к гавани небесного свершения. Три плана нашей природы, именуемые нравственным, интеллектуальным и физическим, одинаково хороши, но должны быть правильно подчинены один другому. Эта истина нуждается в повторении.

Нравственные побуждения необходимы, чтобы верно направлять интеллектуальную силу, а разум должен всегда держать бразды правления и заставлять плоть служить тому, кто по праву стоит выше неё. Восточные учения, разделяющие человека на семь частей, весьма древни и совсем нетрудны для понимания, стоит лишь постичь эзотерический смысл семи дней мистической недели, семи цветов радуги, семи музыкальных нот, семи церквей Азии, семи духов Божьих и так далее,

и так далее: все эти на первый взгляд таинственные знания явно поддаются научному объяснению. Но хотя семеричное строение человека — излюбленная тема тех, кто черпает мудрость из восточных источников, весь ход восточной теософии ведёт лишь к окончательному признанию того, что в человеческой природе есть высшая и низшая части, благодаря чему становится возможной алхимическая работа трансмутации, понимаемая мистически.

Высшая *триада* должна управлять низшей *четверицей* — так говорят сторонники идеи семеричности. Поскольку семеричная классификация довольно сложна и непривычна для западного слуха, выступая перед широкой аудиторией в Америке или Англии, всегда лучше стараться раскрыть тайну существования с помощью четверичного ключа; и поскольку квадрат — понятный всем символ, ибо он символизирует справедливость и, несомненно, согласие, в нашей нынешней попытке разъяснить основу, на которой можно возвести здание культуры, за которое никому не придётся стыдиться, мы ограничимся четверичной терминологией.

Духовность — первый и высший из четырёх необходимых терминов. Понять её следует через такое постижение божественной истины, какое сделало возможными труды Якоба Бёме, Фенелона, госпожи Гюйон и, по сути, всех мистиков. Представление о божественной имманентности, равно как и о трансцендентности, сделало возможной возвышенную поэзию Уильяма Каллена Брайанта, который иначе не смог бы написать свой «Танатопсис», и всех, кто когда-либо хоть в какой-то мере постиг нечто из богатства внутреннего смысла могучих слов: «Блаженны чистые сердцем, ибо они узрят Бога».

В столь величественном изречении нет ни одной грубой мысли, умаляющей безмерную божественность, ибо воистину узреть Бога — не значит увидеть мелочное видение монарха на роскошном троне; это значит глубоко осознать, что всё по своей сути благо и что, в каком бы направлении ни двигались события по видимости, в действительности все пути, извиваясь, ведут вперёд и вверх, к свету, который становится всё ярче.

Дух означает крепость, энергию, мощь, силу, дыхание, воздух; в английском языке это слово происходит от латинского *Spiritus* и греческого *Pneuma*. В старосаксонском слово *Gast*, а в немецком *Geist*, означают примерно то же самое, и именно от этих двух слов в английскую церковную лексику вошло выражение Holy Ghost — Святой Дух. Быть бодрым духом, храбрым духом, благородным духом и так далее — значит быть в высшей степени сильным, деятельным, энергичным и способным.

В Духе, который есть само дыхание жизни, несомненно, нет ничего похожего на слабость. Выражение «павший духом» по своему точному смыслу означает человека, в котором очень мало духа, *то есть* очень мало энергии или силы.

Когда Бульвер-Литтон писал «Грядущую расу» — в некоторых отношениях самый удивительный из всех его необычных романов, — он назвал народ, во многом значительно опередивший нас, нынешних людей, Врил-я; и, конечно, нетрудно проследить этимологическое происхождение слова *врил*, настолько оно близко к латинскому *Vir*, означающему высшего человека, в отличие от *homo*, обычного человека.

В древнееврейском есть два слова с подобным значением, а именно: *Иш*, высший, или духовный человек, и *Одом*, земной человек. Хотя оба хороши, каждый на своём месте, один должен господствовать над другим, подобно тому как вриловые жезлы в руках героев Литтона позволяли им управлять всей окружающей природой, а также сохранять здоровье собственных организмов и избавлять свою страну от всех вредных и опасных существ, таких как чудовищный *Грек*, которого двенадцатилетний мальчик превращает в маленькую кучку пепла одним взмахом своего волшебного жезла.

Магия, очищенная от всего лишнего, — лишь знание и применение того истинного оккультизма, который вовсе не складывается из ужасных тайн и жутких заклинаний, а на самом деле состоит в знании того, как обрести полную власть над всеми низшими планами сознания, над которыми дух в конечном счёте должен безраздельно властвовать. По мере того как дух расширяется, чтобы взять в свои руки скипетр власти, он овладевает всем низшим, приводя к совершенному послушанию всё, что прежде казалось неисправимо непокорным.

Нравственность, которую мы считаем первым из трёх планов, где должна проявиться власть обитающего в нас духа, отнюдь не есть сама *духовность*, и именно поэтому богословы с такой поразительной настойчивостью держались — хотя нередко весьма слепо — за своё излюбленное учение о том, что одной нравственности совершенно недостаточно для спасения. Вера стала богословским термином, которому поручили заменять *духовность*, и это породило множество недоразумений среди многих честных людей, главным образом из-за различных значений слова «вера», а более всего потому, что его так часто отождествляют с убеждением — понятием, которое вовсе не следует употреблять как его синоним. Лишь возвысившись до высшего смысла слова «вера», мы можем осмысленно связать его с *духовностью*, которая в действительности означает способность различать духовные реальности благодаря раскрытию тех внутренних способностей, которые позволяют нам войти в духовное состояние, бессмертное по своей природе.

Если понимать веру в этом смысле как свидетельство о вещах, невидимых смертным глазам, или как осязаемое осуществление того, на

что мы долго надеялись, то совсем нетрудно постичь область действия и назначение разумной веры, рассматриваемой как средство приобщения нас к осязаемым реальностям духовного мира.

Агностики и даже материалисты могут быть безупречно нравственными в своём поведении и потому верными в узком нравственном смысле этого слова; но хотя они нравственны и, следовательно, ведут образцовую жизнь, им мучительно недостаёт духовного восприятия, и потому они испытывают гораздо меньше радости и, соответственно, гораздо больше уныния, чем выпало бы на их долю, будь они убеждены в существовании духовных реальностей.

Нравственность часто определяется законом, носит принудительный, а порой почти всецело условный характер; и хотя сама по себе она хороша, если её не озаряет свет духовного восприятия, едва ли можно полагаться на то, что она выдержит какое-либо суровое испытание. Впрочем, следует честно признать, что многие люди достигли гораздо большего духовного раскрытия, чем сами осознают. Истинная духовность сияет в каждой мысли, слове и поступке, но, будучи светлой, как самый яркий свет,

и всепроникающей, как лучистое тепло, она совершенно непритязательна и столь же ненавязчива.

Сведенборг был несомненно прав, когда утверждал, что подлинно возрождённые люди не знают о собственном возрождении: он имел в виду, что они живут столь просто и естественно, что совершенно свободны от всяких неприятных проявлений или разновидностей сосредоточенности на самих себе.

Идеальная жизнь должна в чём-то походить на образец, описанный в евангельских повествованиях, ибо, как бы сильно ни расходились учёные во мнениях об авторитетности, подлинности или достоверности одного либо всех четырёх Евангелий и сколько бы кажущихся противоречий ни было во всех признанных или утверждённых текстах, в поразительной многогранности характера Идеального Человека есть нечто, вызывающее высочайшее восхищение у всех, кто позволяет возвышенной красоте несравненного повествования о жизни Иисуса затронуть и своё сердце, и свой разум.

Эрнест Ренан и другие скептически настроенные писатели воздавали величественную дань идеалу Христа, и если образ, представленный в Новом Завете, несовершенен — а он, несомненно, таков, — то реальность, вдохновившая его создателей, должна быть бесконечно прекраснее того воспроизведения, которым располагает мир. Однако, чтобы увидеть идеал человечества, нет необходимости разрешать какой-либо исторический спор или оглядываться на 1900 лет назад. *Смотри внутрь себя* — всегда более мудрый совет, чем *смотри вовне*. История может быть отчасти вымыслом; одни факты могли быть скрыты, другие — изменены, но внутренний свет всегда указывает путь к высшему мыслимому достижению. Не к внешним, а к внутренним Хориву, Синаю, Фавору и Елеону должны мы неизменно обращаться за наиболее полным руководством на пути к небесам.

Идеальная жизнь — не копия: она *самобытна*; и в этом заключается коренное различие, навеки отделяющее бессмертный гений от смертного таланта, творения великих мастеров от подражаний их последователей. Никакие две человеческие жизни не могут быть совершенно одинаковыми. Ни один человек не может пережить весь опыт

человеческого рода, но, какое бы место мы ни занимали в строении Великого Человека, мы можем быть здоровыми, счастливыми, благородными, полезными и всячески содействовать общему благу.

Царство Небесное не может быть республикой, потому что граждане республики должны быть равными, и всех мужчин и женщин можно считать равными; но небесное царство, которому предстоит утвердиться сначала в жизни отдельных людей, затем в особых учреждениях и, наконец, во всём мире, есть такое состояние или положение вещей, при котором истинный порядок жизни должен быть признан и открыто провозглашён.

Нравственные побуждения должны направлять интеллект, чтобы тот, в свою очередь, мог осуществлять законную и благотворную власть над всеми физическими условиями.

Духовный мир *сам по себе* можно рассматривать как всеобъемлющую сферу, из которой исходят все выражения жизни. Нравственная область — средоточие всего, что мы подразумеваем под совестью, и всего прочего, что направляет нас к соблюдению нравственного закона, без которого мы

были бы совершенно неспособны жить вместе в каких-либо организованных общественных условиях.

Интеллектуальный план — обитель способности к исполнению, средоточие всего, что мы называем рассудком, хранилище практического знания; физическое же состояние представляет собой окончательное выражение, или предельное воплощение, в котором всё постигнутое пониманием может быть осуществлено в соответствующих формах практического применения.

Если рассматривать *идеальную жизнь* в общественном смысле, *то есть* как идеальную жизнь общины, то это жизнь, выражающая все разновидности возможного человеческого совершенства; однако идеальная жизнь отдельного человека может быть посвящена лишь одной цели и служить лишь одному назначению, но всё, за что человек берётся, он должен исполнять так, чтобы благотворное влияние его жизни ощущалось как влияние неотъемлемой части Великой Жизни, в которой он заключён. Это учение о жизни ни в коем смысле не предлагается миру как завершённая философская система во всех её частностях, но мы

утверждаем, что рано или поздно его смелые общие очертания получат всеобщее признание, ибо оно основано не на сомнительных предположениях о том, что *может быть*, а вырастает из действительного опыта познания того, какова человеческая природа на самом деле, как она обнаруживает себя в каждом случае раскрытия человечности.

III.

СОВЕСТЬ, ИНТУИЦИЯ И ВНУТРЕННЕЕ ОЗАРЕНИЕ.

Три термина, вынесенные в заглавие этой главы, часто употребляются без разбора, причём почти никто не пытается разграничить их так, чтобы каждый из них выражал для разума определённое, самостоятельное понятие; поэтому представляется полезным с самого начала попытаться ясно различить их значения. Слово «*совесть*», хотя оно и весьма употребительно, очень редко подвергают анализу, но стоит лишь разделить его на два слова — *con* и *science* , — как мы обнаруживаем, что оно непременно означает то, что мы знаем сообща или

в конкретной форме, либо то, что известно всем нам вместе. Слог *con* и существительное *science* следует рассмотреть сначала порознь, а затем вместе, чтобы ясно понять, какую мысль первоначально должны были вкладывать в это слово лексикографы, включившие совесть в словарь. Когда мы говорим о *cons* в противоположность *pros*, мы имеем в виду доводы *против*, а не *за*, но, употребляя такие слова, как «конгрегация», «консоциация» и другие термины сходного значения, мы подразумеваем сотрудничество или объединение, то есть не одного человека, а обычно довольно значительное число людей — десять или более, — которые трудятся сообща ради общей цели и соединены узами интеллектуального и нравственного товарищества. Индивидуальная совесть, собственно говоря, есть совокупность индивидуального знания, которое и обозначается словом *science*. Общественная, или коллективная, совесть есть совокупность знаний, которыми обладает сообщество. Поэтому одинаково верно говорить о совести личной и общественной, частной и общей. Часто спрашивают: поддается ли совесть, или совокупность знаний, воспитанию? Разумеется, поддается, если под воспитанием мы понимаем развитие, но не в том случае, если в наших глазах воспитание низведено до низкого

уровня чего-то весьма близкого к зубрёжке. Совестьливость — одно из достояний мозга, проявляющееся через один из его органов, который ясно различим сквозь череп и легко определяется всяким, кто обладает хотя бы поверхностными познаниями во френологии или умеет описывать характер посредством диагностики по черепу.

Этот орган, подобно всем остальным, сжимается или развивается, разрастается или съёживается в зависимости от того, побуждают ли его к более деятельному проявлению или позволяют ему впасть в спячку из-за отсутствия упражнения. Хотя сущность совести, или её отличительное качество, может быть определена, никто не вправе утверждать, что она одинаково развита у всех людей; поэтому двое или несколько человек, в равной мере следующих велениям собственной совести, могут проявлять весьма различные и далеко не равные степени нравственного совершенства.

Если один человек отличается высокой совестью, а другой — гораздо меньшей, вполне разумно утверждать, что поступок первого, совершённый по совести, будет значительно выше или нравственнее такого же поступка второго; *то*

есть тот, у кого область совестливости получила лишь незначительное развитие, может быть столь же совестливым, как и другой, *по своим намерениям*, хотя его действительное поведение способно вызвать отвращение у нравственного чувства другого. Кто знает, как делать добро, и не делает его, для того бездействие или противоположное действие есть грех; но без знания не может быть и ответственности, которая приходит только со знанием. Приведённое положение позволяет вполне логично объяснить многое из того, что часто приводит в большое замешательство людей, слушающих споры о природе и функциях совести, но ещё не пришедших к сколько-нибудь ясному собственному суждению. Везде, где есть место спору, несомненно, есть доля истины у обеих сторон; ни тот, кто утверждает, ни тот, кто отрицает, никогда не бывает совершенно прав, ибо самоочевидные положения или аксиоматические истины, подобные тем, из которых составлена таблица умножения, не допускают спора. Спорная область непременно должна быть до известной степени *terra incognita*, или неоткрытой страной. Честные участники спора — исследователи, ищущие новые запасы истины, а не самодовольные эгоисты, тщетно воображающие, будто их ведёрко

сведений о данном предмете исчерпывает водохранилище или океан доступного познанию знания.

Совесьть — непогрешимый проводник для своего обладателя в пределах того, что ей доступно, точно так же, как математическое знание непогрешимо в той мере, в какой человек им обладает, но не далее. То, что ребёнок знает: $12 \times 12 = 144$, ещё не доказывает, что этот же ребёнок сумеет правильно ответить на вопрос экзаменатора: сколько будет 13 умножить на 13? Совесьть можно сравнить со знанием таблицы умножения, которую все заучивают до 12 умножить на 12, но зачастую не дальше. Может возникнуть необходимость решать вопросы, требующие ответа на более сложные задачи, например: сколько будет 83 умножить на 947? И хотя ответ существует как для более сложного, так и для менее сложного вопроса, из этого вовсе не следует, что, умея верно ответить на один, вы знаете ответ и на другой.

Здесь вступает в силу учение о непогрешимости установленной истины и сопутствующее ему учение о безграничном продвижении в открытии истины, доступном всему человечеству. Истина по самой своей природе неизменна, но наше постижение её неизбежно развивается; поэтому,

хотя наше знание истины не может изменяться, оно расширяется. Это различие между изменением и расширением, несомненно, существенно и чрезвычайно важно.

Архитектор проектирует здание, скажем, в семь этажей; он передаёт свои чертежи строителю, который нанимает рабочих, чтобы возвести здание в точном соответствии с заранее составленным планом; они так и делают, последовательно возводя этаж за этажом, пока не закончат седьмой этаж и не устроят крышу. Рытьё котлована под фундамент — первый этап этого процесса, устройство крыши — последний. Между первым и последним должно быть пройдено множество этапов работы, каждый в свой черёд, но ни одна операция не важнее и не лучше другой, поскольку все они в равной мере необходимы для завершения здания. Так и все мы строим храм своего характера, возводя дом от фундамента вверх, шаг за шагом, логично и последовательно, ибо никаким иным путём храм воздвигнуть нельзя.

В начале этого процесса наша совесть отнюдь не столь развита, как в конце, ибо лишь в ходе самого строительства мы раскрываем присущую нам, или заключённую в нас, способность приобретать

знания. В своих возможностях мы не меняемся, но в действительности постоянно растём, и поскольку на пути к высшим ступеням нам необходимо пройти низшие, мера света, доступная внизу, гораздо меньше той, которую мы ясно увидим, поднявшись выше.

Несовершенные в силу своей неполноты, как и всякие примеры, аналогии нередко помогают навести на мысль об истине, которая иначе осталась бы неясной. Наш пример постепенного возведения здания по меньшей мере даёт пищу для размышления и может сослужить полезную службу, помогая некоторым начинающим мыслителям продвинуться по пути рассуждения до той точки, где они смогут пересмотреть свою терминологию или хотя бы заново истолковать её, так что выражения «обвиняющая совесть», «виноватая совесть» и им подобные приобретут гораздо более определённый смысл, чем тот, который они, возможно, имели прежде.

Совесть не может быть виноватой, но она действительно укоряет. Самим этим укором она призывает нас подняться на более высокие нравственные ступени; поэтому её следует рассматривать скорее как наставника, нежели как

обвинителя. Учение об эволюции, ныне применяемое к нравственности и религии в той же мере, что и к чисто интеллектуальному и физическому развитию, грозит полностью разрушить все освящённые временем богословские воззрения на совесть: ведь вместо того, чтобы, как прежде, представлять непосредственным голосом Бога, укоряющим мятежного человека за его прегрешения, совесть низводится до положения, равного другим человеческим способностям, и вместе со всеми прочими всё чаще рассматривается просто как продукт воспитания или эволюции.

Однако при более внимательном рассмотрении мы обнаружим, что отживают свой век лишь суровые и отталкивающие стороны прежнего представления. Такие отрадные выражения, как «добрая совесть», «непорочная совесть», и многие другие, близкие им по смыслу, постоянно встречаются в посланиях Павла, из которых было выведено всё учение ортодоксального христианства. Павла в равной мере и чрезмерно превозносят, и недооценивают. В глазах преданных почитателей этот замечательный Савл из Тарса стоит по меньшей мере столь же высоко, как даже Иоанн, возлюбленный ученик, если не выше; тем

же, кто решительно отвергает его притязания, он представляется жестоким фанатиком, причём его фанатичная жестокость столь же очевидна после обращения в христианство, как и до перемены в его умственных и нравственных воззрениях.

Взгляды Павла на совесть, как и все прочие его мнения, неоднородны; он не может быть последовательным в выражении своих чувств, ибо характер его слишком неустрашим, чтобы он мог стать спокойным, бесстрастным философом, а лишь совершенно непредубеждённые или вполне бесстрастные люди способны столь спокойно и ясно взвешивать всё, что предлагается на их суд, чтобы их взгляды на любой предмет были если не непогрешимыми, то по крайней мере здоровыми. Для человека павловского склада жизнь — борьба, мир — поле битвы; плотские вожделения непрестанно воюют против души, а потому то, что именуется совестью, играет чрезвычайно ощутимую, а порой и жестоко грозную роль в переживаниях его внутреннего, или субъективного, существования.

Любопытно отметить, что письма Павла содержат многочисленные упоминания о телесных недугах, а его скорбные слова о «жале в плоти» — характерный

пример того, как остро он ощущал свои физические расстройства.

Поскольку столь значительная часть современного христианского учения о совести почерпнута из посланий Павла, стоит помнить, что их автор отнюдь не был совершенным образцом крепкого, здорового мужчины; и хотя по меньшей мере четыре из этих посланий несомненно «подлинны» с точки зрения учёных и критиков, из этого вовсе не следует, что содержащееся в них учение свободно от чрезмерно пессимистического взгляда на жизнь. Мы живём во времена, когда взаимодействие тела и разума подвергается невиданному прежде аналитическому рассмотрению; и хотя многие физиологи придают слишком большое значение влиянию плоти на дух, среди метафизиков также немало тех, кто слишком узко подходит к душевным состояниям, поскольку в своём страстном рвении отстоять честь культа мысленного исцеления они совершенно упускают из виду обратное воздействие.

То, что душевные состояния определяют физическое состояние, всегда верно в своей основе, однако наряду с собственной умственной деятельностью необходимо учитывать столь многие

вопросы, связанные с наследственностью и внешним влиянием на чувствительные натуры, что огульное утверждение, не допускающее никаких оговорок, легко может ввести в заблуждение.

Такие выдающиеся женщины, как Гарриет Мартино, и другие, столь же совестливые в самом высоком нравственном смысле, не колеблясь приписывали значительную долю своего душевного уныния физическим недугам, а благородный английский проповедник Фредерик Робертсон говорил своей пастве, что, испытывая острые страдания от телесной болезни, видел всё словно сквозь плотную чёрную креповую вуаль.

Как часто случается, что из-за расстроенного состояния своего организма люди обвиняют себя во всевозможных преступлениях, в которых совершенно неповинны! Совесть и здоровье связаны самым тесным образом, и нельзя справедливо судить об одном, не принимая во внимание другое. Как правило, гораздо справедливее объяснять дурные поступки и детей, и взрослых болезнью, а затем стараться помочь им на пути к здоровью, нежели прибегать к свирепым

наказаниям, которые несомненно являются пережитками варварства, хотя и нет недостатка в разумных людях, одобряющих и советующих их.

Однако когда благожелательно настроенные люди выступают за варварские меры, это никогда не объясняется тем, что они предпочитают их более мягким средствам, а всегда проистекает из их убеждения — ошибочного, — что лучшего способа защитить общество или исправить обидчика не существует. Когда вы говорите некоторым людям, что лучше было бы воззвать к совести тех, кто творит зло, они обычно дают явно несправедливый и недобрый ответ: «У таких людей нет совести». Поистине, совесть таких людей дремлет, возможно, пребывает в зачаточном состоянии, но во всяком случае зачатки совести у них есть. Во многих кругах царит немалая путаница относительно того, какую позицию человек совестливый считает своим долгом занять в спорном религиозном вопросе, с которым нередко связано жестокое преследование других. Совесть может быть просвещена разумом, а может и не быть; поэтому поступок совестливого человека во многом определяется его разумением, хотя побуждающий к этому поступку мотив принадлежит совести как таковой.

В дни яростной, страстной борьбы за господство какого-либо догмата вопреки всякому противодействию совестливые фанатики могут сжигать «еретиков» и бросать их в темницы, веря, что тем самым праведно служат Богу и человечеству. Такие люди невежественны и воинственны, и своё невежество и воинственность они перенесли в область религиозных споров. Они не рассуждают; поэтому, хотя они и говорят, что действуют по совести, мы обнаружим, что они слишком ослеплены предрассудками и слишком возбуждены пристрастиями своей партии, чтобы когда-либо всерьёз задаться вопросом, правы они или нет в своих бесстрашных деяниях.

Именно здесь мы решительно расходимся со многими одарёнными ораторами и писателями в вопросе о роли совести в преследованиях. Во многих людях, объявляющих себя религиозными, сильные животные влечения лишь сдерживаются велениями вероучения, но не побеждены; поэтому всякий раз, когда можно прибегнуть к уловке и заявить, будто делу религии послужит полное удовлетворение этих страстей, им дают неограниченную свободу, и во имя религии жестокость возводится на престол. Во время войны дикий инстинкт, побуждающий

отправиться куда-нибудь и убить какое-нибудь живое существо, высвобождается в ужасающей мере, и хотя некоторые причины, ведущие к войне, могут быть оправданны, сама война есть не что иное, как выход самой низменной злобы, присущей человеческой природе.

Мы гораздо охотнее принимаем учение о том, что совесть у разных людей раскрывается в разной степени и что о ней можно говорить в категориях «*больше*» или «*меньше*», нежели теорию о том, что совесть сама по себе когда-либо бывает безнравственной.

Переходя от совести к *интуиции* мы поднимаемся на значительно большую высоту и достигаем того уровня мысли, где все сомнительные проявления того, что с полным основанием или без него называют совестью, остаются далеко внизу. Однако значение слова «интуиция» передаётся весьма неопределённо, хотя его этимология ясна. Это просто *tuition* с приставкой *in*. Всякое обычное обучение посредством чувств можно было бы с полным правом назвать *extuition*, поскольку наставник, как правило, целиком полагается на внешние источники сведений и пользуется столь же внешними средствами, чтобы донести их до

понимания ученика. О действии интуиции мы узнаём скорее в школе Платона, нежели в школе Аристотеля.

Демон Сократа не обязательно был духом-хранителем извне: его вполне можно считать «высшим я», или *anima divina* великого философа. Платон, верный летописец и преданный ученик своего прославленного учителя, хотя и отдаёт должное влиянию, которое оказал на него его наставник, в развитии сократовского учения идёт гораздо дальше, чем мог бы пойти простой последователь или подражатель. Врождённые идеи неприемлемы для мыслителя-материалиста, и потому Запад, по своему складу мысли и образу действия в сущности материалистический, весьма благосклонно воспринял воззрения Аристотеля, тогда как Платона считали главным образом мечтателем античности, мастером стиля, но не практическим наставником для молодых мыслителей Европы или Америки.

Восток, по своей сути мистический и созерцательный, признаёт интуицию, а вместе с нею телепатию, психометрию и всё прочее, что Запад ныне исследует с большей или меньшей основательностью. Однако главная опора интуиции

находится в духовной области сознания. Не только Эмерсона, но и Джеймса Мартино можно привести в пример доверия к интуиции, хотя последний, если не оба, не раз проявлял себя как весьма строгий в своих рассуждениях мыслитель. Выдающаяся книга доктора Мартино «Источник авторитета в религии», написанная им не ранее восьмидесятого года жизни, в известном смысле чрезвычайно рационалистична: местами она напоминает выводы Лекки в его «Истории европейской нравственности». Но когда приходит пора окончательной проверки и раскрытия самой сути предмета, Мартино с непревзойдённым мастерством обращает рационализм против агностицизма и решительно выступает защитником религии духа, пребывающего внутри нас. Такая книга — благородный предмет изучения, и особенно полезна она должна быть тем, кого волны швыряют и треплут в пустынном океане сомнений, кто не способен принять ни исторических свидетельств в пользу христианства, ни какой-либо иной оформленной богословской системы, но при этом глубоко ощущает в себе пребывающий внутри дух, который не только направляет к праведности в нравственном смысле, но и свидетельствует о реальности Бога и

несомненности человеческого бессмертия.
Изысканное стихотворение Мартино,
начинающееся известными строками:

«Кто Бога и себя познать стремится,
Пусть в тишину уйдёт и погрузится,
И, сняв покров за покровом со всего,
Достигнет глубины сокрытой своего»,

принадлежит к прекраснейшим образцам современной духовной поэзии на любом языке. Столь благородный гимн вполне согласуется с выводами его учёного автора, который пятьдесят лет назад был достойным представителем *консервативного* английского унитаризма, о чём убедительно свидетельствует его старый сборник гимнов, до сих пор используемый в некоторых молитвенных домах. Изданные позднее, в ходе его пастырской и литературной деятельности, «10 чинопоследований христианского богослужения» по-прежнему обнаруживают консервативный дух, пронизанный глубоким духовным сознанием, выходящим за пределы богословия. А его более поздний сборник «Гимны молитвы и хвалы» — уже двадцать лет пользующийся большой любовью в Англии — дышит всё большей широтой духа и показывает, что составитель столь прекрасного

собрания духовных песнопений умел отбирать лучшие жемчужины псалмопения из всех источников и, отнюдь не избегая сугубо христианских чувств, мог равно служить благочестивым мыслителям и устремлённым к высшему сердцам как внутри, так и вне любой конфессиональной общины.

Самые уязвимые места во всех церковных доспехах — самые внешние. Популярная библейская критика, даже так называемая «высшая», занимается почти исключительно вопросами, которые в конечном счёте имеют скорее исторический, нежели духовный характер. Было ли два или три Исаии? Сколько псалмов из ста пятидесяти, составляющих принятую Псалтирь, написал Давид? Кто написал четвёртое Евангелие или Послание к Евреям? Все подобные вопросы, число которых можно увеличивать до бесконечности, нисколько не затрагивают сущности религии, хотя представляют большой исторический интерес и пренебрегать ответами на них не следует. Новая полихромная Библия — самая недавняя, самая масштабная и самая полезная из многих предпринятых доныне попыток познакомить читающую публику с результатами новейших

библейских исследований. Однако, ознакомившись с образцами страниц этого нового грандиозного труда — поистине монументального предприятия, — отнюдь не теряешь желания вновь обратиться к «Народной Библии» Джозефа Паркера и послушать пастырское, а не строго научное истолкование почитаемого текста.

Допустим, одежда Иосифа была «с длинными рукавами», а не разноцветной, а жена Авраама боялась, что «над ней будут смеяться», вместо того чтобы ожидать, что «с нею будут смеяться», как говорилось в старом переводе; всё равно чрезвычайно отрадно видеть, сколь мало все эти изменения и исправления влияют на общую направленность нравственных наставлений, вытекающих из этих повествований.

Люди с развитой интуицией склонны не придавать особого значения текстологической критике, поскольку в своём озарении они не зависят от литературы, даже самой лучшей. Авторы предшествуют книгам; художники должны существовать прежде картин; поэты, даже если бы все сохранившиеся доныне почтенные тома были признаны подделками, душа не смутилась бы, ибо её просветление никогда не зависит от книг.

Если источник авторитета в религии не внешний, а внутренний, интуитивный и пророческий, а не священнический и церковный, то, даже если окажется, что все иерархии построены на песке, твёрдая скала внутренней уверенности навеки останется прочным основанием всякого устойчивого религиозного сознания. Богословы-схоласты всегда признавали, что Бог может открываться человеку двумя способами: либо через непосредственное божественное воздействие внутри отдельной человеческой души, либо через посредство установленной иерархии. Поскольку восприятие у отдельных людей различается, выдвигают довод, что Бог учредил иерархию; утверждать это легко, но обосновать, если изучать исторические факты, весьма трудно.

Интуиция, разумеется, развита у разных людей в разной степени, да и у одного и того же человека в разное время проявляется неодинаково. Но хотя это можно считать общепризнанным фактом, основанным на науке и подтверждённым бесчисленными свидетельствами опыта, такое признание нисколько не лишает саму интуицию

права на высокую оценку как главного средства, доносящего истину до самых сокровенных глубин человеческого сознания.

Интуиция ни в каком смысле не служит заменой разуму — способности, которую ей, несомненно, никогда не предназначено вытеснить, — ибо во всех нормальных случаях именно разум призван обрабатывать сведения, поступающие к нему через врата интуиции. Здесь может оказаться полезным наглядный пример. Представьте себе зал собраний с двумя входами: один ведёт с улицы, оживлённой общественной магистралью; другой — из учебного заведения или частного жилища, вроде епископского дома, примыкающего к собору. Через оба входа можно попасть в середину зала, но люди, входящие через разные двери, движутся навстречу друг другу. Эти две различные группы людей могут сообщить два рода сведений, и, если те и другие разумны и правдивы, их слова не будут противоречить друг другу, хотя каждая группа расскажет новости, которые можно было узнать лишь там, откуда она пришла.

Расспросите представителя одной группы об уличных делах, и он, только что покинувший торговые ряды, охотно поведаёт вам о рыночных

сделках, хотя он совершенно ничего не может знать о жизни частного дома или учебного заведения, куда ему не было доступа; представитель другой стороны, вошедший из епископского дворца или из семинарии позади церкви, может сообщить сведения совсем иного рода, но ничего не знает о внешнем мире.

Свидетельства чувств и интуиции, подобно свидетельствам этих двух групп людей, можно представить разуму для разбора и применения, но неизменно остаётся верным одно: всё, что входит снаружи в дом, где разум восседает на престоле, должно относиться к области чувств, тогда как свидетельства духовной истины могут войти лишь через врата, ведущие внутрь.

Обычно полагали, что, раз в эзотерике интуицию называют *женской*, а разум — *мужским*, то женщины обладают большей интуицией, чем мужчины. Это не обязательно так, хотя известно, что до сих пор среди людей, отличавшихся обладанием весьма надёжной и полезной интуитивной способностью и умением ею пользоваться, женщин было больше, чем мужчин. Более спокойный и домашний образ жизни женщины не препятствовал развитию её интуиции, тогда как образ жизни её

брата этому препятствовал; и поскольку женщинам всегда суждено быть матерями человеческого рода, а материнство весьма способствует развитию интуитивной стороны человеческой природы, вероятно, среди людей интуитивного склада всегда будут преобладать женщины, а среди людей интеллектуального склада — мужчины, пока общее развитие не достигнет той ступени, на которой наступит такое равенство человеческого развития, какого мир доселе не знал и не видел.

Дела сугубо мирского характера поневоле ведутся в обстановке, не особенно благоприятствующей духовному развитию; вместе с тем следует настойчиво подчёркивать, что в будущем нам вовсе не обязательно оставаться в своих деловых методах столь вопиюще материалистичными, какими мы были в прошлом и остаёмся в настоящем.

Торговля, если она ведётся праведно, несколько не мешает жить благородной нравственной жизнью, и непременно придёт день, когда никакая сторона духовного опыта не будет стеснена занятиями какой бы то ни было мирской деятельностью. Но время, когда деловые методы станут духовными, ещё не вполне настало, и потому лишь в отдельных случаях — заметных

исключениях из общего правила — мы встречаем руководителей торговли, явно наделённых очень развитой интуицией.

Из только что сказанного не следует заключать, будто мы выступаем против того, чтобы интуиция служила руководством в области, отведённой преимущественно мирским обязанностям; напротив, мы утверждаем, что дела мира не будут успешно вершиться, если интуиция не станет вдохновлять торговлю, и что это произойдёт лишь тогда, когда она станет её вдохновлять.

Интуиция — это прозрение, ясновидение, способность распознавать побуждения и видеть действие скрытых причин, порождающих физические следствия. Подумайте же, каким благом для честных тружеников и каким великим поражением для бесчестных интриганов стало бы умение прозревать, проникать в суть вещей или внутренне различать истину, если бы оно могло направить яркий луч света на мошеннические проделки «Джима-писаки» и ему подобных. Что толку в рекомендательных письмах, в «первоклассных» рекомендациях или рекомендациях «А 1», если нельзя быть уверенным в их подлинности? И, несомненно, повсюду

признают, что история вновь и вновь доказывала: подделка в самых разных областях доведена до такого совершенства, что почти не поддаётся распознаванию даже самыми искусными знатоками.

Пользоваться интуицией невозможно там, где господствует какое бы то ни было предубеждение, ибо, когда у человека есть прочно укоренившееся представление, интуитивное откровение, если оно с ним не согласуется, почти наверняка будет отвергнуто. Мужчина или женщина, обладающие интуицией, безусловно честны, зорки, проницательны, умеют различать истину, но ни в малейшей степени не подозрительны. Подозрительность сродни ревности и многим другим порокам и слабостям; поэтому подозрительный *Отелло* был обманут вероломным *Яго*; тогда как *Эмилия*, чистая душой, была достаточно проницательна, чтобы знать: *Дездемона* совершенно невиновна в том проступке, в котором её жестоко обвиняли. В своём «*Венецианском мавре*» Шекспир очень ясно показал нам, как легко подозрительная душа становится жертвой обмана, ибо готовность обвинить человека в дурном

поступке на основании слухов свидетельствует о нраве, не умеющем ни проникать в суть вещей, ни различать истину.

Внутреннее озарение — это, если можно так выразиться, интуиция, возведённая в высшую степень. Обычная интуиция может касаться, и часто касается, главным образом вопросов личного или частного интереса; духовное же озарение есть не что иное, как наполнение сознания небесным светом до такой степени, что тёмные вопросы становятся ясными; и там, где прежде в вышине не было путеводной звезды, небеса сияют славой Вифлеемской звезды, а воздух оглашается песнями небесного хора.

В старину существовали три разряда людей, за которыми признавалось превосходство над остальными; их называли соответственно *Literati*, *Inspirati* и *Illuminati*. Первые представляли собой то, что сегодня мы понимаем под литературным братством, с той лишь разницей, что литература тогда была ограничена гораздо более узкими пределами, чем ныне; люди пера были *редкими птицами* в том смысле, в каком сегодня они,

несомненно, уже не редки, хотя литература высшего порядка и сейчас встречается нечасто и высоко ценится.

Ко второму из трёх упомянутых разрядов относились все те необыкновенно одарённые люди, чьи «психические» дарования дают пищу для особых размышлений и открывают возможность для специальных исследований. Третий разряд, и только третий, составляли те, кто постиг в себе истину того, что некоторые из наших недавних поэтов называли «внутренним светом и живым словом».

К первому разряду относятся *люди книжной учёности*; ко второму — люди с особыми «*медиумическими*» дарованиями; к третьему — божественно *просветлённые*. У всех есть своё место и своё дело; все достойны уважения, полезны и необходимы, если только верны своему призванию; но, как бы многим мир ни был обязан первым двум разрядам за полученные наставления, тщетно было бы отрицать, что лишь к третьему принадлежат такие учителя человечества, которые заслуживают звания наставников и научились владеть собой всегда и во всём.

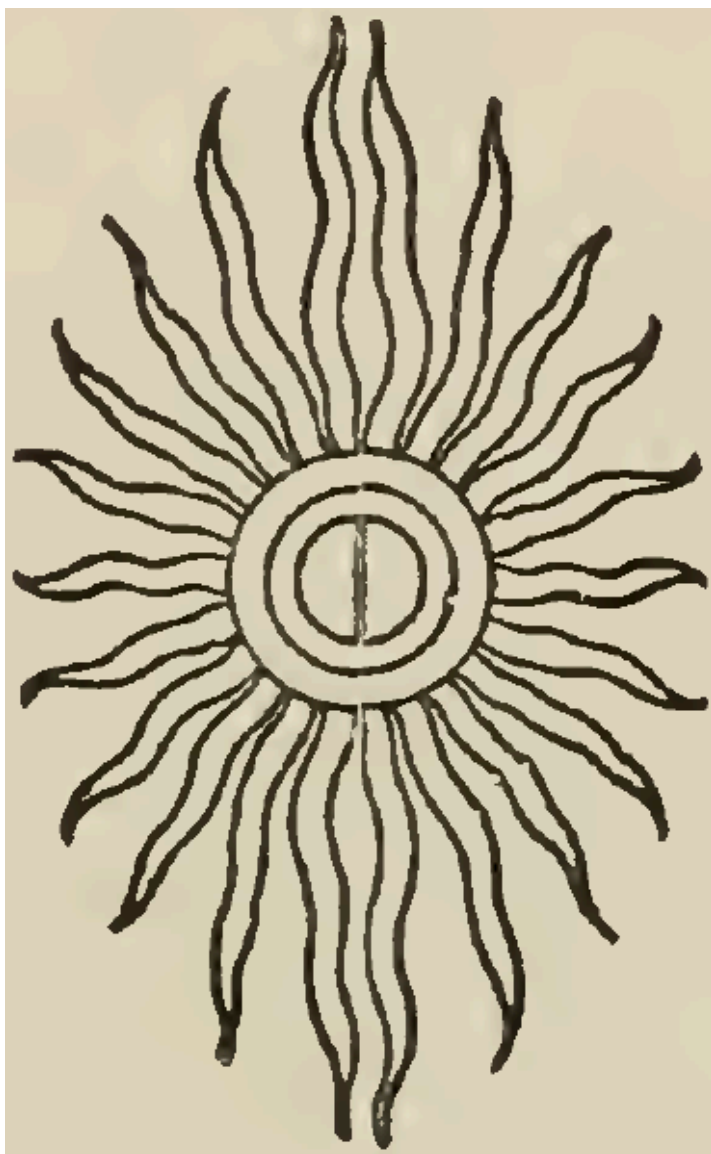
Пусть никто не думает, будто можно безнаказанно пренебрегать ранними и более слабыми ступенями достижения лишь потому, что высшее далеко превосходит низшее и достоинством, и пользой. Тем, кто был верен в малом, обещана власть над многим; те, кто пустил в дело один талант, вскоре оказываются обладателями двух, тогда как те, кто отказывается оправдать малое доверие или воспользоваться незначительной возможностью, со временем лишаются и того небольшого, чем пренебрегли.

Верность кажущимся незначительными обязанностям — верная ступень к грядущему озарению, ибо, какой бы малой ни казалась обязанность, её никогда нельзя считать неважной. Истинным путём к пророческим высотам идут все, кто, в каком бы качестве они ни действовали, сколь бы скромным или незаметным ни было их положение, усердно живут согласно высшей истине, которую постигли. Мерки мира нередко в корне ложны, и потому нет внешних критериев, по которым можно было бы судить об адепте веков. Озарение может изливаться на землю с престола земного владыки, как в предании о Зороастре, или исходить из презираемого Назарета, как в предании

о Христе. Премудрость оправдана всеми чадами её, независимо от того, где они родились и чем занимаются.

История двенадцати апостолов производит поразительное впечатление, если читать её в свете всеобщего знания. Некоторые из учеников, ставших апостолами, — рыбаки, и ни в одном из четырёх Евангелий нет ни намёка на то, что, получив озарение свыше, они оставляют своё занятие. Один апостол (Лука) — врач, другой (Матфей) призван с места сбора пошлин; стало быть, он сборщик податей; и нигде нам не говорится, что занятие или прежнее обучение имели хоть какое-то отношение к качествам, необходимым для апостольского служения. Поскольку население мира состоит из самых разных людей, необходимо, чтобы до всех сословий и всех слоёв доходило слово учителей, особенно сведущих в соответствующих областях труда. Учёность Оксфорда или Кембриджа не нужна в лондонском Ист-Энде, а говор Уайтчепела не подходит для гостиных Белгравии. Будем же держаться как можно дальше от попыток установить единообразие — рифа, о который столько узколобых тружеников разбивают свои суда и теряют улов. Единство духа нам действительно необходимо;

единообразие методов — помеха, а не подспорье. Радуюсь своим особым способностям приносить пользу в каком-либо деле (неважно в каком), мы можем от всей души сотрудничать со всеми искренними человеколюбцами во всём мире, и, если только будем безусловно верны своему призванию, озарение непременно может стать нашим достоянием, совершенно независимо от нашего внешнего положения.

иллюстрация

IV.

СОН, СНОВИДЕНИЯ И ВИДЕНИЯ — КАК ИЗВЛЕЧЬ ИЗ НИХ НАИБОЛЬШУЮ ПОЛЬЗУ.

Хотя сон — одно из самых обычных и обыденных явлений нашей жизни, в нынешние беспокойные дни очень редко встретишь человека, склонного смотреть на сон и его духовные блага так, как смотрели многие достойные люди древности, чьи переживания во время сна составляют предмет немалой части библейского повествования как в Ветхом, так и в Новом Завете. Хорошо известные слова «Он даёт возлюбленным Своим сон» послужили вдохновляющим заглавием для многих трогательных гимнов; однако, как ни прекрасно, без сомнения, выраженное в них чувство при обычном прочтении, общепринятый перевод далеко не раскрывает всего смысла подлинника. «Он даёт возлюбленным Своим, пока они спят» — гораздо более полное толкование, которое уводит мысль значительно дальше, чем привычное прочтение. Если мы утомлены и нуждаемся во сне, сон — драгоценное благо; но если наше представление о нём не поднимается выше обычного понимания временного отдыха или прекращения

деятельности, мы не можем обрести тот возвышающий и приносящий удовлетворение взгляд на сон, которого всегда придерживались провидцы и мудрецы, для которых духовный мир был живой реальностью, а не призраком надежды или, в лучшем случае, отдалённым идеалом будущего.

Если видеть во сне лишь средство необходимого восстановления умственных и физических сил, то многим деятельным, предприимчивым людям он кажется почти пустой тратой времени; поэтому они жалеют времени на сон и в результате доводят себя до чрезмерной нервозности, которая вскоре переходит в гиперестезию или иную опасную форму нервной возбудимости, совершенно несовместимую с нормальным здоровьем и соответствующей ему умственной и нравственной бодростью. Прежде чем мы сможем хоть сколько-нибудь оценить психическое значение спокойных слов «Если уснул, то выздоровеет», сну необходимо отвести подобающее место как средству духовного образования. Насколько верно это изречение, хорошо знает всякая сиделка и всякий, кто дежурит у постели больного и страждущего; но хотя в чисто внешнем смысле его признают все, признание,

основанное лишь на физическом опыте, по-прежнему оставляет все высшие вопросы, связанные со сном, далеко на заднем плане.

Бессонница — болезнь разума и нервов, в конечном счёте приводящая к полному нервному истощению и расстройству разума. Анестетики и снотворные препараты бессильны вызвать естественный сон и, как правило, приносят больше вреда, чем пользы, поскольку скорее ослабляют и угнетают, нежели бодрят и поддерживают как психический, так и физический организм.

Поскольку слово «гипнотизм» ныне весьма в ходу и в представлении публики этот термин более или менее связан с тем, что на специальном языке именуется *искусственным сомнамбулизмом*, нередко возникает необходимость разделить *гипноз* на две чётко различающиеся категории и тем самым попытаться рассеять заблуждения той многочисленной части публики, которая вечно ищет либо какую-нибудь новую опасность, либо новый способ заклинаниями избавляться от болезней и страданий, прибегая к магии или таинственным силам в одной из бесчисленных их форм. Распространённое представление о лечении гипнозом, или наведением сна, в значительной

мере ошибочно; едва ли найдётся другой предмет, в отношении которого царило бы столь всеобщее непонимание, и прежде всего потому, что большинству людей обычно трудно понять роль воли в области психических экспериментов.

Первая мысль, которая приходит обычному человеку, услышавшему о гипнотизме, состоит в том, что кого-то таинственным образом принудили подчиниться власти чужого разума, причём способом, нередко способным внушить ужас впечатлительным и робким людям, которые обычно составляют немалую часть любого населения.

Вторая мысль о гипнотизме, приходящая той части публики, которая готова делать выводы путём рассуждения, состоит в том, что гипнотизм, весьма вероятно, хорошо заменяет хлорал и другие опиаты и при осторожном применении может принести большую пользу при нервных заболеваниях, если не сказать больше. Первое из упомянутых мнений настолько несостоятельно, что мы не считаем нужным обсуждать его сколько-нибудь подробно, по крайней мере в этой книге, поскольку его уже убедительно опровергли Хадсон, Флауэр и другие способные авторы, стремившиеся рассеять заблуждения и представить публике этот предмет в

истинном свете. Второе же мнение настолько тесно связано с естественным сном и способами его вызвать, что заслуживает большего, нежели мимолётное упоминание.

Если разум и тело находятся в должном равновесии, сон никогда не приходится вызывать искусственными средствами; но во время физической болезни и душевных страданий, когда человек не в состоянии успешно прибегать к самовнушению, ему нередко необходима доброжелательная помощь другого человека. Сон и усталость вовсе не так тесно связаны, как принято думать, поэтому мы надеемся, что разговоры об утомлении больного повторяющимися однообразными внушениями уступят место более точным выражениям. Когда люди говорят, что слишком устали, чтобы уснуть, они нисколько не погрешают против научной точности языка: ведь бесспорно, что прежде, чем заснуть, нам нужно отдохнуть, иначе беспокойство лишает нас сна, а если мы и засыпаем, наши сновидения могут утомлять нас даже сильнее, чем долгое бодрствование.

Людам одного темперамента требуется сравнительно мало сна, тогда как другим — очень много; однако такое утверждение обычно порождает некоторое недоразумение, если не сопровождается оговорками, особенно когда Наполеона и других известных личностей приводят как примеры людей, которым требовалось очень мало сна.

Качество сна важнее его количества, а поскольку качество сна определяется глубиной покоя, мы можем с уверенностью заключить, что Наполеон I и другие выдающиеся личности, которые всё, за что брались, делали с большой основательностью, за четыре часа в действительности спали больше, чем обычные люди за восемь.

Продолжительность сна в значительной мере несущественна, хотя масонское разделение суточного времени на три равные части вполне разумно. В качестве общего правила можно без опасений рекомендовать восемь часов постоянного труда в своём обычном занятии, восемь часов сна и восемь часов на еду, одевание и отдых. Но как бы хороши ни были общие правила и как бы хорошо они ни подходили значительной части человеческого рода, непременно найдутся люди,

чьей природе они не отвечают. Надёжная позиция — та, которая позволяет избегать, с одной стороны, нетерпимости, а с другой — безразличия; словом, та, в которой воплощены следующие широко признанные принципы: в существенном — единство; в сомнительном — свобода; во всём — любовь. Устанавливать жёсткие правила, которым все должны следовать в какой-либо области духовной жизни, ещё менее плодотворно, чем придерживаться такого ошибочного подхода в чисто физической области; следовательно, большинство жителей любой западной страны не может со всей точностью следовать наставлениям, которые восточные свами и азиатские учителя дают в Америке и Англии. У жителя Востока обычно гораздо больше свободного времени, чем выпадает на долю среднего жителя Запада, поэтому правила отхода ко сну и отдыха, которые легко соблюдать в Азии, чрезвычайно трудно выполнять в Европе или Америке. Некоторые специалисты по гигиене считают идеальным вставать в четыре часа утра и ложиться в восемь часов вечера, желая, чтобы до полуночи человек спал столько же, сколько после неё.

Если бы все мы были земледельцами, живущими в сельской местности, мы могли бы без особых затруднений соблюдать этот распорядок, каждый день выполнять немалую работу и благоденствовать; но поскольку среди нас есть ночные редакторы, ночные служащие и другие люди, которым совершенно невозможно соблюдать такое правило, неразумно представлять его одним из необходимых условий духовного развития — вопроса, который интересует всех нас независимо от наших занятий.

То же самое можно сказать и об установленных часах уединения ради медитации. Невозможно, чтобы все соблюдали назначенное некоторыми братствами или обществами время — полдень, девять часов вечера или какой-либо иной час, — поскольку деловые и домашние обязанности часто этому препятствуют. К отстаиваемой нами теории подобное возражение неприменимо, ведь каждый человек когда-нибудь спит, и наш совет состоит в том, чтобы посвятить медитации последние мгновения бодрствования, когда бы они ни наступали: тем самым вы берёте верный аккорд, который будет звучать всё время, пока вы спите.

«Питер Иббетсон» Дю Морье в некоторых отношениях — произведение мастерское, неизмеримо превосходящее несколько сомнительную «Трильби», которая пользовалась куда большей популярностью. В «Питере Иббетсоне» автор показывает, как сон может служить совершеннейшему телепатическому общению двух преданных друзей, которых безжалостная судьба жестоко разлучила на внешнем плане. Почти тридцать лет мужчина, заключённый в тюрьму, и женщина, свободно путешествовавшая по прекраснейшим уголкам мира, сознательно пребывали в единении, и даже после того, как один из них оставил смертную оболочку, к другому приходили вести из-за Стикса. Такое повествование наводит даже самого невнимательного читателя на мысль, вполне созвучную благородным строкам: «Не каменные стены создают тюрьму, не железные прутья — клетку».

Мы никогда не можем быть вполне уверены в том, какими окажутся наши внешние обстоятельства; мы не можем с полной уверенностью обещать себе, что неблагоприятные условия никогда не лишат наши тела свободы, но можем научиться применять в разных смыслах

памятные слова: «Свободен тот, кого освобождает истина, а все прочие — рабы». Представьте себе блаженство от сознания того, что, какова бы ни была наша внешняя судьба, восемь часов из каждых двадцати четырёх целиком принадлежат нам: мы можем делать всё, что нам угодно, идти куда пожелаем и общаться с теми, кого сами выберем.

Какой бы фантастической ни казалась поначалу многим эта идея, сама возможность её осуществления столь притягательна, что всякий, кто начинает хотя бы смутно постигать мысль о её осуществимости, непременно предпримет какие-нибудь шаги, чтобы убедиться в её достоверности.

Библия с полной определённой повествует о великих сновидцах и толкователях сновидений. Оба Иосифа были во всех отношениях великими людьми, наделёнными необычайной силой характера, и оба Завета рассказывают нам, какую пользу их сновидения приносили им самим и другим. Время и пространство неизбежно исчезают, когда мы рассматриваем вопросы, имеющие значение для всего мира. Египет и Палестина — не более благоприятные края, чем Англия и Америка. Древние времена способствовали духовному раскрытию не больше, чем те часы, которые мы

проживаем сейчас. Мы можем уподобиться Иосифу и научиться спать и видеть сновидения так, как видел их Иосиф, о котором мы часто читали в древнем повествовании. Одна из лучших сторон современной мысли — та, которая упраздняет расстояния и эпохи, ставя нас вместо этого перед состояниями разума и нравственности. Быть «праведным» человеком, подобным Иосифу, — значит всегда быть готовым внимать небесному руководству, особенно в пору трудностей и опасностей, когда внешняя помощь тщетна, а внешний рассудок оказывается совершенно неспособным удовлетворить насущную потребность. Как нам сообщают, евангельский Иосиф трижды получал особое предостережение от Бога во сне через ангела. Этот «ангел» мог быть его собственным высшим «я» или внешним помощником, но в обоих случаях ангел являлся спящему в сверхсознательном состоянии.

Даже на таких обычных мероприятиях, как концерты, лекции и другие публичные увеселения, опыт, который можно приобрести во сне, совершенно выходит за пределы общепринятых представлений.

Когда люди засыпают в общественных местах, их обычно считают невнимательными или же крайне усталыми; между тем во многих случаях, известных автору, весьма чувствительные люди, притом совершенно здоровые, погружались в глубокий сон именно в тот момент, когда их интерес к происходящему достигал наивысшей точки, и во сне им снилась более величественная музыка и слышались речи гораздо более поучительные и глубокие, чем те, которые в это время доносились до внешнего слуха бодрствующих слушателей.

Разумеется, мы не хотим сказать, будто для обретения внутреннего просветления достаточно заснуть во время публичного мероприятия; такое заключение было бы в высшей степени ошибочным, ибо, если вы не пребываете в восприимчивом состоянии, вы не получаете никакого облагораживающего притока, не видите славных видений и не слышите мудрых речей лишь оттого, что забыли об окружающем внешнем мире. Прежде чем мы окажемся в состоянии принять особое озарение, мы должны вполне определённым образом сосредоточить свои мысли на

определённом предмете; поэтому живой интерес к обсуждаемой теме или исполняемой музыке явно представляет собой необходимое условие.

Однажды автор согласился изложить весьма важную проповедь, которую известный проповедник произносил на тему, глубоко интересовавшую всю общину, и пришёл в церковь с записной книжкой и карандашом, намереваясь делать подробные записи, передавая слова оратора точно или как можно ближе к оригиналу. Легко представить себе удивление автора, когда, едва записав текст, на котором основывалась проповедь, он тут же уснул, а пробудился лишь тогда, когда проповедь уже закончилась, чувствуя себя крайне досадно и весьма неловко. Однако всё завершилось как нельзя лучше: вскоре содержание всей речи всплыло из глубин внутреннего сознания, и краткое изложение, переданное в газеты, многие из тех, кто ни на миг не заснул во время проповеди, признали необычайно удачным.

Наше *подсознательное «я»* или *внушаемый разум*, как некоторые называют наше внутреннее «я», действует подобно фонографу и посредством психических цилиндров сохраняет все впечатления, которые мы получаем, мирно

пребывая во сне. Как и всякая другая способность, способность *видеть истинные сновидения* , как назвал её Дю Морье, у большинства людей нуждается в развитии, хотя у многих детей, а также у взрослых со спокойным нравом, живущих преимущественно в одиночестве, она в значительной мере проявляется и без особого приглашения.

Причина того, что древний Восток завещал нам столь богатое наследие повествований о вещих сновидениях, тогда как Запад в последние столетия был довольно беден подобными историями, заключается в том, что образ жизни восточных рас спокойнее, чем у западных народов, а в старину тяготы материального существования обычно были не столь велики, как сегодня. Если бы нам открылись летописи средневековых монастырей, мы нашли бы в них такую массу свидетельств психического опыта, что записи современных обществ психических исследований рядом с ними померкли бы до полной ничтожности; и даже если бы мы не отправились дальше Шотландского нагорья, мы могли бы без труда собрать огромное количество вполне достоверных свидетельств несомненной реальности видений, подобных тому,

которое легло в основу популярной шотландской песни «Кэмпбеллы идут», и многих других в том же духе.

Шотландские ковенантеры и многие другие сообщества людей суровых нравов, не исключая пуритан и пилигримов Новой Англии, свидетельствовали о реальности «особых наставлений» во время сна, и хотя их более суровые богословские учения сегодня уступают место более мягким и кротким религиозным воззрениям, доводы в пользу пережитого ими внутреннего опыта слишком весомы, чтобы их можно было опровергнуть. Более возвышенное слово «видение», которое, в конце концов, означает лишь зрение, по своему значению выходит за пределы более обыденного слова «сновидения», хотя в Библиях для учителей и во многих комментариях к библейскому тексту эти два слова употребляются почти как синонимы.

Существуют три ясно различимых вида сновидений. Во-первых, обыденное сновидение, которое никогда не бывает отчётливым, а в худшем случае превращается в кошмар. Во-вторых, сновидение, которому мы инстинктивно придаём некоторое значение, поскольку после пробуждения

оно оставляет в нас отчётливое впечатление. В-третьих, пророческое сновидение, очень близкое к видению провидца. Обыденное сновидение — всего лишь результат обычного мышления; поэтому то, что мы, как нам кажется, переживаем во время сна, ничем существенно не отличается от занятий разума и тела, которым мы обычно предаёмся днём. Мучительные сновидения никогда не тревожили бы нас, если бы наяву мы хранили себя от смятения и тревоги. Но поскольку пока едва ли можно ожидать, что люди совершенно перестанут тревожиться — настолько глубоко укоренилась эта привычка, — вполне разумно предложить следующее простое упражнение, которое следует выполнять непосредственно перед тем, как лечь в постель, или сразу после этого, чтобы предотвратить неприятные сновидения, способные иначе омрачить сон.

Если в течение дня что-либо раздражало или тревожило вас и вам трудно усилием разума изгнать это из своих мыслей, вы всегда можете прибегнуть к доброму совету: сосредоточьте всё своё внимание на какой-нибудь приятной, благотворной мысли, подсказанной вам чтением, созерцанием прекрасного предмета, возвышенной беседой с близким по духу другом или просто внутренней

решимостью устремить мысленный взор к одному избранному идеалу. Если вы достаточно свободно чувствуете себя в мире отвлечённых понятий, вам не нужен никакой конкретный символ в мыслях: в таком случае будет достаточно слова «надежда», «вера», «мир», «успех» или любого другого, которое вы выберёте. Если же вы не можете постичь отвлечённое и ощущаете потребность в чём-то конкретном, вы можете использовать субъективно всё то, что было бы полезно ввести объективно. Здесь и проявляется польза высокоразвитой способности к визуализации: тот, кто успешно владеет ею, в любое время может по своей воле вызвать именно тот образ, который хотел бы видеть перед собой во внешнем мире.

Мы не всегда можем находиться в прекрасных местах или среди предметов, в точности отвечающих нашим вкусам; поэтому, если мы не достигли мастерства в создании мысленных образов, окружающая нас безвкусица и несообразность нередко сильно нас тревожат. А когда мы засыпаем, мысленно задерживаясь на низменных или неприятных обстоятельствах, нам весьма часто снится всё то, к чему они естественным образом ведут. Сосредоточьте

мысленный взор на предмете, который доставляет вам удовольствие, особенно на таком, который чему-то учит и воплощает высокий идеал. Пусть мысль о нём будет вашей последней мыслью перед сном; засыпайте с нею, и ваши сновидения вскоре перестанут быть неприятными. Поскольку пища и житейские удобства обычно влияют не только на физическое состояние, но и на состояние разума, не ложитесь спать голодными; если вам хочется есть, слегка подкрепитесь чем-нибудь наиболее приятным на вкус и, как показал опыт, во всех отношениях подходящим для вас. О температуре спальни, одеялах на постели и всех прочих принадлежностях ночного отдыха следует позаботиться заранее, проявив разумную предусмотрительность. Но поскольку об этой сугубо внешней стороне науки о гигиене и без того постоянно пишут так много, мы считаем своим долгом уделить главное внимание внутренним упражнениям, которые по важности и влиянию намного превосходят все поверхностные стороны правил здоровой жизни.

Библия сообщает нам, что пророки обычно получали призвание от Бога во время сна; и мы вполне можем понять, что древние авторы хотели

передать этим выражением, если внимательно присмотримся к собственным высшим переживаниям. День обычно занят неотложными обязанностями, исполнение которых удерживает внимание на внешних вещах. Ночь приносит передышку от этих занятий и тем самым даёт духу свободу откликнуться на небесный зов.

Следует помнить, что выражение «Ангел Господень» допускает широкое толкование и с полным основанием охватывает очень многое. *Ангел* означает лишь «вестник», так что всякий человек или всякая вещь, посредством которых совершается служение, могут быть включены в собирательное понятие «*ангелы*». Кто бы или что бы ни было источником речи и голоса, услышанного в ночной тишине ребёнком, подобным Самуилу, это, несомненно, нечто способное наделить его знаниями, выходящими за пределы обычных, и дать ему возможность точно предсказывать грядущие события.

На этом этапе нашего обсуждения сновидений и видений мы, несомненно, сталкиваемся с одной из самых трудных для обычного разума проблем. В предвидении, по-видимому, ясно обнаруживается предопределение, ибо, как утверждают, если наше

будущее не намечено заранее, его нельзя предвидеть; следовательно, если предвидение возможно, предопределение следует признать истиной. На первый взгляд этот довод кажется неопровержимым, но при ближайшем рассмотрении мы находим слабое звено в цепи рассуждений и, в особенности, обнаруживаем ошибку в господствующем представлении о том, что означает предопределение. В области видений, куда нам может открыться доступ во время сна, мы способны различить действие причин, уже приведённых в движение и ведущих к неизбежным последствиям. Эти последствия, хотя они несомненны, никак не могут быть различимы во внешней области следствий, в которой они ещё не проявились.

Провидец — тот, кто видит внутреннюю сущность вещей, видит их насквозь и проникает под их поверхность, — располагает гораздо большими возможностями для расчёта грядущих событий земного плана, чем мог бы иметь самый искусный мыслитель, будь он ограничен областью материальных наблюдений. Предположим, вы идёте через поля и благодаря ясновидению способны различить зёрна, скрытые в земле, так что

действительно видите прорастающую под поверхностью почвы пшеницу, ячмень, овёс или кукурузу: тогда вы, несомненно, можете утверждать, что на определённых участках земли, которые вы способны указать, появятся определённые виды урожая. Точно так же, если вы способны проникнуть за покров внешнего чувства и увидеть то, что уже произошло в субъективном мире, или мире причин, вы можете вполне успешно выступать в роли пророка, не приписывая своей деятельности ничего чудесного или якобы сверхъестественного. Даже слово «сверхнормальное» здесь не нужно, ибо мы проявляем крайнюю самонадеянность, когда дерзаем устанавливать границы нормального и безоговорочно судить о том, что лежит за его пределами. Грядущие события отбрасывают свои тени на низший, или внешний, план действия, когда они действительно движутся к окончательному воплощению с более внутреннего плана, где уже произошли; таким образом, слово «грядущие» вполне уместно.

Ещё одно весьма важное соображение состоит в том, что, хотя события, подобно погоде, нередко можно предсказать за несколько месяцев или даже лет, это нисколько не оправдывает безусловного

фатализма. Очень мудра старая буддийская пословица: «Дождь просачивается сквозь плохо крытую соломой крышу, но сквозь хорошо крытую проникнуть не может». Мы вполне можем признать, что в самом действительном смысле «чему быть, того не миновать»; но важный для нас вопрос таков: готовы ли мы встретить то, что неизбежно должно прийти, с таким настроем, чтобы его приход оказался для нас благом? Возможности открываются перед нами, но мы должны воспользоваться ими, ибо нам надлежит их осуществить, а если мы их не осуществляем, то теряем. Таланты вверяются нам на хранение, но от того, пользуемся ли мы ими, оставляем ли без применения или употребляем во зло, зависит, будем ли мы возвышены и удостоены почестей или посрамлены, когда наступит час расплаты. Дни суда наступают постоянно; нельзя сказать, что для суда назначен какой-то особый срок. «О дне же том и часе никто не знает», но последствия неизбежны; и поскольку всё для нас зависит от того, какие семена мы непрестанно сеем и как пользуемся своими возможностями, говорить о «несчастливых звёздах», «злой судьбе» или о чём-либо ещё, что снимает ответственность за поведение с наших собственных плеч, где ей по праву и место, не просто бесполезно, но вредно: так

мы в своём воображении переносим её туда, где она совершенно неподвластна нам и полностью находится за пределами нашего сознательного видения.

В майском номере журнала «Godey's Magazine» за 1898 год появился прелестный, трогательный рассказ Фредерика Х. Дьюи «Неудача всей его жизни», в котором прекрасно изображено, каким мог бы быть суд небес над многими человеческими жизнями. Человек, который, казалось, потерпел неудачу, в действительности преуспел, потому что прожил свою жизнь наилучшим образом, какой только был возможен в обстоятельствах, в которые он был поставлен. Возможно, автор этого короткого трогательного рассказа не представил в нём всех составляющих, необходимых для духовного успеха, но по меньшей мере одна из них изображена весьма ярко.

Убеждение, будто величия можно достичь лишь на определённых узких или заметных всем поприщах, — роковое заблуждение: оно калечит немало жизней, которые иначе были бы гораздо светлее и полезнее, чем оказались до сих пор, поскольку в них было бы гораздо больше надежды, а без надежды подлинное движение вперёд

невозможно. Гороскопами и другими астрологическими изобретениями можно как пользоваться во благо, так и злоупотреблять; то же можно сказать об определении характера по голове, лицу или руке. Несомненно, нас ожидают определённые события, подобно тому как Египет ожидали семь лет изобилия и семь лет голода во времена Иосифа из Книги Бытия. Ни Иосиф, ни фараон не могли изменить того, какими должны были стать эти годы, но разум низшего типа — разум фараона — мог лишь смутно и иносказательно предвидеть будущее, явленное ему в ночном видении, тогда как более высокая проницательность человека типа Иосифа позволяла ему успешно прочесть астральный иероглиф, что он и сделал.

Один лишь Даниил мог истолковать надпись на пиру Валтасара, которую видели все гости, и так бывает всегда. Знаки и предзнаменования окружают нас повсюду и предназначены служить нам, но истинные прорицания доступны лишь тем, кто умеет верно расшифровывать письма Природы. Кто предупреждён, тот вооружён. Знание о приближении бурь побуждает служащих, ведающих сигнальными станциями, поднимать

сигналы и удерживает многих капитанов от безрассудного выхода в бурный океан, с волнами которого хрупкое судно не в силах бороться.

Наша высшая мудрость нередко состоит в том, чтобы затаиться; есть время для молчания, как и для речи, для уединения, как и для публичной деятельности. Мудры те, кто правильно читает и толкует знаки, не отвергая помощи пророчества и не извращая веру в дар провидения настолько, чтобы возвести на ней систему слепого фатализма, — ибо ничто не может сильнее лишать мужества и угнетать. Практически всё зависит от готовности встретить кризис, когда он наступит; если мы подготовлены к чрезвычайным обстоятельствам, переживаемое нами не страшно, хотя многие вокруг нас оказываются совершенно растерянными.

Вспыхивают пожары, поднимаются бури, землетрясения сотрясают землю; но для тех, кто защищён от бедствий, то, что другие называют бедствиями, таковыми не является. Верно и то, что взрывы котлов, столкновения поездов и пароходов и многие другие так называемые несчастные случаи нередко вполне можно предотвратить. Они не предопределены, а лишь могут произойти; и если бы предупреждениями нельзя было

воспользоваться, их нельзя было бы и дать, ибо простое предсказание не содержало бы ничего от предупреждения, которое по самой своей природе должно побуждать к мерам предосторожности.

По мере того как мы будем всё меньше тревожиться о материальных делах, наша проницательность будет возрастать даже в ведении мирских дел, потому что глубокое понимание идёт рука об руку с предвидением; способность видеть то, что скрыто под внешней оболочкой людей, равно как и вещей, должна приносить неизмеримую пользу во всех торговых и прочих начинаниях.

Интуитивная способность может проявляться каким-либо заранее установленным образом, а может и не проявляться так, но всякий, кто спокойно и усердно примется за дело, позволяя этой врождённой способности развиваться (а понуждать её не нужно), вскоре обнаружит, что то, что долго считалось исключительным даром немногих, в действительности принадлежит многим.

иллюстрация

V.

МЫСЛЕННОЕ ВНУШЕНИЕ — АУРА ЧЕЛОВЕКА — КАК МЫ МОЖЕМ ПРИВЛЕКАТЬ ВЫСШИЕ ВЛИЯНИЯ С ВИДИМОЙ И НЕВИДИМОЙ СТОРОН ЖИЗНИ.

Заглавие этой главы выглядит несколько внушительно, поскольку речь в ней идёт о некоторых наиболее загадочных и сложных сторонах того, что ныне принято называть

«психическим опытом». Мы надеемся, что в четырёх предшествующих очерках этой книги нам удалось хотя бы отчасти подготовить почву для ясного определения того, что подразумевается под внушением. В нашем понимании природы внушения его никоим образом не следует мысленно отождествлять с принуждением, приказанием, подчинением чужой воле или каким-либо иным словом, выражающим идею, несовместимую с полнейшей свободой отдельного человека или свободой личности, которую никогда не следует путать с *беззаконием* или *вседозволенностью*, поскольку оба эти понятия подразумевают пренебрежение общими требованиями общественного порядка. Применение благотворного внушения практически не знает границ, тогда как область, в которой могут действовать пагубные внушения, строго ограничена. Здесь необходимо вновь обратиться к нашему пониманию естественного свойства человеческой природы, независимо от уровня её развития, чтобы представить ясное основание, на котором можно возвести здание лечения внушением. Наше самое твёрдое убеждение и важнейшее утверждение состоит в том, что все мы восприимчивы к добрым внушениям, тогда как

лишь некоторые из нас восприимчивы к внушениям враждебного свойства; мы уверенно занимаем эту позицию, поскольку она необходимо следует из нашего понимания природы вообще и человеческой природы в частности. Определённые желания и склонности присущи всем живым существам, и, безусловно, все мы их разделяем, но ни одно из них не является дурным; напротив, каждое благо, однако лишь в надлежащем месте и в надлежащее время. Крайний индивидуализм гораздо менее цивилизован и развит, чем разумная взаимопомощь, но даже самый закоренелый индивидуалист не заявляет ни о малейшей недоброжелательности к другому; он лишь требует блага для себя. Извращения инстинкта самосохранения и родственных ему инстинктов никогда не следует смешивать с самими инстинктами: инстинкты благи, хотя их извращения дурны. Дурных инстинктов самих по себе не существует, но мы часто встречаемся с извращёнными инстинктами; все они могут быть побеждены посредством практического применения лечения внушением.

Утверждая, что ни одна болезнь и ни один разлад не являются неизлечимыми, мы вовсе не говорим, будто никаких расстройств не существует. Нашему успеху в нравственном преобразовании людей и лечении силой разума мешает не честное обнаружение заблуждения и не наш протест против его дальнейшего существования, а лишь нередко свойственное нам пессимистическое отношение к жертве заблуждения, из-за которого мы оказываемся неспособны помочь пленнику освободиться от невидимых оков.

Теперь, когда выражение «терапия внушением» стало популярным в медицинских кругах, а ценный труд Бернгейма под этим названием внимательно изучают как в Америке, так и в Европе, несомненно, настало время для трезвого, здорового обсуждения этой темы, в котором «непосвящённые», наравне с профессиональными врачами, хирургами и зубными врачами, имеют полное право участвовать. Сидни Флауэр, редактор издаваемого в Чикаго «Журнала медицинского гипнотизма», решительно выступил против узкой замкнутости одной части медицинского сообщества, весьма разумно настаивая на том, что не только врачи и профессиональные сиделки, но и все родители и

учителя должны обладать основательным знанием методов внушения — возможно, не столько для преодоления телесных недугов, сколько, несомненно, для помощи в столь необходимом деле воспитания подрастающего поколения, чтобы оно жило достойно любого высокого призвания, к которому может быть призвано. Правильное знание и применение внушения в детской и в классе в огромной мере поможет искоренить все следы варварства, которое так долго нависало кошмаром над воспитательными усилиями; все эти усилия сильно страдали от незнания того, как сделать учение радостью, а класс и площадку для игр — всего лишь двумя гармоничными сторонами единого образовательного центра. Интересно и всегда полезно наблюдать, как постоянно мы выражаем различные идеи очень сходными словами; это доказывает, что в нашем языке отнюдь не исчезли следы той поры, когда люди не мыслили столь произвольных различий между трудом и игрой, какие теперь распространены слишком широко. Игра на музыкальных инструментах включает в себя исполнение, требующее наиболее полного проявления технических знаний, и включает в себе то, что иными словами можно было бы назвать чрезвычайно тяжёлым трудом.

Гармоничная игра наших разнообразных способностей и множество сходных выражений, таких как «ввести в игру скрытые силы или способности», показывают, что первоначальное понятие игры было неотделимо от понятия труда, и наоборот. Теперь нам нужно восстановить эту первоначальную связь и соединить мысль о хорошем труде с самым полным и свободным наслаждением всем, что относится к нашему нормальному существованию. Внушение в школе для малышей, детской или детском саду должно начинаться с основополагающей идеи приятности и лёгкого побуждения к действию силы, которая пока дремлет, но действительно присутствует и готова проявиться. Френологический бюст или схема нередко весьма полезны, поскольку воплощают отвлечённые идеи в конкретных образах, позволяя каждому увидеть, что подразумевается под научным проведением мысленного лечения. В настоящий момент определённые способности, или достояния мозга, как их иногда называют, очень деятельны у одних людей, но весьма малодеятельны у других. Наиболее действенное внушение всегда может исходить от того, в ком определённое качество ярко проявлено, и быть направлено на того, в ком это качество пока лишь

дремлет. Разумеется, в очень многих случаях гораздо легче успешно воздействовать внушением на другого человека, чем помочь самому себе; и это, помимо прочих легко понятных причин, объясняется следующим. Прежде всего, нуждаясь в каком-либо особом благотворном внушении, вы обычно пребываете в умственном или нравственном мраке либо подавленности, даже если не страдаете ни от какого осознаваемого телесного недуга. Лечить себя, когда вы погружены в глубокую тьму, — задача нелёгкая, и вы в действительности находитесь не в том состоянии, чтобы за неё браться. Ваша крайняя нужда даёт другому возможность помочь, точно так же как когда-нибудь в будущем чужая нужда даст подобную возможность вам. Мы должны всегда быть готовы помогать и принимать помощь; и если оказывать помощь не стыдно, то не стыдно и получать её. Эта сторона общей темы требует серьёзного нравственного рассмотрения, ибо слишком многие люди наслаждаются чувством собственного достоинства и значительности, которое возникает при оказании помощи другим, но слишком горды, чтобы, как им следовало бы, поставить себя на равную ногу с другими, приняв жизненный девиз, лучше которого не найти: «Я

помогу тебе, а ты поможешь мне». Именно этого чувства взаимности нам сейчас повсюду остро недостаёт. Нищий и господин, изображённые в старой песне «Лондонский мост», всё ещё живут среди нас — как в чувствах, так и во внешних проявлениях; и сколько бы дальнейших мер ни принималось для облегчения подлинной бедности, пока, с одной стороны, господствует дух властного превосходства, а с другой — нищенская раболепная покорность, мнимые реформаторы будут тщетно обличать прискорбные неравенства, существующие ныне, многие из которых легко устранить и в которых нет никакой необходимости.

Внушения нередко делаются совершенно бессознательно и столь же бессознательно воспринимаются и воплощаются в действиях.

Ныне предпринимаемое научное исследование психической сферы весьма похвально и во многих сообществах приносит подлинную пользу; однако, сколь бы полезно оно ни было, ни на мгновение не следует воображать, будто мы охватываем всю область внушения или хотя бы большую её часть, когда говорим исключительно о том благородном философском аспекте воздействия внушением, который, к счастью, обещает открыть новую эпоху

как в образовании, так и в медицине, — хотя внушения и можно делать и принимать по своей воле, а также по желанию отвергать.

На маленьких детей и ещё не родившихся младенцев внушение воздействует с огромной силой, совершенно без ведома и желания как того, кто внушает, так и того, кто воспринимает внушение. Это настолько верно, что всю историю наследственности можно изложить с этой точки зрения, и ни с какой другой её нельзя изложить правдиво. Греческие матери, да и отцы тоже, в пору наивысшего расцвета греческого могущества многое об этом знали и превосходно пользовались своим знанием, воздавая женщинам своего народа почти божественные почести, окружая их нежной любовью и неизменным уважением. Подлинное эго, сущностное существо, или первозданная душа (sol), в том, что составляет его истинную природу, не подвержено влиянию ни наследственности, ни каких-либо иных условий среды; однако, хотя этот по своей сути божественный центр вселенского сознания невозможно внутренне повредить или изменить, отрицать, что разум (mens), от названия которого происходят такие слова, как «ментальный» и «ментальность», испытывает влияние

впечатлений, полученных до и после рождения, значило бы идти наперекор всему человеческому опыту.

Первозданная природа, чистая, неизменная, нетленная сущность жизни, не может быть запятнана, но интеллектуальные и физические средства, через которые выражаются существа, формируются внушением с самого момента зачатия. Младенец в утробе восприимчивее даже грудного ребёнка; затем, на всех этапах взросления, произвольная восприимчивость уменьшается, пока с приближением того, что мы называем зрелостью, не начинает властно заявлять о себе восприимчивость добровольная. Юноша или девушка с сильной волей с презрением отвергают мысль о том, чтобы их принуждали к чему-либо, сколь бы хорошо ни было предлагаемое само по себе; но ровно в той мере, в какой прекращается вынужденное послушание, с несравненной силой утверждается добровольное подчинение. Именно зарождающаяся зрелость, первые проблески мужества или женственности в ваших детях делают их столь, по вашим словам, упрямыми и непокорными. Велико заблуждение тех, кто считает, что так называемое своеволие или своеобразие —

зло, которое следует обуздать. Никогда не следует пытаться сдерживать или подавлять его. Оно нуждается в воспитании и направлении, но мы никогда не должны воевать с ним или считать его чем-либо иным, нежели необходимой и, более того, чрезвычайно важной частью нашего внутреннего устройства.

Правильное внушение всегда обращается к воле, но никогда не отворачивается от неё. Именно воля даёт нам твёрдость характера и стремление быть, как выразился Лонгфелло, не «безгласным стадом, которое гонят», а «героями в борьбе». Что это за борьба — вопрос, возможно, не вполне ясный; и поскольку это слово вызывает представление о битве и словно оправдывает грубую идею «греховной» природы, которую надлежит победить, мы предпочитаем толковать его в чисто алхимическом или розенкрейцерском смысле. Низшее должно умереть; агнец должен быть заклан; мы должны совершить собственную Пасху и осуществить свой исход, то есть перейти из низшего состояния сознательной жизни в высшее. Совершая этот переход, мы оказываемся в растерянности и смятении, поскольку ещё не знаем истинной ценности и смысла материала, которым

располагаем. Самые неловкие и тягостные периоды нашего жизненного пути — те, которые мы с полным правом можем назвать «порой переезда». На пиру жизни мы занимаем самое низкое место, а затем в положенный срок нас зовут «подняться выше». Хотя этот зов обещает возвышение, перед нами встают сомнения и тайны; мы робеем перед неизведанным будущим, даже когда нас уверяют, что оно будет шагом вперёд по сравнению с прошлым. В такие времена, в такие переломные минуты нам нужна помощь тех, кто уже сделал шаг, который нам лишь предстоит сделать; нужна хорошая повивальная бабка, чтобы перерезать пуповину, связывающую нас с прошлым, и дать нам свободу жить более свободной жизнью, чем было возможно прежде.

Все естественные, упорядоченные внешние процессы в точности соответствуют тому или иному внутреннему состоянию; поэтому сведущий исследователь науки о разуме — также и исследователь физической природы, способный оценить обе стороны сложного опыта: внутреннюю и внешнюю. Между видимым и невидимым не может быть законного развода, ибо это лишь разные стороны одного и того же.

Любую ситуацию можно рассматривать психически, то есть изнутри, а также физически, то есть извне; и необходимо учить тому, что хорошее с одной стороны никогда не бывает плохим с другой, и *наоборот*. Отрицательные внушения нередко вредны, даже когда продиктованы добрыми намерениями, потому что они обижают и сбивают с толку там, где утвердительные высказывания, направленные к той же цели, были бы благосклонно приняты и помогли бы распутать сложный, запутанный клубок тяжёлых переживаний.

Чтобы внушения имели подлинную ценность, они должны быть утвердительными не только в общем, но и в своём конкретном содержании, хотя даже самыми общими высказываниями, утверждающими верный взгляд на вещи, отнюдь не следует пренебрегать. Внушения бывают нескольких видов, среди которых безмолвные и устные играют почти одинаково важную роль. Иногда действеннее оказывается один вид, иногда другой. Например, если вы хотите помочь находящемуся вдали другу, который не может лично побеседовать с вами, то, сумев устранить в своём сознании чувство расстояния, вы сможете так же легко телепатически общаться с человеком за

тысячу и более миль от вас, как с тем, кто стоит рядом. Если же вам не удаётся избавиться от чувства отдалённости, вы, вероятно, не сумеете осуществить необходимую передачу мысли. Некоторые люди сразу же воспримут ваши внушения, даже если они вам совершенно незнакомы, тогда как другие, которых вы причисляете к своим старейшим и лучшим друзьям, могут оказаться совершенно невосприимчивыми.

У этого кажущегося несоответствия есть несколько причин, среди которых часто встречаются следующие. Согласно мысли Эмерсона, изложенной в его эссе «Круги», а также многих других одарённых провидцев, существуют люди, которые принадлежат нам и которым принадлежим мы, причём связь эта особенно тесна и гораздо ближе той, что соединяет всех нас друг с другом в Великом Круге Человечества. Как в видении Иезекииля колёса находятся внутри колёс, так и семьи существуют внутри семей, а государства — внутри государств. Один брат или одна сестра, несомненно, ближе вам, чем другой брат или другая сестра, и причина тому — некое тонкое духовное родство, которое нередко трудно определить. Поскольку такие связи существуют и проявляют себя далеко за

пределами семейных уз, часто обнаруживается, что два человека, совершенно незнакомые друг с другом, кроме как духовно, могут с полной убедительностью общаться посредством разума, тогда как ближайшие кровные родственники оказываются неспособны к подобному мысленному общению.

Внушения, исходящие от любого из этих ваших духовных родственников, обычно воспринимаются весьма охотно благодаря сопутствующему им чувству сердечности, которое вы явственно ощущаете, хотя, быть может, не умеете ни определить, ни объяснить его. Другое объяснение успеха в одном случае и неудачи в другом в области *внушения* — объяснение, менее далёкое от обыденного, — состоит в том, что некоторые люди *магнетически приятны* друг другу; в иных же случаях их связывает интеллектуальная близость, обусловленная какой-либо особенностью их личного состояния или склада мысли. По мере того как развивается наша способность различения, мы перерастаем всякое резкое отторжение; мы никогда не испытываем недобрых чувств к людям, и потому вполне справедливо сказать, что никто нас не отталкивает. Но хотя дурные чувства угасают,

добрые становятся яснее и определённое, и мы учимся находить и сохранять подобающее нам место в обществе, вместо того чтобы вслепую пристраиваться куда придётся и напрасно воображать, будто, раз каждый из нас может сделать что-нибудь полезное, в стройности нет никакой нужды.

Стройность — это восхитительное сочетание, поистине божественное согласие достоинств, которое избавляет благородную жизнь от всякого подобия однообразия и даёт полный простор для наиболее полного выражения каждой способности, которой мы наделены порознь и все вместе. Вопрос об ауре человека представляется многим столь таинственным, а сама эта тема настолько переплелась с самыми фантастическими разновидностями оккультизма, что автору, пишущему для широкой публики, требуется немалое искусство, чтобы разумно рассмотреть эту довольно тёмную загадку. На немногих страницах мы можем надеяться лишь указать путь к объяснению этой таинственной реальности; однако, если мы подойдём к её рассмотрению совершенно свободными от предубеждений и заранее составленных мнений, то обнаружим, что многое в

ней быстро перестаёт быть загадочным, стоит нам воспользоваться общеизвестными словами для разъяснения этого вопроса. Истечение, испарение и эманация — слова обычные; *нимб* и *ореол* знакомы всем изучающим искусство и многим другим. Пяти приведённых слов, каждое из которых общеупотребительно, будет достаточно, чтобы ввести читателя в самую суть вопроса об ауре каждого из нас: что представляют собой эти аурические излучения и как мы можем изменять и действительно изменяем их — иногда к лучшему, иногда к худшему, зачастую совершенно бессознательно, но порой прямым усилием воли.

Благоухание цветка позволяет представить, как растение, породившее этот цветок, действительно выделяет нечто неотделимое от его особой природы; следовательно, одна разновидность растений никак не может издавать аромат, свойственный другой. Воздействие разных видов растительной жизни на разум и психику, равно как и на тело, настолько сильно, что травы всегда широко применялись теми, кто стремился внешними средствами вызвать ясновидение, экстаз или какое-либо иное проявление психической деятельности.

Животное обладает гораздо более сильной аурой, чем любое растение, и многие люди так остро ощущают влияние животных эманаций — причём на разных людей они воздействуют столь различно, — что присутствие крупного, сильного животного любого вида может быть восхитительно приятным для одного человека и крайне мучительным для другого, находящегося в пределах действия его испарений.

Когда восточные учителя говорят нам, что Адепты Востока могут безнаказанно проникать в джунгли и оставаться невредимыми, даже вступая в близкое знакомство со львами, тиграми и другими свирепыми животными, они не сочиняют небылиц: ведь если на земле живут именно такие люди, которых они называют Адептами, то эти необычайно развитые мужчины и женщины, несомненно, способны подчинять себе все животные склонности вне себя, поскольку прежде они полностью овладели всем животным царством, или устройением, внутри себя. Столь же верно и то, что такие высокоразвитые мужчины и женщины должны быть замечательными целителями больных и наставниками, исправляющими порочных, ибо от них должен исходить

целительный и возвышающий эликсир — естественное и неизбежное следствие их внутреннего состояния.

Многие из лучших живописцев обладали ясновидением в такой степени, что видели тот *нимб* или то *сияние*, которым окружали голову святого и всю фигуру того, кто, по их замыслу, должен был олицетворять совершенное человечество. Самой странной ошибкой Анджело в его изображении Моисея было появление нелепых рогов на лбу славного вождя, прошедшего войнство Израиля через пустыню. Это необычайное и совершенно чуждое искусству искажение благородной во всём остальном картины свидетельствует о том, в какое странное заблуждение должны были впасть переводчики Пятикнижия, из чьего ошибочного перевода Анджело почерпнул материал для изображения Моисея. О нём сказано, что после получения Закона на Синае он был столь лучезарен, что люди просили его закрывать лицо покрывалом, когда он обращался к ним, ибо не могли вынести исходявшего от него ослепительного света.

Это древнее повествование тесно связано с аурой человека, которая в состояниях великого внутреннего подъёма становится столь ярко

светящейся, что позволяет отчасти постичь буквальный смысл рассказа о преображении Иисуса: в нём говорится, что на горе Фавор весь облик Учителя озарился таким светом, что трое его ближайших учеников — Пётр, Иаков и Иоанн — пали лицами на землю, не в силах вынести сияния его прославленного присутствия.

Духовное тело, представляющее собой подлинную органическую структуру, которой физический облик лишь соответствует, становится столь светоносным, когда божественная душа полностью овладевает им, что эта истинная форма, по образцу которой создано физическое тело, настолько преображает своё низшее подобие, что на некоторое время делает его слишком ярким для обычного зрения. Эти запредельные повествования о великих и чистых разумах, особенно ярко озаривших мир своими трудами и влиянием, — не праздные сновидения восторженных поэтов, а подлинные истории и ещё более блистательные пророчества.

Именно наша аура защищает нас от вторжения болезней, делая всякого, кто порождает её в изобилии и высокого качества, сверхвосприимчивым ко всем видам микробов или

бацилл, которые могут проникать в незащищённые тела, но надёжно отстраняются от хорошо охраняемых храмов. Как легко проиллюстрировать глубочайшие научные истины простыми ссылками на повседневные события, происходящие на самых внешних планах деятельности, если только мы решительно возьмёмся проследить очевидное соответствие между видимыми и невидимыми, внутренними и внешними сторонами существования! Негативные, незащищённые люди, которые попросту не сумели создать вокруг себя сколько-нибудь сильный или отчётливо выраженный аурический пояс, постоянно пребывают в состоянии, подобном состоянию окон без сеток в летнюю пору, через которые в дом могут проникать всевозможные насекомые.

Когда вы предлагаете хозяйке дома воспользоваться проволочными сетками или противомоскитным пологом, вы не говорите ей, что в её жилище есть нечто, привлекающее мух, комаров или других насекомых; вы лишь советуете ей поставить преграду, которую они не смогут преодолеть. Этот обыденный пример оказался полезен сотням учеников, которые совершенно терялись и мучительно недоумевали, пытаясь

выяснить, какие именно греховные или ошибочные мысли они поощряли в себе, тем самым навлекая на себя мучительные расстройства, от которых страдают.

Лучи действенного утешения и помощи озаряют их омрачённый путь, как только вы со всей добротой обращаетесь к ним с полезным внушением, в котором нет ни неприятного укора, ни придирки: пусть они и не делали ничего такого, чего не следовало делать, зато по неведению упускали некоторые простые и необходимые вещи, которые им следовало делать и к которым они могут приступить немедленно.

На этом закончим рассмотрение этой стороны вопроса и обратимся теперь к положительным последствиям поощрения правильных или праведных мыслей, каждая из которых обладает присущей только ей притягательной силой. Нам нужно помнить о трёх вещах. Во-первых, всякая мысль притягивает себе подобные, и её притягательная сила соразмерна её интенсивности. Во-вторых, невозможно ни о чём не думать; поэтому для нашего высшего блага необходимо развивать то превосходное состояние разума, которое рекомендовал апостол Павел и на котором

решиительно настаивал Гладстон, обращаясь к молодым людям, просившим у него совета: *«Помышляйте обо всём превосходном.»* В-третьих, невидимая вселенная заключает в себе видимую, ибо большее вмещает меньшее; следовательно, нам незачем задумываться о том, *как*, хотя вопрос о том, *почему* мы притягиваем определённые виды влияний, имеет первостепенное значение.

Когда три приведённых положения будут усвоены в достаточной мере, тайна «медиумизма» и многое другое, что ныне окутано туманом, станет прозрачным. Будем всегда внушать себе и другим самое возвышенное, и результаты неизменно будут приносить всё больше пользы во всех случаях, когда внушение применяется надлежащим образом, сообразно обстоятельствам.

изображение

VI.

ПРИТЯГАТЕЛЬНАЯ СИЛА МЫСЛИ — КАК ИСПОЛЬЗОВАТЬ ЕЁ НАИБОЛЕЕ ДЕЙСТВЕННО — ВЛИЯНИЕ РАЗУМА НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ.

Стоит написать заглавие этого размышления, как сразу вспоминаются два изречения, которые могли бы послужить ему девизом. Первое — прекрасные библейские слова: «Каковы мысли в сердце его, таков и он». Второе — замечательная фраза Шекспира: «Нет ничего ни хорошего, ни плохого; мысль делает всё таковым». Библейские слова яснее и доступнее пониманию, поскольку сразу вводят нас в самую суть предмета, и все мы знаем, что *сердце* означает не просто один из важнейших органов тела, но средоточие всех наших привязанностей, из которых, словно из корней, вырастают все проявления нашей жизни в словах и поступках.

Что мы подразумеваем под разумом? В высшем из всех смыслов, в которых употребляется это великое слово, мы невольно восклицаем: есть лишь один Разум — Бесконечный; но во всех менее возвышенных и общепринятых значениях этого

слова мы должны согласиться с пословицей: «Сколько людей, столько умов». Именно в последнем, низшем, а не в первом, запредельном значении этого слова мы и будем теперь рассматривать деятельность разума, уподобляя его магниту, обладающему силой притягивать к себе всё, что сродни его состоянию.

Приведённые слова Шекспира, подобно многим другим глубоким высказываниям, легко истолковать неверно — настолько легко, что нетрудно было бы, опираясь на их буквальный смысл, состряпать систему безнравственного учения, прямо противоположную как шекспировской, так и всякой иной разумной системе этики. Людям, не склонным задумываться, вполне свойственно утверждать, будто подобная фраза отрицает всякое действительное различие между пороком и добродетелью; ведь согласно взгляду, который, по видимости, выражен в этой цитате, вещи или поступки хороши либо плохи лишь постольку, поскольку мы сами решаем считать их таковыми. Такое учение, разумеется, в высшей степени пагубно и вредоносно, и мы не верим, что какой-либо здравомыслящий человек способен всерьёз его принять или когда-либо

искренне его придерживаться. Тому, кто вдумывается в это на первый взгляд загадочное изречение — «Нет ничего ни хорошего, ни плохого; мысль делает всё таковым», — открывается гораздо более высокий смысл: всё хорошее, то есть гармоничное, и всё плохое, то есть негармоничное, в мире вещей явно является результатом правильной или неправильной мысли того, кто придал вещи форму или изготовил её. Мы изготавливаем вещи, но не создаём первичных элементов. Все элементы хороши, считаем ли мы таковыми лишь четыре или пять, признанных древними, или почти семьдесят, известных современному химику. Поскольку кислород, водород, углерод и азот входят в состав всех живых организмов и в каждом живом организме мы можем обнаружить эти четыре и некоторые другие элементы — хотя и в разных соотношениях, — мы принимаем как само собой разумеющееся, что элементы сами по себе всецело хороши; исходя из этого предположения, если его можно так назвать, мы затем логично и разумно объясняем наличие временного разлада или зла на хаотических стадиях развития планеты, неуклонно идущей к окончательной космической гармонии.

Рассматривая противоположные понятия здоровья и болезни, мы находим, что они равнозначны порядку и беспорядку. Счастью присущ порядок, несчастье же служит и причиной, и следствием беспорядка. Связь между причинами и их следствиями с необходимостью порождает явления того существования, которое мы наблюдаем; и хотя все причины по своему происхождению связаны с разумом или, по крайней мере, относятся к невидимой стороне природы, во всём, что мы воспринимаем чувствами, так много отражений или обратного действия — буквально обратного течения, — что почти невозможно во всяком случае точно определить, где первоначальная причина переходит в следствие, а где следствие, выступая уже как вторичная причина, в свою очередь порождает сходные последствия, неизбежно соответствующие его собственной природе. Наше мышление, правда, не имеет силы увеличивать или уменьшать число первичных элементов или изменять их природу, будь их мало или много; но хотя, имея дело с первоосновами или первоначалами, мы встречаемся с непреложным и неизбежным, все они подвластны нам: мы можем обращаться с ними, располагать, сочетать и классифицировать их точно

так, как пожелаем, как только станем достаточно мудры, чтобы понять и применить закон, по которому они будут служить нам по нашей воле. Пусть никто не опасается, что представление о Боге, о божественном всемогуществе и верховной власти может когда-либо пострадать от разумного понимания и осмысленного применения правил точной науки, независимо от того, называете ли вы рассматриваемую вами сторону науки духовной или физической. Наука — это лишь знание; знание, приведённое в систему и применяемое на практике, есть научное знание — выражение обычное, но несколько тавтологичное.

Бог царствует в неизменном порядке, в непреложном законе; и даже тот, кто открыто объявляет себя атеистом, не заявляет, будто верит, что порядок вселенной может когда-либо измениться по человеческому повелению. Мы живём в любопытное время. Современная мысль на редкость непоследовательна, и иначе быть не может, пока мы пребываем в переходном периоде, который всегда в большей или меньшей мере — хотя бы по видимости — представляет собой междуцарствие. В эти замечательные дни, когда изобретения непрестанно множатся, мы ежедневно

всё больше узнаём из практического опыта о силе человеческого гения, способного заставить силы и стихии Природы повиноваться человеческой воле; и это знание порой на первых порах раздувает в нас глупое самомнение и заставляет воображать, будто мы можем безнаказанно предаваться беззаконию, поскольку, дескать, нет никакого закона, кроме нашей собственной прихотливой воли. Наличие этой склонности к безрассудному своеволию — особая угроза наших дней; это опасность *по преимуществу*, которой мы должны особенно остерегаться; однако этот опасный настрой разума настолько чужд науке, что нам незачем испытывать даже тень страха перед его окончательным торжеством, ибо наука на каждом шагу призывает повиноваться закону и подчиняться порядку. И всё же вопрос остаётся: что такое закон и на чём основана его обязательность? Если под законом подразумевается какое-нибудь установление царя или священника, какое-нибудь мелочное церковное или гражданское предписание, порождённое тиранией и потому по существу враждебное человеческой свободе, мы готовы к анархии; если же закон, которому мы должны повиноваться, означает не что иное, как вечный порядок вселенной, явленный в неизменном устройстве

природы, то мудрость в лице всех своих детей советует нам познать Бога и обрести мир. «Страх Господень — начало мудрости» — древнее изречение, которое сегодня неприятно режет слух некоторым «освободившимся» людям; находятся и такие, кто даже осмеливается объявлять страх Божий началом глупости. Эти спорщики придираются скорее к переводу, нежели к основной мысли; их критика отнюдь не глубока, ибо стоит дать другой перевод того же изречения, а именно: «Почтение к праведности — начало мудрости», — и все среди них, кто желает быть нравственным, перестают возражать.

Страх — слово неприятное в одном из привычных значений, в которых оно чаще всего употребляется; поэтому и опыт, и наставления говорят нам, что он мучителен и что совершенная любовь, приходя, навсегда изгоняет его.

Благоговение перед порядком — первый великий шаг к научной жизни; а подлинно научная жизнь легко и естественно переходит в жизнь духовную, или возрождённую, — жизнь более глубокую и высокую.

Мы изучаем химию и знакомимся с химическими формулами; обращаемся к изучению электричества и ставим опыты с этим самым неуловимым и тонким из всех известных действующих начал объективной вселенной — и постепенно проникаемся глубоким, осмысленным благоговением перед верховенством порядка. Божественный замысел, или способ действия, ясно открывается всем, кто желает видеть, — с несомненностью обнаруживается в верховенстве закона, который каждый может открыть и которому каждый может повиноваться, но который никто не в силах нарушить, как бы ни старался, и которому никто не может противиться безнаказанно.

Этот неизменный порядок — камень, отвергнутый неразумными строителями, чьи тщательно возведённые сооружения быстро рассыпаются в прах, но принятый всеми мудрыми зодчими, которые замышляют свои здания в строгом соответствии с познанным законом созидания, по которому построена вселенная.

Закон притяжения не заменяет собой идею Бога, но при верном понимании представляет собой не что иное, как осмысленное признание действия неизменной последовательности. Пришло время

для столь настоятельно требуемого разъяснения богословских выражений на языке науки, и среди самых необходимых толкований — разумное объяснение этого кошмара богословия, догмата о бесконечном наказании как необходимом следствии столь же бесконечной награды. Универсалистам и другим представителям либерального направления в религии было весьма трудно убедить широкую публику, объясняя, как счастье может быть вечным, а страдание — не вечным, если к обоим применяется одно и то же греческое прилагательное — *aionion*. Конечно, можно перевести *aionion* как «длящийся целый век» или «долговременный», а не «вечный» или «бесконечный», ничуть не погрешив против этимологии, но такой перевод лишь перемещает затруднение, а не устраняет его. Научное решение совершенно последовательно и нисколько не разрушает «более широкой надежды», не отрицает конечного спасения каждого человека, хотя и отказывается на каком бы то ни было этапе считать недоказанное доказанным или ставить вечные вопросы в зависимость от перевода одного прилагательного.

Следствие остаётся *неизменным*. В этом утверждении заключено *связующее звено* — место встречи восточной и западной философии. Буддийское учение о *карме* и христианское учение о прощении встречаются здесь, и выясняется, что они отнюдь не непримиримы и примирить их вовсе не трудно. Одна и та же причина неизменно порождает одно и то же следствие, говорит буддист. «Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды», — цитирует христианин. Как могут оба приведённых утверждения быть истинными? Закон притяжения, если ясно понимать его всеобщее действие, даёт ответ. Связь между причиной и следствием нерушима; мыслимые действия и их результаты не могут быть разлучены. Но из сказанного не следует, что кто-либо будет вечно упорствовать в заблуждении и потому бесконечно пожинать его плоды. Наше прошлое в известном смысле невосвратимо, но лишь в том смысле, что вернуть минувшее время, разумеется, невозможно. Утверждать, будто мы не можем исправить сделанное прежде или загладить прежние проступки и ошибки, — нелепость, противоречащая всему опыту; такое утверждение равносильно тому, что мы не можем распороть

неверные стежки в своём шитье или стереть кляксы в прописях. Вполне справедливо говорить, что согрешивший должен страдать, но страдание — следствие греха, благотворное назначение которого состоит в том, чтобы устранить ошибку, а не вечно карать того, кто поступил неразумно. Когда Сент-Джордж Майварт вызвал множество споров, проповедуя несколько необычное, хотя отнюдь не совершенно новое учение о том, что души могут быть счастливы в аду, он дал повод для нападков с самых разных сторон: хотя мысль о счастье в аду не столь ужасна, как вера в бесконечное страдание, это явное заблуждение, которое должно быть сметено нарастающим приливом разумного понимания. Связь между причиной и следствием, какой бы мрачной она ни казалась, исключительно благотворна; а те неосведомлённые «агностики», которые упорно заявляют, будто в самом устройстве вселенной есть зло, никогда не подлежащее устранению, лишь подтверждают ошибки заблуждающегося богословия, не озаряя их никакими лучами надежды и утешения — хотя бы для части человечества, — которые непременно даёт всякая религиозная система, даже самая мрачная.

Во многих кругах, по-видимому, царит непреодолимое невежество относительно природы *бытия*, в отличие от *существования*; и мы искренне верим, что, если удастся устранить это вопиющее заблуждение, дневной свет забрезжит там, где ныне царит киммерийская тьма. Казалось бы, каждый ребёнок мог бы с ранних лет учиться этому жизненно важному различению; ведь это различие необходимо проводить в каждой кулинарной школе, как и в каждой химической лаборатории, да и вообще нет такого ремесла, которому мальчик или девочка могли бы обучаться, не усвоив этот урок в самом начале своего ученичества. В медицинских кругах термин *расстройство*, применяемый ко всем без исключения разновидностям болезней, даёт ключ к пониманию всего вопроса; ибо что означает расстройство, как не смешение или нарушение порядка, поскольку относится оно не к внутренней природе какого-либо элемента, а лишь к существующему в данный момент негармоничному сочетанию элементов, неизбежным следствием которого становится страдание. Пока мы мыслим ошибочно или наперекор закону, мы неизбежно испытываем последствия такого негармоничного мышления, совершенно независимо от того, где живём. Хотя

нет необходимости отрицать, что духовные сферы в известном смысле имеют своё местоположение, чрезвычайно важно постоянно подчёркивать мысль о том, что счастье и несчастье никогда не обусловлены прежде всего местом; впрочем, вполне разумно утверждать, что в подходящей нам обстановке и среди дружески расположенных людей у нас повсюду больше возможностей наслаждаться жизнью, чем в окружении, которое нам не по вкусу, и среди людей, не сочувствующих нашим устремлениям. Подтверждённые свидетельства телепатии, повсюду быстро накапливающиеся, во многом устраняют давние затруднения, обращая наше внимание на ощутимые переживания, которые ясно доказывают, что мы способны к весьма полному общению с по-настоящему близкими нам по духу людьми, независимо от того, где мы или они находимся во время общения. Это чувство на расстоянии — именно таково значение слова «телепатия» — практически уничтожает расстояния и тем самым избавляет от необходимости прибегать к странным и причудливым теориям, которые некоторые школы оккультистов выдвигают относительно путешествий

в «астральных телах» и многого другого, что кажется обычному слушателю жутким, хотя и может оказаться правдой.

Закон притяжения, действие которого обнаруживается в доказанных случаях телепатии и мысленного исцеления посредством лечения на расстоянии, а также во многих других проявлениях, ясно доказывает, что вполне возможно посылать силу своей мысли и вступать в осмысленное общение с далёкими людьми и местами, не совершая путешествия в буквальном смысле этого слова. Люди нередко склонны приписывать психические явления действию шестого чувства; и хотя мы не готовы отрицать существование такого чувства или даже седьмого вдобавок к нему, мы считаем целесообразным, прежде чем прибегать к более отдалённым основаниям для объяснения, по возможности пытаться объяснить явления, опираясь на более понятные большинству представления.

Пока не будет ясно доказано, что пять чувств неспособны объяснить телепатические и родственные им явления, нам незачем прибегать в своих рассуждениях к гипотетическому шестому чувству. Посмотрим, насколько мы можем прояснить этот вопрос, опираясь на пять чувств и не

вторгаясь в область шестого чувства, которая для многих людей представляется совершенно неопределённой.

Clairvoyance и clairaudience — два французских слова, которые к настоящему времени стали столь же полноправной частью английского языка, как и множество латинских терминов, постоянно звучащих у нас на устах и никем не отвергаемых в качестве обычных английских слов. Эти два слова буквально означают *ясное видение* (clairvoyance) и *ясное слышание* (clairaudience). Итак, употребляя слова «ясновидящий» и «яснослышащий» с пониманием их смысла, мы подразумеваем лишь человека, который ясно видит или ясно слышит. Употребление отвратительного слова *аномальный* применительно к расширенному восприятию в любой области придало прекрасному и вполне разумному предмету налёт жуткой таинственности, весьма отталкивающий для здоровых людей, чуждых романтических фантазий, хотя и странным образом пленяющий многих из тех, кто склонен к неврозам. Более поздняя замена его прилагательным *сверхнормальный* оказалась несомненным шагом вперёд, поскольку это слово не подразумевает ничего нездорового или

нежелательного; в то же время оно предполагает неоправданное сужение смысла слова «нормальный», которое, собственно, означает «здоровый». И из того, что некоторые психические склонности проявлялись в отклоняющейся от нормы форме в связи с каталепсией и другими нервными заболеваниями, вовсе не следует, будто психические функции по своей природе не вполне естественны — столь же естественны, как любые обычные физические функции, которые, будучи не менее чудесными, не вызывают изумления лишь потому, что свойственны всем нам.

Быть сосредоточенным в себе — значит быть сильным; распылять свои силы — безошибочный признак слабости. Чем острее становятся наши зрение и слух и чем спокойнее и внимательнее мы наблюдаем и слушаем, тем дальше мы можем видеть и слышать. Расстояние всё более утрачивает своё значение, пока наконец мы не начинаем изумлять наших менее просвещённых соседей, описывая им предметы и звуки, о которых они со своим более ограниченным восприятием ничего знать не могут. Но снабдите своих друзей каким-нибудь механическим устройством или научным приспособлением, помогающим зрению или

передающим звук, — и, хотя вы не обращались ни к какому новому чувству, а строго ограничились обычными чувствами зрения и слуха, вы тем самым доказали, что способность слышать и видеть на большом расстоянии можно развить даже искусственными средствами. Стоит нам исключить из обсуждения всё противоестественное или сверхъестественное, и мы увидим, насколько разумно ожидать, что, развивая столь желанную привычку к сосредоточению разума, мы вскоре обнаружим в себе способности, которыми действительно пользуемся в повседневной жизни, хотя прежде считали их либо несуществующими, либо совершенно чуждыми подлинной области нормальной деятельности.

Приходилось ли вам наблюдать за кошкой или собакой, которая напряжённо прислушивается или с особой силой пускает в ход обоняние? Если да, то вас не могла не поразить совершенная, всецелая сосредоточенность этого животного. Что касается древних форм поклонения природе, мы полагаем, что египтяне и другие древние народы почитали некоторых животных, в том числе собаку и кошку, за проявляемые ими замечательные способности в тех областях, где сами люди не достигли подобной

степени развития; а поскольку поклонение невозможно без сосредоточения мысли или без неотрывного устремления мысленного взора на почитаемый предмет или идею, в древних формах так называемого идолопоклонства была весьма практическая сторона, которую совершенно напрасно упускают из виду ревностные миссионеры и их последователи: стремясь искоренить злоупотребления идолопоклонством, они не проявляют достаточной проницательности и не умеют заглянуть под внешнюю оболочку выродившегося культа, чтобы обнаружить его первоначальные достоинства. Понять какую-либо систему и признать, что в ней есть нечто хорошее, ещё не значит непременно «перейти» в неё и стать её пристрастным защитником. Бесстрашное и беспристрастное исследование различных систем древней мысли и практики, ныне открывающихся нашему современному взгляду, должно привести к совершенно противоположному результату: в каждой ограниченной системе мы увидим так много хорошего и так много ошибочного, что, исследуя системы одну за другой, выйдем на широкое поле всеобщей философии, где сможем ценить, восхищаться и пользоваться всем

действительно достойным в каждой системе, никоим образом не обязывая себя выступать в защиту какого-либо узкого культа.

Обычному человеку даже теперь какой-нибудь конкретный образ кажется необходимым. Картина или статуя, а то и книга, удачно выбранный текст или девиз служат большим подспорьем тем, кто движется по любому участку обширной области, охватываемой эклектическим выражением «терапия внушением». Последователи Науки разума и другие всё быстрее приходят к пониманию того, что нельзя разумно избрать один-единственный метод и придерживаться его во всех случаях. На человеческий разум можно воздействовать через телесные чувства, а также независимо от них — если только возможности этих чувств не настолько шире, чем нас приучили думать, что телепатию, передачу мыслей, чтение мыслей, исцеление на расстоянии и так далее и тому подобное можно целиком объяснить обращением к этим чувствам каким-либо высшим или внутренним способом. Если мы вообще придём к такому заключению, оно едва ли окажется очень далёким от учения Сведенборга о духовном теле, которому физическое строение в точности

соответствует — часть части и функция функции. Жизненный путь Сведенборга в свете новейших психических откровений приобретает дополнительный интерес и позволяет взглянуть на него с несколько большей высоты, нежели та, на которой стоял Эмерсон в одной из частей своего очерка об этом поистине выдающемся человеке. Никогда нельзя забывать, что Сведенборг был одним из величайших учёных Европы и что за много лет до того, как он заявил о полученном им особом озарении, он разработал свою знаменитую теорию соответствий, которая впоследствии послужила точным средством выражения всего, чему он учил о духовной вселенной.

Ясновидение Сведенборга — бесспорный исторический факт, и весьма примечательно, что исключительная психическая восприимчивость сочеталась у него с неизменной преданностью естественным наукам, строгим следованием научному методу экспериментального исследования и точным употреблением языка во всех его сочинениях.

Хотя чрезвычайно подробные и поразительно определённые описания мира духов, обнародованные в многочисленных объёмистых

сочинениях величайшего мудреца и провидца Скандинавии, могут вызывать недоверие или по меньшей мере порождать множество вопросов у тех, кто, по-видимому, не может поверить, что кто-либо из нас способен многое знать о «туманном загробном мире», общий замысел этого учения даёт столь богатую пищу для размышлений и так непосредственно связан с занимающей нас сейчас темой, что мы не знаем лучшего способа подкрепить собственное учение или предложить собственные выводы — за которыми стоят немалый опыт и многочисленные свидетельства, — чем взять общие очертания философии Сведенборга за основу и на ней возвести здание последовательного и легко усваиваемого учения о действии закона притяжения в повседневных делах.

Резкий переход от общего к частному вовсе не безрассудный скачок; это оправданный философский переход, во всех отношениях согласующийся с открытиями и логическими выводами самых точных наук. В непрерывной цепи логического рассуждения не может быть разрывов; поэтому неважно, исследуете ли вы нечто колоссальное или ничтожно малое: во всех случаях вы следуете одному и тому же порядку. Химик-

аналитик может так исследовать каплю жидкости или крупицу вещества, чтобы прийти к вполне удовлетворительному заключению об огромной массе той же жидкости или того же твёрдого вещества, которую он никак не мог бы исследовать целиком. Так же обстоит дело, когда мы обращаемся к мгновению времени, точке в пространстве или отдельному человеку, избранному из громадного множества людей, которое мы никак не можем охватить целиком. Всякий раз, когда мы имеем дело с единицей, мы имеем дело с полноценным образцом и готовимся взлететь в ещё неведомое, разобравшись с уже известным, которое некогда было для нас неизвестным. Есть два вида агностицизма, и необходимо вдумчиво различать их, ибо один заслуживает глубокого уважения, а другой — насмешки. Прилагательное «агностический» означает попросту «не знающий», и некоторые сторонники агностицизма называли его «философией незнания» — не в укор, а в знак скромности, когда это выражение употребляли глубокие мыслители и усердные исследователи вселенского порядка, чувствовавшие себя подавленными необъятностью, казалось бы, непостижимой вселенной.

Теннисон однажды воскликнул с горечью: «Увы, мы ничего не знаем». Вы можете сказать, что это весьма крайнее утверждение, и отнюдь не то, которого одарённый английский поэт-лауреат придерживался на протяжении всей своей прекрасной поэмы «In Memoriam». И всё же эти слова следует понимать не как признание в полном неведении, а как отчаянный крик ищущего разума, который на каждом шагу чувствовал своё бессилие, пытаюсь проникнуть сквозь завесу, зачастую столь надёжно скрывающую область бессмертной жизни от ослеплённых слезами глаз тех, кто остро переживает всю полноту земной утраты. Однако Теннисон говорит: «Мы верим, что каким-то образом благо станет конечной целью всего», — и далее обратите внимание на его обобщающую философию:

«Что ничто не движется бесцельно,
Что ни один червь не рассечён напрасно
И не служит лишь чужой выгоде,
Когда Бог завершит всё строение».

Нередко в душе живёт глубокая вера, тогда как разум терзают мучительные сомнения; и душа, которая лишь *чувствует*, всё это время знает то, что ещё не знающий разум жаждет узнать и

непременно узнает. Мы должны относиться с великим уважением к тем, кто честно сомневается, хотя проповедь отрицания как культа попросту достойна презрения. Нет худшего вздора, чем многое из того, что печатается под знаменем открыто исповедуемого агностицизма: вопреки собственному названию, он не принимает довода о непреодолимом незнании, но смело утверждает, что всё обстоит «не так», хотя начинает с категорического заявления, что в нашем нынешнем состоянии мы не можем знать, существует духовная вселенная или нет. Научный метод, которого всем нам следует строго придерживаться даже при рассмотрении религиозных вопросов, вселяет величайшую надежду и ободряет, ибо сулит радостную перспективу непрестанного умножения знаний и признаёт всякий человеческий опыт достойным разумного внимания. Только опытный метод справедлив и надёжен, и мы берёмся строго применять его как к загадкам богословия, так и к обыденным вопросам кулинарного искусства. Возьмите, к примеру, одну из заповедей блаженства, какое-нибудь наставление или заповедь нравственного закона и проследите их действие. Вдумчиво наблюдайте за ходом событий, следуя высшим наставлениям о совершенстве, и

смотрите, как это сказывается в повседневной жизни, — и вскоре вы обретёте превосходное основание для всей вашей веры. Читали ли вы «Жизнь в уповании» Мюллера? Если нет, достаньте эту книгу и изучите её.

Этот необыкновенный человек, который уже много лет руководит приютами для сирот в английском Бристоле, полагаясь на то, что всё необходимое будет поступать неоскудно, не известен как сторонник каких-либо особых религиозных или иных взглядов, которые не получили бы одобрения значительной части тех, кто слышит евангельскими христианами. Но он повсюду воплощал учение в жизнь и обращал теории в поступки, тем самым превращая лишённое веры убеждение в живую, действенную веру. Нет большей нелепости, чем смешивать сухое рассудочное принятие догмы с живой, деятельной верой, обеспечивающей успешную работу духовного механизма, который приведён в движение и постоянно содержится в исправности и полной готовности к действию. Нам доводилось слышать, как люди говорили, что верят в молитву, но сами молились редко, если вообще молились; они также верили в высшее благо честности, но в

своих деловых сделках ложно представляли покупателям свойства товаров. Такие убеждения — оскорбление и для разума, и для убеждённости, ибо они притупляют нравственное чувство и одновременно затуманивают рассудок. Люди вполне справедливо говорят, что о деревьях следует судить по плодам, которые они приносят; а чтобы помочь деревьям давать много хороших плодов, необходимо правильно их посадить, поливать и заботиться о них. Собирая плоды в положенное время, мы не истощаем деревья, но, напротив, побуждаем их дать ещё более обильный урожай следующим летом, ибо всё подчиняется закону использования и существует ради определённой цели служения.

Будем же постоянно содействовать росту деревьев в садах нашего разума, сполна используя ту малую способность к плодоношению, которую они уже проявили, и никогда не забывая, что лишь тогда, когда мы наилучшим образом используем уже принадлежащее нам, мы вступаем на путь приумножения наших достояний.

Мысль — это созидаящая, организующая сила, чья магнитная мощь непрестанно притягивает к центральному ядру всё, что сродни уже

находящемся в нём. Старое изречение из Послания Иакова: «Человек с двоящимися мыслями не твёрд во всех путях своих» — относится ко множеству людей, которые вовсе не лицемеры. Всякий раз, когда мы стремимся как можно полнее осветить причины успеха или неудачи, нам крайне необходимо спокойно, по-философски рассматривать состояния, с которыми мы часто сталкиваемся в себе и в других и которые, хотя отнюдь не «греховны» в высшем смысле этого выражения, несомненно ошибочны в низшем смысле слова.

Ожидать бедствия — значит накликать его, хотя, конечно, не значит желать его; точно так же размышлять о пороке и неотступно предаваться мыслям о нём — значит привлекать его. Поэтому многие из тех самых людей, которые стремятся свергнуть беззаконие с престола, бессознательно и невольно возводят его на престол своей привычкой постоянно думать о его ужасающей распространённости и мнимом росте его силы.

Гладстон не мог дать юношам, обращавшимся к нему за наставлением, как к почитаемому отцу, более мудрого совета, чем тот превосходный совет, который дал 1800 лет назад апостол Павел в

памятных словах, достойных быть запечатлёнными в каждом разуме и начертанными на стене каждой детской, школы и больницы: «Что превосходно и достойно доброй славы, о том помышляйте». Люди, которые никогда не берутся усердно проверять методы, одобренные мудрейшими во все времена, могут считать себя учёными, оставаясь прискорбно невежественными; в гордыне своего неразвитого ума они могут необдуманно заявлять, что не верят в действенность средств, которых никогда не испытывали; но те, кто истинно ищет истину, всегда склонны со всей серьёзностью посвятить себя проверке поразительного утверждения, которое высказывают даже самые неумеренные из оккультистов: постоянно размышляя о каком-либо предмете и уверенно ожидая заранее определённого исхода, мы достигаем желаемых результатов.

Все маги объясняли свой успех следованием этому принципу, и поскольку магия охватывает весь диапазон от чистейшей белой до самой гнусной чёрной, то, будь чудотворец благоговейным почитателем Духовного Божества, которое есть любовь и мудрость, или порочным сатанистом, призывающим тени преисподней, он полагается на

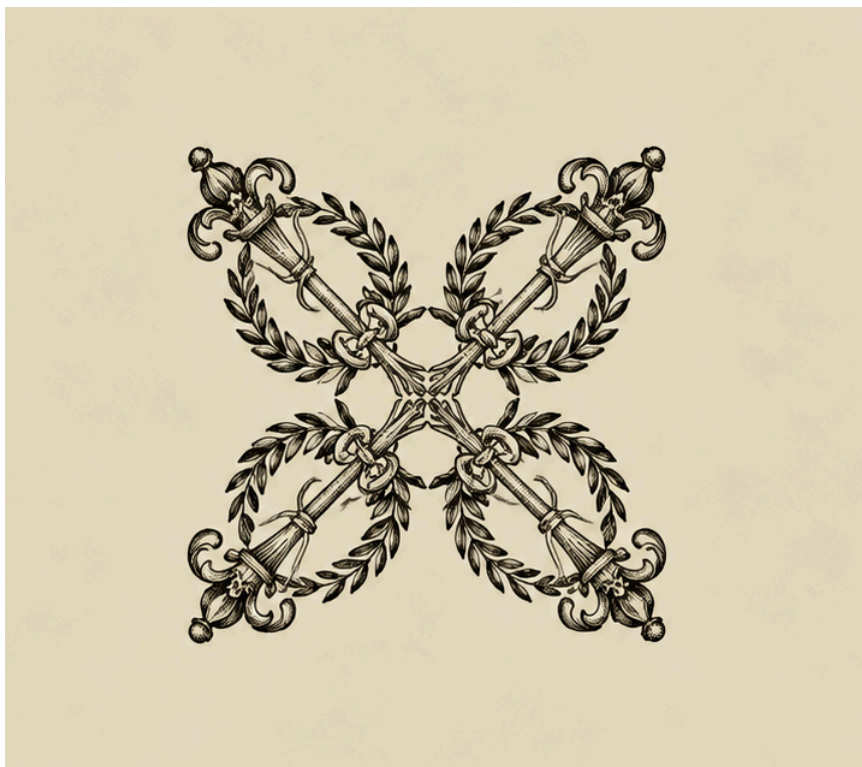
предмет своей любви и не сомневается в том, что его молитвы способны соединить его с царством силы.

В будущем предстоит заниматься скорее научными аспектами молитвы, нежели чисто религиозными, ибо, хотя горячая молитва религиозного подвижника нередко получает щедрый ответ, едва ли можно удовлетвориться объяснением, что Небеса произвольно откликаются на одно прошение, а другое оставляют без внимания. Мы должны сделать наши представления о божественных способах действия более человеческими и разумными. Верховное Существо действует в соответствии с незыблемым порядком, и потому всё совершается для нас по нашему слову и по нашей вере.

Именно так, по свидетельству евангелистов, учил Иисус. На первый взгляд кажется, что, приписывая исцеление больных, приходивших к нему за помощью, их собственному слову и вере, мы умаляем силу и достоинство великого целителя; но почему же нам медлить с принятием объяснения, которое, как нам сообщают, он ясно дал сам? Вера пробуждается духовными обращениями; больные произносят для себя верные слова в результате

успешной работы, проделанной целителями ради них, но последнее действие всегда должен совершить сам человек, которому предстоит пожать плоды. Вполне разумно и весьма благотворно думать о себе как о существах, постоянно живущих среди бесчисленных сфер или кругов организованных разумных существ, к которым в равной мере принадлежат и «живые», и «ушедшие». В единении всегда сила, в разобщённости — слабость. Идти по жизни дрожа и запинаясь, с неуверенной поступью разума — значит пожинать на физическом плане ненадёжные плоды душевной неустойчивости; напротив, решительно занять определённую позицию в разуме и держаться её при любых обстоятельствах — значит утвердить важность духовной стойкости, которая выдерживает бури и приносит победу в положениях, где меньшая решимость неизбежно привела бы к бедствию. Если животное знает, что вы настроены серьёзно и «не шутите», оно будет вам повиноваться; если же вам недостаёт внутренней устойчивости, животное это чувствует, и, поскольку у вас нет силы внушить уважение и добиться послушания, вы оказываетесь во власти прихотей капризного четвероногого. С обстоятельствами нужно обращаться так, как следует обращаться с лошадьми. Стремитесь не к

жестокому принуждению, а к тому, чтобы притягивать силой и любовью. Грубая сила — ещё не сила, и физическая мощь не даёт права. Есть высшая энергия, неосязаемая и невидимая, но в высшей степени реальная, и именно она даёт нам силу черпать из источников духовного изобилия и заставлять судьбу склоняться перед нами. Хорошее правило на каждый день таково: никогда не позволяйте себе впадать в ярость или уныние, когда дела идут не так, как вам хотелось бы. Гнев и уныние в равной мере свидетельствуют о слабости. Тот, кто хочет победить, не должен терять ни надежды, ни самообладания. Окружающие нас обстоятельства — противники, которых мы должны одолеть, но, покорившись нам, они становятся нашими ценными союзниками и действенными помощниками. Всегда предвосхищать идеал и сознательно трудиться ради его достижения, делая всё, что выпадает на нашу долю, как средство достичь желанной цели, — значит верно начать и уверенно вступить на путь к окончательной победе над нынешними ограничениями, столь полной, что сама мысль о подобных высотах кажется «слишком прекрасной, чтобы быть правдой» всем, кроме тех немногих пророческих душ в каждом народе, которые составляют авангард Человечества.

Иллюстрация

VII.

**РАЗРУШИТЕЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ СТРАХА И
ТРЕВОГИ — УКРЕПЛЯЮЩЕЕ ТЕЛО И
ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕЕ УСПЕХ ВЛИЯНИЕ ВЕРЫ**

И МУЖЕСТВА.

В последнее время так много говорилось и писалось в поддержку превосходного начинания — «Движения против тревоги», основанного Теодором Сьюардом из Нью-Йорка при горячем содействии многих друзей, — что пагубное воздействие страха на человеческое благополучие вновь стало предметом обсуждения, и, к нашей радости, теперь к этому вопросу подходят куда разумнее, чем прежде. Слово *страх* употреблялось и может по-прежнему употребляться в разных значениях, и мы, разумеется, вовсе не намерены возражать против страха в его высшем смысле — как уважения или благоговения. Общепринятое ныне значение этого слова не совпадает с тем, в каком оно явно употреблено в Книге Притчей; зато в повседневной речи оно понимается именно так, как в Первом послании святого Иоанна, в тех знакомых словах, истинность которых мы все можем подтвердить: «В страхе есть мучение» и «Совершенная любовь изгоняет страх». Страх и сомнение неразделимы. Если мы чувствуем, что что-либо отдано на волю слепого случая, что безраздельно царит хаос или что нашими судьбами, быть может, распоряжается злобный рок, мы не можем не испытывать

серьёзных опасений за исход любого дела, каким бы похвальным ни было задуманное предприятие. Если же, напротив, мы принимаем утешительный оптимизм, заключённый в известных словах, приписываемых Шекспиру: «Есть божество, что придаёт форму нашим судьбам, как бы грубо мы их ни обтёсывали», — мы обретаем основу для философии, которая приносит удовлетворение и покой и вполне способна поддержать нас при любом непредвиденном испытании. Бесполезно советовать бесстрашие, не предлагая прочного основания, на котором можно возвести мужество. Здания, стоящие на песке, могут быть сколь угодно прекрасны на вид, сколь угодно изящны и остроумны по замыслу, но без твёрдой опоры они не выдержат бури. Таковы и системы мысли, нередко прекрасные, но по существу беспочвенные построения: они не опираются на твёрдое постижение непреложной истины, а лишь со вкусом возводятся в летний день, чтобы привлечь любующегося красотой зрителя. Всякая философия, которая выводит оптимистическое заключение из несостоятельной предпосылки, неизбежно будет очаровательной, но ненадёжной.

Когда Толстой написал свою вызвавшую столько споров книгу «Крейцерова соната», он изложил немало простых фактов и убедительно раскрыл немало практических истин. Среди них было и бесспорное утверждение, что родители, горячо любящие своих детей, могут находить в этих дорогих предметах своей нежнейшей привязанности источник гораздо большей печали, чем радости, из-за всецело физической природы своей любви к ним. Предчувствие надвигающейся опасности — самая горькая капля в той горькой чаше, которую готовит страх, когда пугающее, неосязаемое нечто грозит тем, на кого мы возлагаем свои самые дорогие надежды; и как же материализм может избавить нас от этого страха, если повсюду вокруг мы видим столько свидетельств ненадёжности материальных вещей? Как бы мы ни старались воспитать в себе доверие, оно не может прочно покоиться на шатком основании. Уже по одной этой причине мудрый евангельский совет вечно истинен: «Не привязывайтесь сердцем к земному». Это не значит, что мы должны подавить в себе все естественные желания и стремиться к сурово аскетическому настрою разума, лишённому всякой человеческой привязанности. Совсем иное происходит с нами,

когда нам удаётся перенести свою любовь с преходящей стороны предмета нашей привязанности на его непреходящую сторону.

В каждом из нас есть две стороны, и взаимная привязанность, несомненно, может существовать и прочно держаться на высшей, непреходящей стороне, а не на низшей, мимолётной. Когда мы любим качества характера, а не внешнюю личность, мы инстинктивно чувствуем себя бессмертными, ибо такая любовь исходит из бессмертного средоточия и обращена к бессмертному предмету. Пусть никто не поддаётся совершенно ошибочному представлению, которого некоторые искренне придерживаются, будто, не сосредоточивая свои мысли и привязанности на физических телах и материальном имуществе, мы непременно будем слабы и нищи. Опыт опровергает это ложное убеждение на примере множества людей, подобных женщинам из Евангелий, которые истратили всё своё земное достояние в тщетной надежде обрести здоровье, но так и оставались немощными, страдали и становились всё слабее и хуже себя чувствовали — в одном случае двенадцать лет, а в другом тридцать восемь лет подряд. Не раз замечали, что, когда человек, которого считали

умирающим, составлял завещание и мирно примирился с переменой, представлявшейся ему и его друзьям неизбежной, прекращение страха, тревоги и беспокойства давало телу свободу выздороветь именно в тот момент, когда стихали мучительные переживания по поводу его близкой гибели.

Нередко бывает, что после совершения священником таинства последнего помазания, которое совершают лишь над теми, кого считают очень близкими к смерти, больной выздоравливает благодаря утешительному действию этого таинства, призванного унять страх и привести душу в состояние покоя.

Во многих случаях физическое тело выздоравливает словно само собой, стоит лишь ему это позволить; главный вопрос, касающийся благополучия нашей плотской скинии, заключается не в том, что делать для предотвращения её распада, а в том, как прекратить пожирающий нас страх и неотступное беспокойство, чтобы дать тому, что мы неопределённо называем *Природой*, возможность действовать беспрепятственно. При глубоком истощении лекарства не нужны и часто вредны; не возбуждение, а покой даёт свободу

действовать целительной энергии Природы. Уже по одной этой причине многие виды так называемого мысленного лечения оказываются весьма успешными, хотя в известном смысле они вовсе не являются лечением, а представляют собой просто отсутствие лечения или освобождение от него. Что касается отказа от тревоги, это лишь отрицательная сторона великого вопроса о сохранении здоровья, с которым мы все непрестанно сталкиваемся. Сбросить заботы и освободиться от беспокойства — благо отрицательного свойства; поступая так, мы «даём Природе возможность действовать», однако у науки о здоровье есть гораздо более высокие стороны, требующие самого серьёзного внимания. Едва ли можно сказать, что тела строят себя сами; это здания, которые непрестанно возводятся и перестраиваются, ибо они никогда не остаются в точности одинаковыми два дня или даже два часа подряд. Перемены в человеческом организме совершаются так быстро, что известные физиологи теперь утверждают: за три месяца или даже за шесть недель в нём происходят или могут произойти самые коренные изменения. Старая теория, согласно которой на обновление всего тела требуется семь лет, если она вообще верна, должна относиться к костной структуре, включающей,

разумеется, самые твёрдые и медленнее всего изменяющиеся кости. Плоть, несомненно, меняется с поразительной быстротой, а жизненно важные органы быстрее всего откликаются на любые душевные переживания.

Страх губительно действует на всё: он обедняет кровь, разрушает ткани, уничтожает нервные клетки, уменьшает силу сопротивления, позволяющую отражать коварные атаки болезни, и всячески подрывает организм.

Страх и тревога — болезни, и относиться к ним следует как к болезням; бесполезно сурово осуждать тех, кто страдает этими недугами, и столь же неразумно, сложив руки, заявлять, что люди, унаследовавшие такие склонности, достойны глубочайшего сожаления, но излечить их невозможно.

Нередко бывает трудно без посторонней помощи избавиться от дурной привычки, рабом которой вы стали; поэтому во многих случаях добрые услуги другого человека бесценны. Весь подход к лечению внушением основан на понимании блага взаимопомощи и на ясном представлении о том, как в духе подлинного сотрудничества применить

мудрые слова апостола: «Вы, сильные, должны нести (снимать) бремена слабых». Нелепо было бы настаивать на том, что сильным людям надлежит становиться слабыми, принимая на себя немощи своих более слабых ближних; но поскольку слово «нести» часто означает убирать или уносить прочь, мы легко можем понять, как слабости устраняются или уносятся действенной силой, исходящей от более сильного к более слабому.

Когда общественный разум вполне освободится от этого ужасного кошмара — веры в то, что ему угодно именовать зловредным гипнозом, — путь целителя, использующего внушение, станет гораздо яснее, чем теперь; к счастью, это жалкое пугало быстро утрачивает свою устрашающую силу.

Те, кто создаёт или порождает страх в других, никогда не смогут с успехом выступать в роли целителей или освободителей страждущих, ибо сами страдают от того самого заблуждения, которое мучает жертв, пытающихся обрести свободу с их помощью.

От последователей Христианской науки нередко приходилось слышать о «злонамеренном месмеризме» и его ужасных последствиях, хотя

случаи, которые они приписывали этой страшной тайне воображаемого зла, были лишь проявлениями какой-нибудь незначительной формы истерии. Разумное мысленное лечение могло бы очень быстро принести облегчение, а если дополнить его небольшим наставлением, основанным на здравых началах, — и окончательное исцеление.

Одержимость — современный эквивалент древней веры в бесовское вселение — ещё одно ужасное пугало, причиняющее несказанные страдания повсюду, где боятся его силы. Было бы чрезмерной самонадеянностью утверждать, что это представление совершенно безосновательно или что описываемые явления никогда не встречаются; однако именно страх перед дьяволами придаёт силу всему дьявольскому ничуть не меньше, чем любовь к заблуждению, которая, разумеется, служит первопричиной *дьявольщины*.

Ничто не превзошло 23-й псалом ни по здравости выраженных в нём чувств, ни по красоте слога в тех строках, где сказано: «Не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня». Автор этой песни настолько глубоко проникнут ощущением божественной защиты, что

не может и не желает поддаваться тревоге. Враги могут окружать его, но Бог готовит перед ним трапезу в присутствии этих врагов, так что, хотя враждебные войска и существуют, он может есть и пить в мире и безопасности, даже если вокруг него расположилось станом целое полчище неприятелей: ведь он блаженно сознаёт истину, что сила на его стороне превосходит все противостоящие ей силы. Перевес сил всегда на чьей-то стороне; одно войско всегда превосходит другое, и во времена окружающей нас смуты самое главное — чувствовать, что мы на стороне могущественной и победоносной.

Грубые нападки на букву некоторых евангельских изречений в английском переводе Библии короля Иакова — всего лишь придирки и бесконечные упрёки по поводу неточной передачи той или иной фразы — полностью опровергаются чтением гораздо лучшего и куда более верного перевода спорных мест в пересмотренном издании. Там вместо слов «не помышляйте», оставляющих текст открытым для критики, с полной верностью греческому оригиналу поставлено: «Не тревожьтесь» и «не предавайтесь тревожным мыслям о завтрашнем дне». Несомненно, мы не

можем заниматься своим делом, если вовсе о нём не думаем; верно и то, что во многих случаях, занимаясь сегодняшними делами, мы должны думать о завтрашнем дне. Но необходимая мысль и тревожная мысль отнюдь не одно и то же; они столь же различны, как честные деньги и грязная нажива: первая вполне законна, вторая совершенно предосудительна. Разница между правильным и неправильным размышлением об одном и том же предмете очевидна всякому рассуждающему человеку; и поскольку всем нам так или иначе приходится думать о своей работе, чрезвычайно важно выработать и сохранить добрую привычку думать о ней правильно.

Даже простого стремления к пользе должно быть достаточно, чтобы направить нас на верный путь и удержать на нём: стоит лишь обратиться к здравому смыслу и руководствоваться практическими последствиями, чтобы ясно увидеть результаты двух видов мысли, о которых сейчас идёт речь. Тревожная мысль немошна и ослабляет всякого, кто ей предаётся; более того, она, словно магнит, притягивает невзгоды с той же неизбежностью, с какой светлая, великодушная, исполненная надежды мысль привлекает благополучие.

Мера успеха, которого вы в конечном счёте достигаете, определяется гораздо больше тем, что вы представляете собой внутренне, чем тем, какими умениями обладаете. Наши мысли строят наши психические, или невидимые, тела, а исходящие от них излучения проникают несравненно дальше, чем простой животный магнетизм. Некоторые авторы употребляют выражение «человеческое электричество» для обозначения этого тонкого, явственно *ощутимого*, хотя и *невидимого* излучения психической личности. *Страх разрушает, тогда как вера созидает*; поэтому в искусстве построения тела вера и мужество — два самых важных и влиятельных деятеля, какие только можно себе представить. Вера неизбежно приводит к успеху благодаря своей могучей созидательной силе, а мужество, чья непобедимость вошла в поговорку, настолько близко вере, что их едва ли можно разделить даже в воображении. Нам предстоит рассмотреть две пары: страх и тревогу на дурной стороне, которые должны быть побеждены верой и мужеством на доброй. Если до сих пор мы находились под властью этих двух бесов-близнецов, то изгнать их из своей жизни мы можем лишь призвав двух ангелов-близнецов, их прямых противников, и заручившись их помощью.

Бесполезно говорить, что мы не можем преодолеть страх и тревогу: хотя это и впрямь может быть верно, пока наши мысли сосредоточены на этих пагубных и разрушительных пороках, мы несомненно сумеем вырваться из их когтей, если только будем настойчиво сосредоточивать внимание на противоположных им добродетелях.

Здесь, как и во всех прочих случаях, залогом успеха любого начинания служит утверждение, а не отрицание. Отрицания, или отрицательные высказывания, иногда могут иметь второстепенную ценность как средство стирания, но попытки бороться с заблуждениями как таковыми не приносят ни покоя, ни удовлетворения. Между тем нет ничего очевиднее того, что заблуждения успешно побеждаются и даже полностью ниспровергаются или окончательно устраняются теми божественно славными утверждениями, которые обращены к высочайшим «превосходным вещам», на коих нам следует непрестанно сосредоточивать мысленный взор. Какое наставление может быть в этой связи сильнее слов «совершенная любовь изгоняет страх»? Любовь входит, и страх уходит. Нам не нужно думать о страхе или бороться со страхом! Мы думаем о том,

что сильнее всего пробуждает возвышенную любовь; и тогда, по мере того как любовь рождается в нас, страх искореняется и изгоняется. Нередко кажется трудным, если не невозможным, любить то, чего, как мы чувствуем, мы не понимаем; поэтому, когда нам велят любить Бога всем сердцем, всей душой, всем разумом и всей силой, нам порой хочется спросить: но кто или что этот Бог, которого мне велено любить?

Если существует Верховное Существо, или Бесконечный Разум, направляющий и пронизывающий вселенную, одновременно имманентный и трансцендентный, то как нам любить его, хотя мы и не можем не испытывать благоговейного трепета перед этой всемогущей силой, этой бесконечной живой энергией? Такие вопросы не являются непочтительными, и от них нельзя легкомысленно отмахнуться. Совершенно напрасно наставники богословия говорят нам, что Бог требует нашей любви и что мы обязаны любить своего Творца в ответ на принятый нами дар жизни. Стоит ли жизнь того, чтобы жить; стоит ли игра свеч? — вот вопросы, которые возникают следом, и распространённость самоубийств во многих местах,

как и нынешнее изобилие пессимистической литературы, подсказывает весьма мрачный ответ на эти исполненные отчаяния вопросы.

Мария Корелли связала распространённость самоубийств в современной Франции с распространением новейшего атеизма и употреблением абсента, и её доводы убедительны как в «Полыни», так и в «Могучем атоме»; однако читателей можно простить за желание выяснить, что же привело к абсенту и атеизму. На протяжении многих столетий христианская церковь располагала во Франции огромными возможностями, и если христианство в какой-либо из своих бесчисленных форм действительно способно возродить общество, почему оно не сумело этого сделать именно в тех странах, где пользовалось официальным покровительством и щедрой поддержкой? Не пытаюсь объяснить все причины, по которым ни одна христианская иерархия, по-видимому, не смогла по-настоящему возвысить мир и искоренить пессимизм, привнеся в него светлый оптимизм, мы, если хотим быть честными, не можем закрывать глаза хотя бы на две из многих причин, которые можно было бы добросовестно перечислить. Вот эти две причины: во-первых, недостаток чистоты или

духовности в повседневной жизни самой церкви — факт общепризнанный, несмотря на великолепные отдельные исключения из этого правила; во-вторых, чрезмерное подчёркивание суровых сторон христианской проповеди и, как следствие, недостаточное внимание к более мягким, кротким и во всех отношениях более привлекательным сторонам христианского вероучения. Когда почитание Святейшего Сердца было официально введено в богослужение Римско-католической церкви, богословы не скрывали, что оно призвано особо подчеркнуть исполненную любви человеческую сторону божественной природы и мольбами любви привлечь сердца, которые лишь оттолкнули бы суровые учения о воздаянии, долгое время занимавшие несоразмерно большое место в религиозном наставлении как католиков, так и протестантов.

Прекрасные строки Фабера:

«Но мы сужаем Божию любовь
Пределами, что сами ей кладём,
И преувеличиваем Его строгость
С усердием, которого Он не признаёт».

А вслед за ними — славный порыв доверия к бесконечной Благости, выраженный в словах, насыщающих сердце: «Божие милосердие безбрежно, как море, и сердце Вечного дивно добро». Эти слова католический священник обращал к своим единоверцам, но они также несут всему человечеству живое, исполненное любви, вдохновляющее послание благородной, святой души. Именно такие наставления по-настоящему возвышают и прославляют призвание проповедника, и на этой высокой духовной почве находится место для братского сотрудничества между самыми чистыми и мудрыми представителями всех вероисповеданий под солнцем.

Мы должны либо быть готовы явить утомлённому миру Бога, исполненного любви, либо смириться с тем, что массы погрузятся в безнадёжную апатию или поднимутся на яростный бунт против вероучения, в котором, кажется, почти всё — от головы и почти ничего — от сердца. Чем выше наше представление о Верховном Духе, тем возвышеннее будут наши собственные взгляды на человеческое достоинство и общественные отношения.

Ничто не может быть печальнее бесплодной мысли о том, что мы — игрушки бесчувственной силы, разве что ужас перед вечным гневом разъярённого бесконечного властелина; и именно вследствие проповеди «страха, в котором есть мучение», современное умонастроение стало в столь значительной мере атеистическим или, по крайней мере, агностическим. Интересно и отрадно заглянуть глубже внешней оболочки даже самых яростно ниспровергающих святыню современных высказываний и обнаружить в основе каждого протеста борьбу против представления о жестокости и несправедливости, восседающих на небесном престоле или воплощённых на земле; никогда не поднимается крик протеста против того, что человеческое сердце воспринимает как справедливое или исполненное любви.

Профессор Парк, выдающийся преподаватель одной из богословских семинарий Новой Англии, откровенно ответил на вопросы своих учеников, сказав им, что спасение зависит от внутренней святости и что, независимо от того, какие догматы человек способен или не способен принять

разумом, если он живёт настолько свято, насколько может при доступном ему свете, то он идёт по пути к небесам.

Мы особенно рады обратить внимание на подобные высказывания, когда они исходят из твердынь исторического правоверия, ибо они ясно свидетельствуют о благотворном действии истинного современного *духа времени* и обещают, что уже занимается заря того дня, когда над головой человечества больше не будет висеть туча ненавистного страха, терзающего чувствительные натуры и вынуждающего их в отчаянии отвергать всякий закон или же погружаться в такую меланхолию, при которой, по всей видимости, умирает всякое тонкое и прекрасное чувство, побуждающее к благородной жизни во внешнем мире.

Страх ведёт к безрассудству и непокорности, и, как общепризнано, открывает путь к безумию — крайнему пределу отчаяния. Считать мужественных людей безрассудными — серьёзная ошибка; они осторожнее всех прочих, хотя их заботливость проявляется лишь в осторожности. Здесь мы вновь сталкиваемся с различными употреблениями одного и того же слова, которые

порождают путаницу в мыслях, пока мы не счтём это затруднение метлой тщательного разграничения высших и низших значений. Заботливость всегда превозносят как добродетель, тогда как беспечность осуждают как порок, и это вполне справедливо, если учитывать лишь общепринятое значение этих противоположных понятий. Однако, встречая в Новом Завете такие изречения, как «Не заботьтесь ни о чём» и «Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печётся о вас», мы невольно восхищаемся мыслью о свободе от тревоги и беспокойства, которой исполнены эти слова.

Евангелие говорит о том, что лилии свободны от тяжкого труда, а птицы живут вольно; но едва мы поддадимся очарованию слов «они не трудятся» и с безмолвным восторгом выслушаем утверждение, что даже Соломон во всей славе своей не был одет так прекрасно, как одна из беззаботных полевых лилий, перед нами встаёт неоспоримый факт: цветы и птицы чрезвычайно трудолюбивы. Они не *надрываются*, но *работают*; они не *изнуряют себя трудом*, но *непрестанно деятельны*. В этом заключается и практичность, и красота евангельского послания. Мы должны работать, но

не тревожиться; должны быть всегда трудолюбивы, но тревога об исходе никогда не должна присутствовать в наших мыслях. Если мы действительно задумаемся о том, как растут цветы и как птицы строят свои гнёзда и вообще поддерживают своё существование, то вскоре начнём понимать, что пернатые племена, населяющие воздух, расцвечивающие рощи своим великолепным оперением и оглашающие поля прелестным пением, подобно своим менее разумным друзьям из растительного царства, трудятся, но не тревожатся.

Для успешной работы, какова бы она ни была, неизменно необходимы две вещи: во-первых, любовь к ней; во-вторых, уверенность в её успехе. Только любя, мы можем работать прекрасно, гармонично, мужественно. Мужество приходит с любовью; лишь любовь делает задачи лёгкими, а пальцы — быстрыми.

Прекрасные слова Драммонда в его «Восхождении человека» о том, что история эволюции — это история любви грандиозного размаха, помогли многим эволюционистам, бившимся над трудными вопросами, увидеть, что вполне возможно ясно показать согласие между

фактами естествознания и глубочайшими истинами религии. Едва ли девятнадцатый век был одарён более горячо религиозным писателем, чем Генри Драммонд, но его правоверие исходило скорее из сердца, чем из головы. Правильное чувство — корень всякой праведной речи и всякого праведного поведения. Как можем мы любить Бога, если не любим человека, созданного по образу Божию? По-настоящему важен наш взгляд на человеческую природу; по-настоящему значимо то, как мы оцениваем человеческую жизнь. Какова бы ни была истина о Высшей Реальности, здесь и сейчас мы — люди, постоянно общающиеся друг с другом; и всё наше счастье, как и весь наш успех, зависит от того, каковы на деле наши общественные и трудовые отношения. Как можем мы доверять другим, если не верим в себя; а если мы можем доверять себе, зачем сомневаться в наших собратях, ведь по существу мы все одинаковы, сколь бы ни различались в частностях? Любовь, вера и мужество должны всегда составлять триединство; эти три по существу и навеки едины. Прежде всего, Любовь, Веру и Мужество можно рассматривать как различные, но не как отдельные начала. Мужество, очевидно, — дитя Веры, вступившей в брак с Любовью. Любовь, как все мы знаем из самого

разнообразного опыта, — корень всего. В любви мы находим первоисточник всякого желания, решимости и упорства. Любовь побуждает ко всякому усилию, какого бы рода оно ни было; без её движущей силы мы ничего бы не делали, ибо у нас не было бы стимула к действию. Но одна любовь бессильна; она должна соединиться с мудростью, и именно мудрость возвращает и пестует мужество, ибо мудрость — животворящий дух веры. Разве всемирный опыт не свидетельствует о том, что в миллионах случаев страх и невежество идут рука об руку? Мы страшимся неизвестного; мы боимся темноты. Свет рассеивает страхи, потому что открывает и являет скрытое; и когда вещи предстают такими, каковы они на самом деле, это не усиливает наш ужас, а освобождает нас от него. Насколько легче быть храбрым днём, когда ярко светит солнце, чем в тёмные часы ночного бдения! Знание, составляющее душу веры, даёт нам уверенность в ночную пору.

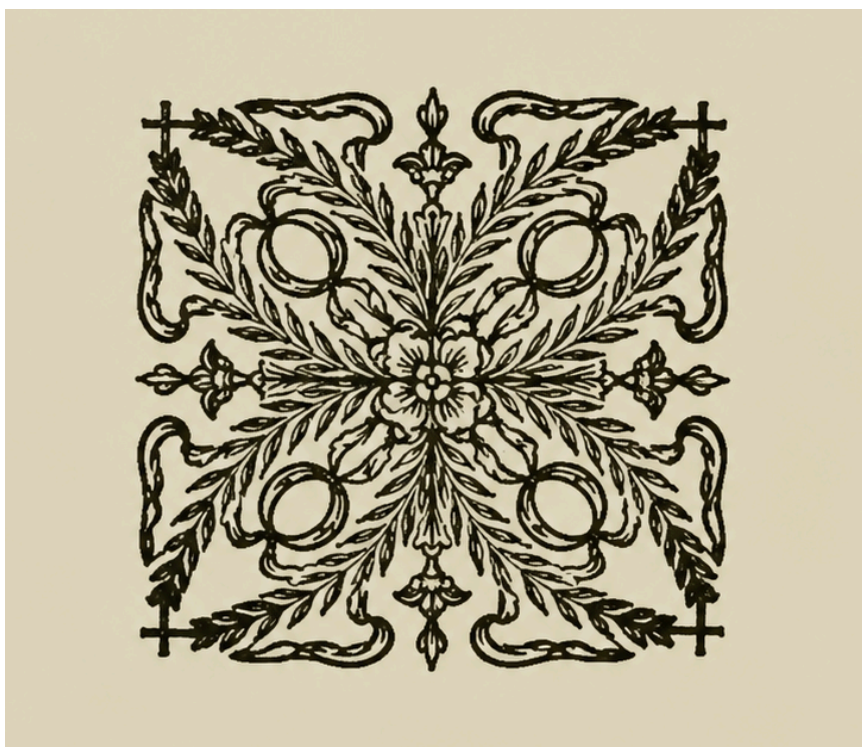
Всё обстоит не хуже, а гораздо лучше, чем мы предполагали. Раскрытие истинного положения дел никогда не вызовет смятения, но спокойному, вдумчивому разуму всегда укажет выход из затруднения и кажущейся опасности. Мы боимся

сами не знаем чего. Истинный целитель — тот, кто берёт робкого ребёнка с собой в самую гущу предполагаемой опасности и доказывает, что и там можно быть в безопасности, тем самым заставляя стихнуть все тревоги, столь же вредные, сколь и ненужные.

Когда мы все согласимся перестать тревожиться, мы откроем новую эру человеческого прогресса, эпоху неизмеримо большей просвещённости, чем нынешняя, ибо все те таинственные психические силы, о которых сегодня так много говорят, совершенно естественны и лишь ждут минуты, когда им позволят проявить свою мощь и доказать, что они наши верные слуги. Прекрасный совет всем нервным, робким, раздражительным, тревожным людям — спокойно обсуждать свои мнимые опасности и затруднения с каким-нибудь сильным, опытным, почти бесстрашным другом, который умеет сочувствовать и понимать, но отличается мужеством, намного превосходящим обычную меру.

Практика терапии внушением неизменно подтверждает, что благотворное излучение силы от мужественного человека к тому, кто ещё не столь мужествен, приносит неоценимую пользу.

Мужество зарачительно, и то же можно сказать о любой мыслимой добродетели, о любом достоинстве разума и нравственности. Как умелый строитель не только строит сам, но и способен вдохновлять других и учить их строить так же, так и всякий, кто сам свободен от страха и полон мужества, может стать для других мощным стимулом к достижению такого же состояния.

иллюстрация

VIII.

ВЛИЯНИЕ РАЗУМА НА ТЕЛО — НАУКА О ЗДОРОВЬЕ И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ — КАК СТАТЬ ВРАЧОМ САМОМУ СЕБЕ И ТЕМ САМЫМ ВРАЧОМ ДЛЯ ДРУГИХ.

Все предыдущие главы этой книги недвусмысленно подводили нас к мысли о том, что со временем человек преодолеет все ограничения, и среди самых мучительных из них болезней, несомненно, угнетает сильнее всего. Как часто нам приходится слышать от человека, владеющего обширными землями и оценивающего своё состояние в несколько миллионов долларов или даже фунтов стерлингов: «Я отдал бы всё, что имею, в обмен на ваше здоровье». Эти слова могут быть обращены к слуге, нанятому этим мультимиллионером, или к какому-нибудь довольному своей участью рабочему, который, занимая скромное положение подёнщика, зарабатывает ровно столько, сколько нужно для покрытия насущных расходов при весьма скромном образе жизни. Такое замечание вовсе не обязательно необдуманно или продиктовано нетерпением; оно может быть серьёзным, тщательно взвешенным итогом глубокой мысли и

сосредоточенного размышления. Почему бы и нет? В той дивной древней эпической поэме, книге Иова, сатана представлен говорящим Господу: «Всё, что есть у человека, отдаст он за своё здоровье», — ибо именно таков очевидный смысл слова, которое в этом отрывке обычно переводят как «жизнь». Обвинитель, или обвиняющий ангел, рассуждает так: человек может лишиться всего своего достояния; дома, земли, скот — всё может быть уничтожено землетрясением, огнём или вихрем, но, пока у него остаётся здоровье, у него есть нечто, за что он может быть поистине благодарен; однако стоит отвратительной болезни поразить его тело, и тогда, когда бедствие коснётся его собственной плоти, он, по убеждению сатаны, утратит всякое доверие к божественной благодати и, поддавшись отчаянию, покончит с собой или предастся безнадёжному богохульству. Хотя в истории Иова столько возвышенного оптимизма, что предсказание сатаны в конце концов не сбывается, автор этой стихотворной трагедии достаточно ясно показал нам, как трудно сохранять цельность мысли, когда мучительная болезнь пожирает плотскую скинию, которую мудрый дух никогда не покинет опрометчиво.

Здесь возникает вопрос: в какой мере наука и всеобщий опыт побуждают нас считать физическое страдание причиной душевного расстройства и насколько обоснованно мы можем приписывать телесные недуги причине, кроющейся в разуме? То, что Иов не «согрешил», со всей ясностью показано в повествовании о его жизни, но разве логика фактов когда-либо позволяет нам утверждать, что, если жизненный путь человека достоин уважения, значит, на всём его протяжении не было допущено ни одной ошибки? Ничто не может быть более суровым и недобрым, и зачастую ничто не бывает дальше от истины, чем осуждающее предположение, будто всякая болезнь — следствие греха. Мы достаточно хорошо знаем, какое впечатление слово «грех» обычно производит на рядового слушателя, и потому жестоко прилагать столь позорящее имя, как «грешник», к тому, кто, хотя и не свободен от невинных ошибок, ни в каком смысле не является сознательным нарушителем закона или чужих прав. Грешить — значит поступать вопреки собственному представлению о том, что правильно, а поскольку мы не призваны быть хранителями совести наших ближних, мы никогда не станем судить о побуждениях, которыми руководствуется другой человек. Но хотя мы не

вправе осуждать, мы вправе учить, и хотя предаваться порицанию столь же несправедливо, сколь и недоброжелательно, указать всем более совершенный путь, нежели та ошибочная стезя, по которой многие наши благонамеренные ближние, как и мы сами прежде, долго шли, — вполне в пределах человеколюбия. Нигде, ни в Библии, ни вне её, мы не найдём более ясного разграничения между грехом и слабостью, чем в евангельском рассказе о прозрении человека, слепого от рождения. Ученики спрашивают своего учителя: кто согрешил — этот человек или его родители? Учитель отвечает: ни этот человек, ни его родители. Ученики представляют тех, кто, стремясь к просвещению, всё же остаётся приверженцем некоторых ошибочных теорий, усвоенных в ходе обучения или бездумно перенятых у окружающих и принятых за собственные без трезвого размышления. Людям древности, как и людям сегодняшнего дня, отчётливо предстают две стороны жизни. Одна выражается санскритским словом «карма», другая — словом «наследственность». Человек мог согрешить в предыдущей жизни и теперь нести за это наказание — так говорят те, кто смотрит на нынешнее положение с точки зрения «кармы». «Родители ели

кислый виноград, а у детей на зубах оскомина», — цитируют сторонники господствующей теории наследственности, которая представляет собой лишь видоизменённое учение о первородном грехе и нашей причастности к прегрешению Адама. Более высокий взгляд на жизнь, нежели взгляды сторонников обеих только что упомянутых теорий, совершенно отвергает первородный грех — как в нас самих, так и в наших предках — и побуждает нас, по существу, сказать: «Каждый из нас — свой собственный Адам; и если мы грешим, то по подобию прегрешения Адама, а не вследствие падения прародителя или порока предка». Но, оставив грех в стороне, нетрудно заметить, что, находясь среди сил, которыми нам предстоит научиться управлять, и материи, которую нам предстоит научиться подчинять себе, мы легко можем навлечь на себя временные страдания по простому неведению, и «слепота от рождения» — образное выражение, в точности описывающее наше действительное состояние. Мы слепы, то есть не видим, пока в развитии заложенной в нас способности не достигаем той точки, с которой начинаем видеть; затем поначалу видим смутно или несовершенно, словно в кривом зеркале, пока наконец не начинаем видеть вещи в их

надлежащих отношениях и соразмерности и не становимся готовы воскликнуть: «Я был слеп, а теперь вижу». Слепота от рождения — состояние отрицательное; зрение, возникающее в тот период, когда пробуждается внутреннее сознание, — отправная точка положительного состояния.

Итак, существует множество недугов, которые мы навлекаем на себя своей слабостью и неопытностью, свойственными нашему слепому, или незрячему, состоянию. Эти недуги — не наказания, а необходимые переживания, связанные с нашим обучением, и до определённого момента они неизбежны; точно так же мы не можем избежать непреднамеренных ошибок, когда экспериментируем с какой-либо силой или материей, которая со временем станет нам повиноваться, но пока неизбежно кажется непокорной или враждебной, поскольку нашего опыта в искусстве её подчинения ещё недостаточно, чтобы одержать над ней победу.

Животные, по-видимому, наделены инстинктом, тогда как человек хвастливо приписывает себе способность пользоваться разумом вместо инстинкта. Именно здесь мы и совершаем роковую ошибку: мы противопоставляем разум инстинкту,

тогда как, будь мы мудрее, нам следовало бы дополнять инстинкт разумом. Животные редко болеют в своей родной дикой среде, но в неволе они подвержены всем недугам, поражающим человечество, чья природа искажена.

Не понимая истинного назначения человеческого разума, мы свернули с пути природы и приучили или принудили многих наших друзей в меху и перьях поступить так же; в результате мы создали искусственный уклад существования, прямо противоположный законам здоровья. Поэтому, хотя приверженцы так называемой высшей культуры и цивилизации громогласно провозглашают себя сторонниками гигиены, нигде правила гигиены не нарушаются столь нелепо, как в обиталищах моды, где культура, как предполагается, достигает своего прекраснейшего расцвета.

Правило здоровья чрезвычайно просто, тогда как привычный нам образ жизни весьма сложен и в высшей степени искусственен. Автор этих страниц постоянно получает доверительные письма от людей из всех слоёв общества, которые сочли бы нарушением доверия, если бы мы дали публике хотя бы малейшую возможность установить

личность наших корреспондентов; к тому же эти письма часто слишком ценны, чтобы обойти их молчанием, и потому в наших занятиях и сочинениях мы по возможности разбираем их, не называя имён. Вот один из примеров: «Я врач. Я агностик и всегда им был. В последнее время я очень заинтересовался идеализмом, наукой о разуме, метафизикой и тому подобным. Я прочёл ваши труды по психологии, а также о сосредоточении. Читал сочинения Генри Вуда, книгу Ньюкомба „В мире всё в порядке“ и другие. Мне нравится их оптимизм, и я признаю, что они наводят на плодотворные мысли. Мне хотелось бы верить в теорию свободы, которую они проповедают; в то, что разум может быть причиной явлений; в бессмертие и так далее. Я внимательно изучал эволюцию, но не могу объяснить явления ни одной гипотезой. Я не могу остановиться ни на каком убеждении относительно происхождения или конечного предназначения. Я ничего не знаю даже о сущности самого разума: вторичен ли он по отношению к материи или первичен; обладает ли он самопроизвольной активностью и способностью порождать следствия или же возникает в результате так называемых материальных изменений. Если болезнь обусловлена разумом и имеет психическое

происхождение, то как болеет растение? Я хочу верить так, как верите вы. Всегда этого хотел, но, кажется, я агностик по необходимости — во всяком случае, мне так представляется. Считайте это письмо частным, и если вы сможете указать мне что-нибудь из написанного вами или другими, что, вероятно, направит мои мысли в иное русло, я буду вам искренне благодарен».

Приведённое выше послание — одно из многих, написанных в подобном духе; одни приходят от врачей, другие — от юристов, третьи — от служителей религии, а многие — от обычных людей, не принадлежащих к этим профессиям. Все они, по-видимому, безмерно озадачены повсюду царящими загадочными расстройствами и нарушениями и, кажется, совершенно не способны выработать какую-либо философию, которая убедила бы их в том, что есть прочное основание доверять чужому оптимизму: они глубоко им восхищаются, но, по-видимому, бессильны его разделить. Поистине геркулесова задача — убедить этих добрых, искренних людей в истинности системы мысли, стоящей выше агностицизма, — кажется совершенно непосильной для простого писателя. И когда нас просят порекомендовать книги, то, хотя

перед нами целые библиотеки, полные изречений мудрецов, мы всегда испытываем некоторое опасение: не прочли ли уже эти самые люди какой-нибудь из тщательно отобранных томов и не отложили ли его с печалью, найдя неубедительным.

Нужно взглянуть правде в лицо. Вы не можете почерпнуть из книг то духовное знание, которого ищете, как бы хороши и полезны эти книги ни были. Разве вы уже не начинаете понимать, что чужое свидетельство — не непосредственное доказательство, а косвенные доводы никогда не бывают вполне убедительными? Книги и учителя ценны лишь постольку, поскольку помогают вам следовать указаниям и бесстрашно, самостоятельно идти по пути познания, — но не более того; поэтому те, кто в какой-либо мере исцелился, становятся проводниками для других на пути к исцелению. Растения заболевают, когда их помещают в неестественную среду или когда на них нападают вторгающиеся извне враги, которым они не в силах противостоять. Но жизнь растения настолько менее сознательна и настолько более пассивна по отношению к окружающей среде, чем должна быть человеческая жизнь, что самую подверженность растения болезням нам следует принять как совет

не прозябать. В человеке есть растительная система, но она должна быть подчинена высшему человеческому началу, иначе при возникновении опасности она легко может ей уступить.

Мы никогда сознательно не отступали от учения, которое вот уже несколько лет последовательно (и, смеем надеяться, всё более полно) излагаем: подверженность болезням должна быть преодолена в ходе нашего развития. Взгляд назад никогда не заменит взгляда вперёд; не на животное и не на растение, а на совершенного человека должны мы неизменно устремлять взор, если хотим успешно изгнать недуги, свойственные низшим ступеням роста, но не находящие постоянного места в человеческом опыте по мере продвижения к цели — окончательному совершенству.

Было бы очень серьёзной ошибкой полагать, будто растения и животные достигли той высоты освобождения от подверженности болезням, которой суждено достичь нам. Инстинкт, несомненно, делает для здорового животного то, чего неверно понятый или извращённый разум не может сделать для человека; но, хотя птица и цветок достойны изучения, они отнюдь не являются совершенными образцами для подражания.

Христос может сказать: *«следуй за Мною»*, но, хотя он говорит: *посмотрите*, он не советует нам *следовать* за полевыми лилиями или небесными птицами. Если выражение «наука о здоровье» — не просто ошибочное название, мы должны сознавать, что путь к тому идеальному состоянию, которое мы называем *здоровым* (что, по сути, равнозначно определению *святой*), нам предстоит найти самим, и пройти по нему каждый должен самостоятельно.

Когда мы уверенно говорим о влиянии разума на тело, мы слишком часто склонны упускать из виду действительное положение вещей вокруг нас и рассуждать так, словно на одно тело может воздействовать лишь один разум — разум того человека, которому это тело принадлежит. Многие люди, не обладая достаточной самостоятельностью, становятся жертвами воздействия враждебных мыслей окружающих столь же несомненно, как собака может отравиться, съев по неведению что-нибудь злонамеренно или по небрежности брошенное у неё на пути. Пока мы пребываем в неведении, все мы подвергаемся случайностям и рискам; и чем больше мы зависим от душевного состояния окружающих и чем сильнее ему

отдаёмся, тем меньше у нас силы сопротивления или даже защитного инстинкта, способного уберечь нас от расстройства.

Многие весьма странные системы мнимой гигиены процветают благодаря доверию, которое питают к ним их приверженцы, хотя сами по себе эти системы мало чем заслуживают одобрение. Подобный факт должен заставить широкую публику остановиться и задуматься: как возможно, что противоположные системы приносят одинаковую пользу, — а во многих бесспорных случаях они её действительно приносят.

«Лурд» Эмиля Золя — занимательная книга, хотя на многих её страницах чувства благоговейно настроенного читателя подвергаются оскорблению. Автор этого в высшей степени рационалистического повествования, убеждённый реалист, отдал должное самовнушению как одному из факторов исцеления, но почти грубо отверг действие тех более тонких духовных сил, в которые благочестиво верит подлинно религиозный мир. Коммерческая сторона Лурда произвела на Золя большое впечатление. Религия этого места недостаточно религиозна и недостаточно свободна от всего постороннего, чтобы обратить неверующего

француза. Особенно французским реалистам необходимо соприкоснуться с чистым, непритворным, ничем не разбавленным благочестием, прежде чем оно произведёт на них впечатление; между тем ни в одном общедоступном святилище, славящемся исцелениями, не обходится без предприимчивого хозяина гостиницы или продавца оберегов и поддельных реликвий. И всё же в Лурде царит атмосфера, которая исцеляет немалую долю тех, кто ею дышит, — это признают даже люди, отказывающиеся подчинить своё суждение главному основанию его славы: видению Бернадетты и покровительству Непорочной Марии. Хотя мы верим в большее, чем признаёт Золя, и в меньшее, чем обыкновенно готовы засвидетельствовать самые пылкие защитники этого святилища, мы не можем сомневаться, что каждое место на земле, широко известное как средоточие чудес, обладает атмосферой, настолько пропитанной мыслями определённого свойства и настолько оживлённой верой определённого рода, что сам воздух, буквально насыщенный невидимым психическим целебным средством, способен внушить разуму многих восприимчивых посетителей именно то, что необходимо, чтобы

направить страдальца на путь к здоровью. Повсюду врачи рассказывают нам о нервных заболеваниях, поддающихся даже самым фантастическим и лишённым разумного основания видам мысленного лечения; но степенный хирург и рассудительный врач, обладающие большим опытом лечения давних и тяжёлых органических расстройств, качают головой и говорят, что следует проводить чёткую границу между нервными, или «невротическими», заболеваниями, которые удаётся исцелить, и выраженными органическими нарушениями, излечить которые может лишь нож хирурга. Мы, конечно, не готовы свидетельствовать об исцелении переломов силой мысли без хирургической помощи, а потому не дерзим тем, кто осторожно устанавливает пределы возможностей психического исцеления. Более того, мы часто утверждаем, что, когда высшая мысль о жизни станет всеобщим достоянием, кости перестанут ломаться и не будет тех состояний, для облегчения или устранения которых теперь требуются серьёзные операции. Умеренная позиция всегда гораздо прочнее слепой крайности, но, хотя умеренное утверждение едва ли способно сразу вызвать большой прилив воодушевления, оно глубоко убеждает вдумчивых людей и надолго

сохраняет для них свою ценность; сенсационные же восторженные речи услаждают слух и щекочут чувства, но вскоре забываются или отвергаются, когда приходится сталкиваться с трудностями и преодолевать их. Когда речь заходит о мысленном исцелении, болезни детей становятся обильным источником замечаний и даже враждебной критики. Почему? Просто потому, что по меньшей мере девять из каждых десяти встреченных вами людей непременно вообразят без всякого основания: если вы говорите, что верите во влияние разума на тело, значит, вы решительно и безоговорочно поддерживаете ничем не оправданную догму, согласно которой на моё тело влияет лишь мой разум, а на ваше тело — лишь ваша мысль, и так во всех случаях. Переноса рассмотрение того, как возникают болезни и как их можно излечить, с объективного, или физического, плана действия на субъективный, или психический, мы вовсе не обязаны нарушать аналогию. Если вы допускаете, что физические недуги передаются физическим путём через воздух и переходят от одного человека к другому всюду, где есть восприимчивость, то столь же логично, рассматривая состояния разума, допускать психическое заражение там, где существует

психическая восприимчивость; а у детей и вообще у всех восприимчивых людей обоего пола и любого возраста она весьма велика. Следующий отрывок из «The Realm», превосходного ежемесячного издания, выходящего в Торонто, в Канаде, за июнь 1898 года, содержит много поучительного и даёт пищу для размышлений: «Когда голодный человек думает о пище, у него текут слюнки, потому что природа выделяет слюну не только в ответ на пищу, но и на саму мысль о ней. Ничто не вызывает большего удивления, чем этот отклик организма на деятельность разума. Доктор Мэтью Вудс в превосходной брошюре о подражательных болезнях говорит об известном факте: после многих лекций, прочитанных на кафедре практической медицины, к профессору обращаются за частной консультацией студенты, страдающие всеми описанными симптомами. Эта склонность к подражанию не ограничивается такими недугами, как болезни сердца, чахотка, базедова болезнь, жёлчные камни, рак поджелудочной железы или аппендицит: известны случаи, когда во время реалистичной лекции об апоплексии мозга у некоторых развивалась гемиплегия — то есть утрата способности двигаться и чувствительности в правой или левой половине тела. Других охватывала

сильная боль в колене во время объяснения симптомов и патологии болезни Потта; имеются также сообщения о студентах, у которых возникали все субъективные симптомы вывиха или перелома вследствие впечатления, произведённого на их разум лектором при обсуждении этих хирургических состояний.

«Врачи и философы прекрасно понимают действие „*ожидającego внимания*“, которое служило причиной не только отдельных заболеваний, но и поразительных эпидемий в различных частях света. Достаточно вспомнить болезнь под названием *тарантизм* , названную так потому, что её предполагаемым источником считался укус тарантула, одного из видов пауков. Жертв этой болезни порой подвергали самым мучительным видам лечения, однако действительно излечить её могла лишь музыка. Один епископ, считавший всё это плодом воображения, позволил тарантулу укусить себя и вскоре пустился в пляс со всеми безумными ужимками, свойственными крестьянину. Со временем, когда люди перестали много думать о тарантуле, исчез и тарантизм, а в наши дни итальянских крестьян тарантул может кусать снова и снова без каких бы то ни было

серьёзных последствий. Иными словами, в отсутствие „ожидającego внимания“ явления, которых больше не ожидают, не возникают».

Хотя приведённый отрывок охватывает весьма широкий круг вопросов и касается скорее недугов взрослых, чем младенцев, он достаточно ясно показывает, как восприимчивое состояние разума вызывает явления, для которых невозможно указать сколько-нибудь достаточную физическую причину. К числу легче всего передающихся душевных состояний относится тревога, или беспокойство, — плодovitый источник бесчисленных страданий. Чувствительные дети настолько подвержены воздействию нервных, тревожных состояний разума окружающих, что лихорадка и судороги нередко возникают у них исключительно из-за сильного нервного расстройства родителей, нянь или любого человека, от которого дети особенно зависят либо с которым их связывает глубокая душевная близость. Ссоры между супругами — скорее скрытые, чем явные — во многом повинны в детских недугах; и можно привести весьма убедительные доводы в пользу психических, а не физических причин, если внимательно присмотреться к более крепкому здоровью детей «простонародья», которое не

притворяется и не скрывает своих чувств, а выплёскивает гнев, когда тот возникает, и таким образом избавляется от него гораздо скорее, чем если бы тайно его питало.

Мы отнюдь не восхищаемся бурными вспышками необузданного нрава и не призываем к ним, но всё же осмеливаемся учить во имя гигиены: если на вас лежит проклятие недоброго чувства к другому человеку, излить свою неприязнь гораздо менее губительно, чем позволять ей терзать вас изнутри и разъедать самую сердцевину внутреннего мира и довольства. Подлинно мудрая мать — та, которая приносит ради своего ребёнка единственную приемлемую жертву: полностью овладевает собственными внутренними чувствами.

Верно говорят, что любовь даёт исполинскую силу, а сильнее материнской любви не бывает; поэтому пусть ни одна мать не прибегает к жалкой отговорке, будто она не может избавиться от дурных чувств в душе, как бы хорошо ни владела своей речью и поведением. Именно в этом утончённые люди уступают тем, кто не кичится утончённостью, и по этой причине крестьянство любой страны обычно отличается лучшим здоровьем, чем так называемые высшие классы. Бесполезно говорить

об исцелении силой разума и обсуждать тайны психической науки, если вы не готовы сделать тот великий первый шаг, без которого нельзя вступить на путь, ведущий в конце концов к состоянию адепта, — а это не что иное, как освобождение от давней веры в то, что наши мысли властвуют над нами, тогда как по праву разума мы сами властвуем над ними. Разумеется, рассуждая о благотворном воздействии правильной мысли матери на её ребёнка, излишне добавлять, что сама она первой получает те неоценимые блага, которые приносит владение собственным разумом и которые она психически передаёт своему восприимчивому дитяти. Односторонних благословений не бывает: благословляя других, мы благословляем себя, и всякий раз, когда мы поступаем во благо себе, мы обретаем способность излучать благословения на всех, кто хоть в какой-то мере восприимчив к нашему влиянию.

Самоисцеление и исцеление других — не два различных вида деятельности, настолько обособленных, что в одном можно преуспеть без другого. Нашим природным инстинктам настолько присуще стремление к общению и настолько невозможно никому из нас полностью освободиться

от обязательств перед обществом, что, хотя мы часто говорим о лечении себя, а затем о лечении других так, словно между этими двумя процессами почти или вовсе нет связи, достаточно немного поразмыслить логически, чтобы убедить даже самого закоренелого скептика: если мы будем твёрдо и неизменно решать поддерживать лишь те мысли, которые, по нашему ощущению, согласуются с высшим благом как нас самих, так и других, наша жизнь поистине преобразится и вследствие этого будет оказывать преобразующее влияние на всех, с кем мы находимся в психической связи.

Неразумно постоянно сосредоточиваться на состоянии тела и пытаться непосредственно изменить его воздействием разума; гораздо лучше просто поддерживать те состояния разума, которые мы считаем желательными, и спокойно позволять их влиянию распространяться до самых пределов нашего существования, а оттуда проливать лучезарный свет на путь других. Когда привычка мыслить лишь гармонично глубоко укоренится в нас, мы обнаружим, что состояние тела и житейские дела преобразились словно по волшебству, и все, кто соприкасается с нами, разделят это благословение. Следующие строки в точности

выражают истинную мысль о самоисцелении и помощи другим в обретении здоровья: Совершенная жизнь придёт наконец К каждой душе человеческой; Живя как можно лучше, мы найдём путь, Который сделает жизнь целостной.

Живи, храня верность своим благороднейшим идеалам!

Не бойся поднять их слишком высоко;
Чем дольше борьба, чем труднее сражение,
Тем величественнее грядущее.

Нет ни одного высокого идеала,
Который однажды не станет Явью,
Если терпеливо идти Путём Любви,
Как истинным и единственным путём.

Лишь оттого, что мы живём только частью
Той Жизни, которой все можем жить,
Нам достаётся лишь часть чудесного дара,
Что Совершенная жизнь принесёт.

Так живите же ныне по высшим своим Идеалам,
И станете вы закваской,
И создадите для людей Царство Божие здесь,
На земле, как оно есть на Небесах.

изображение

IX.

ОБРЕТЕНИЕ ХРИСТА В НАС — НОВАЯ ЖИЗНЬ — ОСОЗНАНИЕ ИСКУПЛЕНИЯ.

Хотя мы вполне сознаём, что заглавие этой главы поистине ошеломляет своим размахом и величием, мы всё же искренне и бесстрашно посвятим эти заключительные страницы книги, призванной принести практическую пользу ищущему человечеству, рассмотрению тем столь необычайно важных и, по видимости, трудных, что их разъяснение на протяжении многих веков едва ли не приводило богословов в отчаяние. «Что вы думаете о Христе?» — вот вопрос, вновь и вновь возникающий в христианском мире; ответы на него настолько далеки друг от друга, что охватывают весь диапазон от «Христос — Бог» до «Я не верю, что Христос когда-либо существовал». В четвёртом Евангелии Христос отождествляется с вечным Логосом, предвечным Словом — деятельной творческой силой во вселенной. Между первой главой Евангелия от Иоанна и восьмой главой Книги Притчей существует явная философская связь: если Евангелие говорит о божественном мужском начале (любви), то автор Книги Притчей

обращается к столь же божественному женскому началу (премудрости), о котором сказано, что оно было с Ним во всех делах творения. Для творения необходимы и любовь, и премудрость; плод их союза — Святой Дух, или божественное дыхание, которое поддерживает всё сущее и непрестанно творит его заново. Хотя существование любого мира или системы миров имеет и начало, и конец, само творение вечно. Мы должны совершенно изгнать из своего разума мысль о времени, когда созерцаем самосущую, ни от чего не происходящую сущность жизни, которая остаётся неизменной, хотя всё вне её, за её пределами, меняется. Слова «Иисус Христос вчера, сегодня и вовеки Тот же» указывают на начало, стоящее за личностью. Телесный облик Человека из Галилеи менялся, как меняются все прочие телесные облики, но непреходящее эго вовеки остаётся неизменным. В эзотерическом смысле слова Христос — бессмертное начало человечества, которое, подобно Мелхиседеку, царю Салима, священнику ВСЕВЫШНЕГО, не имеет ни начала дней, ни конца жизни; не имея ни отца, ни матери, он не имеет и родословного древа, а потому для подобных ему родословие не может иметь никакого значения.

Как современные, так и древние герметисты склонны обращать внимание на эзотерическую сторону всякого вопроса столь же всецело, сколь материалисты склонны направлять наш взгляд на его экзотерическую сторону; и хотя у оккультистов и приверженцев внешнего подхода есть общая точка опоры, она редко бывает ясно обозначена в трактатах, написанных либо убеждённым герметистом, либо тем, кто открыто пишет с позиций буквализма.

Несколько лет назад большое внимание привлекли труды доктора Анны Кингсфорд и Эдварда Мейтленда, чья совместная работа «Совершенный путь, или Обретение Христа» до сих пор служит признанным *насто́льным руководством* для отнюдь не малочисленного круга теософов особого толка в Лондоне и других местах. Главное отличие учения этих авторов от учений других школ теософской мысли состоит в том, что по языку, хотя и не по духу, они гораздо ближе к принятой христианской фразеологии, чем сторонники более отчётливо азиатской терминологии, которой пользуются, например, Анни Безант и другие, кто провёл некоторое время в Индии и куда больше времени посвятил изучению индуистской или

санскритской литературы. Для обычного христианина терминология восточных учений, за исключением их христианской стороны, почти непонятна; поэтому, обращаясь к публике, исповедующей христианство, мы значительно упрощаем дело, если используем слова и выражения, почерпнутые из Нового Завета, а не из Вед, Бхагавадгиты или какого-либо другого незнакомого — или, по крайней мере, гораздо менее знакомого — источника вдохновения. Многие упоминания о Христе в посланиях Павла таковы, что они совершенно непостижимы, если относить их к личности, но тотчас проясняются, когда мы понимаем, что они относятся к некоему началу. Когда Павел говорит о том, что Христос формируется в нас и что мы соединяемся в мистическое тело Христа, то, если употреблённые здесь слова вообще что-либо означают, они должны иметь и духовный, и общественный смысл; но они не могут относиться исключительно к одной личности, сколь бы божественной и славной она ни была.

Во всём христианском мире личность Иисуса может признаваться совершенным воплощением и полным явлением, или проявлением,

божественного через человеческое — и как образец для всего человеческого рода, и как источник духовного благословения для всех, кого способны достичь магнетические излучения этой прославленной личности. Но такому взгляду нисколько не помешает признание правоты буддиста и согласие с его утверждением, что не только Палестина, но и Индия была свидетельницей совершенного выражения божественного через человеческое в истории жизни прославленного Старшего Брата Человечества. Принятие Христа — нечто гораздо большее, чем вера в исторические свидетельства, даже лучшие из которых порой сомнительны. Христос, говорит Павел, должен сформироваться в нас. Что могут означать эти слова, если не то, что дух, разум или нрав Христа должны всецело овладеть нами и что мы, обрета их, должны стать божественными? Чрезмерное давление, которое нередко оказывают на честных скептиков, принуждая их принять личность Христа как Спасителя и Господа и угрожая в случае отвержения этой священной личности будущим наказанием, столь ужасным, что его невозможно вообразить, часто становилось причиной откровенно антихристианского характера так называемого свободомыслия, радикальных и

либеральных высказываний. Доктор Пьюзи не меньше, чем кто-либо или что-либо другое, способствовал тому, что госпожа Безант стала склоняться к атеизму, тогда как настоятель Стэнли пробудил в ней новое уважение к христианству, хотя даже его доброта не смогла побудить её вновь принять эту веру. Несомненно, во многих случаях принятие или отвержение отчётливо личностного элемента христианской мысли в значительной мере определяется темпераментом; и то же самое справедливо, когда вместо христианства рассматривают буддизм или какую-либо иную систему. Есть пылкие натуры, для которых реальным кажется лишь конкретный образ; если вы не придаёте своим словам конкретности, то озадачиваете и сбиваете с толку этих добрых людей, ибо они, по-видимому, неспособны наслаждаться отвлечённым; найти к ним путь можно лишь через отчётливо личностное. Не будем ни говорить, ни думать о них пренебрежительно, ибо нужды их велики и для них должно существовать служение, отвечающее этим нуждам. Представление о Христе как о личности находит в них отклик и удовлетворяет их; оно должно вести их и помогать им увидеть то, что лежит за его пределами, а когда они увидят больше, чем осознают сейчас, то будут

лучше нынешнего понимать, какое место отвести личностному фактору в синтетической системе философии. Представление о живущем внутри нас Логосе как о жизни человечества, о свете, просвещающем каждого человека, возвышенно; более того, все пророки и поэты высочайшего духа упивались им с глубочайшим восторгом. Когда мы слышим, как Уиттьер поёт: «Долго искал вовне, но обрёл внутри», — мы невольно вспоминаем Фенелона и госпожу Гюйон, а также многие другие кроткие, благородные натуры, чей христианский мистицизм был неизмеримо выше, глубже и чище, чем приверженность условным вероучениям, свойственная обычным церковникам их времени. Если бы четыреста лет назад в европейской Церкви возобладало это высшее начало, Савонарола был бы принят, а у Лютера не нашлось бы оправдания его иконоборчеству. Мистик, который ищет и находит Христа в нас, обычно отличается кротким, простым, созерцательным нравом. Таким натурам методы богословов-схоластов по большей части отвратительны, ибо тонкая казуистика, услаждая рассудок, нередко оскорбляет сердце. Мистик чувствует, тогда как казуист рассуждает. Один — поэт, другой — юрист; и хотя поверенный или адвокат может быть певцом, мы едва ли связываем

образ барда с юриспруденцией. Разумеется, в таком сочетании нет ничего несовместимого, и миру было бы лучше, будь юристы провидцами и поэтами; однако церковные тяжбы и священнические закулисные интриги из всех правовых процедур наиболее ненавистны благочестивой душе, которая вовсе не заинтересована в определении догмата, зато всецело стремится к внутреннему постижению истины. Осуждение Сервета Кальвином лишь доказало, что Кальвин, будучи превосходным логиком, совершенно пренебрёг религией сердца. Ни одного места в канонических Евангелиях нельзя привести в доказательство того, будто Иисус учил, что спасение состоит в произнесении слов «Бог Сын», а тех, кто говорит «Сын Божий», ожидает погибель. Сколько бы отвлечённой истины ни содержалось в богословской формуле, она не обладает животворной силой. Учения, обращённые к рассудку и принятые им, не имеют силы достичь сердца; поэтому все символы веры и догматы, вместе взятые, бессильны возвысить человеческий род, ибо исполнение закона — любовь, а не верование. Из того, что мы верим, вовсе не следует, что мы любим. «И бесы веруют, и трепещут» — меткое изречение, над которым богословам стоило бы поразмыслить. Христос в жизни — не то же

самое, что Иисус в голове, хотя Иисус в голове и не мешает Христу присутствовать в жизни. В каждом из нас двое; все мы сознаём в себе высшее и низшее «я», как бы мало ни были подготовлены к тому, чтобы дать этим двум «я» ясное и философски точное определение. Именно существование этих двоих в каждом из нас и заставляет противоположные теории творения и эволюции порождать столь затяжные споры — распрю, которая никогда не прекратится, пока одна из сторон притязает на монопольное обладание истиной.

Креационисты исходят из существования Бога, тогда как эволюционисты — из существования Нечто. За протоплазматическими клетками стоит дух. Духовная плазма — подлинно первая (прото) плазма и плазма жизни (био). За эволюцией стоит то, что заключено внутри, и то, что проявляется посредством тех медленных и упорядоченных процессов, которые мы называем эволюционными.

Исследования Ламарка, а затем Дарвина и Уоллеса привели к определённым, поддающимся чёткой формулировке выводам о том, как действует закон эволюции; возможно, древние провидцы не предвосхитили их во всех подробностях, однако со стороны исследователей девятнадцатого века было

бы верхом невежества и безрассудства приписывать себе и своей эпохе всё знание об эволюции, существующее сегодня на земле. Инволюция и эволюция немыслимы друг без друга. Именно духовная сторона теории эволюции сильнее всего привлекает того, кто ищет внутреннего удовлетворения; поэтому откровение об эволюции духовного сознания Человека — скрытое в Новом Завете под буквальным смыслом — позволяет истолковать биологические явления так, как невозможно ни в каком другом источнике. Учение Павла о том, что в порядке проявления идёт «сначала душевное, потом духовное», в точности соответствует словам из третьей главы четвёртого Евангелия: «Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия». Затем, после того как Никодим услышал это утверждение, ему говорится, что он должен родиться от воды и от духа, в логически последовательном порядке, прежде чем сможет не только увидеть, но и войти в Царство Небесное. Иисус обращается к этому «учителю Израилеву» с уместным вопросом: «Ты ли не знаешь этого?» — тем самым отдавая дань Каббале и другим тайным или священным источникам

знания, доступным главным раввинам, семьдесят из которых составляли синедрион, высший совет Израиля.

Еврейская Каббала — не единственная из существующих форм Каббалы, но самая доступная, хотя расшифровать её отнюдь не легко. Книги большой и малой Сокровенной Тайны полны глубокой теософии, и те, кто с лёгкостью говорит о «Каббале без покровов», обнаружат, что после всех попыток снять с неё покровы она всё ещё остаётся во многом сокрытой. Согласно преданию о Каббале, ангелы, образующие в Раю теософскую школу, открывают избранным на земле то, чего человек без руководства этих небесных наставников никогда не смог бы узнать сам. Это предание допускает не одно толкование, ибо, хотя ангельское служение может играть важную роль в просвещении человека, нельзя забывать об ангеле внутри нас, воздавая почести исключительно ангелу вне нас. Пока мы не достигнем той ступени развития, на которой сможем ценить непосредственное внутреннее руководство, нам следует с благодарностью признавать, сколь многим мы обязаны внешним наставникам; но в конечном счёте опыт души должен уподобиться опыту госпожи Гюйон, которая

с утомлённым сердцем вернулась из паломничества по многим прославленным святыням, где искала Христа. Фенелон, её наставник, сказал: «Дитя моё, вы искали Христа повсюду, кроме того места, где непременно найдёте его. Не ищите больше вовне; загляните внутрь». Лишь когда мы перестаём довольствоваться тем, что можно обрести вовне, мы готовы обратиться внутрь; поэтому пытаться ускорить духовный рост — безумие: если он не происходит сам собой, то он ненастоящий и искусственный. Если нас удовлетворяют символы веры, катехизисы, обряды и установления, значит, именно они нужны нам сейчас; но если они не отвечают нашим потребностям и наши глубинные нужды остаются прискорбно неудовлетворёнными, то, возрастая в мудрости или хотя бы будучи готовыми прислушаться к мудрым советчикам, мы не станем проливать слёз и не испытаем сожаления, а тотчас направимся во внутреннее святилище духа, где живой вселенский Христос готов удовлетворить все нужды и дать покой всем утомлённым. Как бы вы ни рассматривали этот вопрос, удовлетворение всегда приносит лишь личный опыт. Свидетельства с чужих слов никогда не бывают окончательно убедительными. Как бы безупречны ни были

свидетели и как бы вески ни были их показания, подлинного покоя не обрести, пока человек не сможет сказать: «Мои собственные глаза видели славу Господню, и мои собственные уши слышали радостную весть о спасении». Проповедовать так называемое евангелие, оставляя в стороне личный опыт, — значит кормить народ шелухой вместо хлеба.

Посмотрите на нетерпеливые толпы, собирающиеся послушать восточных учителей, и на множество людей, посещающих спиритические сеансы «проверки». Почему люди стекаются слушать азиатов и так настойчиво требуют ясновидения и психометрии? Психические исследования рождаются из голода души. Люди ни в чём не уверены. Бессмертие слишком сомнительно. Религиозное учение либо слишком догматично, либо слишком расплывчато. Сторонники священнической власти вызывают к авторитету, который не обладает подлинным авторитетом, тогда как сторонники либеральных взглядов спокойно и рассудочно дрейфуют к агностицизму, а люди мрачного склада — к пессимизму. Если бы нечто вроде спиритизма, основанного на феноменах, могло удовлетворить человеческую

душу, дальнейшие поиски прекратились бы, едва была бы доказана подлинность психических явлений; но человек, каким мы его знаем, не способен остановиться на феноменах, как бы ценны они ни были в качестве первых шагов к внутреннему постижению.

Несмотря на фантастическую сторону практики йоги, за всем этим едва скрывается жажда единения с божественным. К чему все эти разговоры о «таттвах», к чему все эти усилия овладеть дыханием и научиться практиковать магию, если в основе всего этого не лежит стремление к сокрытой божественности, которая в конце концов может явить себя? Сегодня на этих путях ищут слишком многие по-настоящему искренние, чистые душой мужчины и женщины, чтобы справедливый и наблюдательный критик мог отмахнуться от этого предмета с насмешкой или, небрежно мотнув головой, воскликнуть: «Ах, всего лишь сенсация; ещё одно недолговечное чудо». Христианская наука, теософия, спиритизм привлекают, с одной стороны, любителей диковинок, а с другой — отчаянно искренних «нищих, просящих света». Когда мы видим лишь пёструю поверхность движения, мы склонны говорить, что оно не более чем гриб,

выросший за ночь, и что вскоре его отбросят ради новой сенсации; но, взглянув глубже, мы видим, что оно не только привлекает наших современных афинян, вечно стремящихся потешить себя новинками. Не может ли быть так, что за всем этим блеском, смешением языков и показом сомнительных чудес скрывается подлинное усилие высшего «я» человечества полнее воплотиться, чтобы жизнь перестала быть пустым, легкомысленным зрелищем или изнурительной погоней за деньгами, в которые превращает её слишком много людей? Высшее «я» человечества — это эзотерический Христос; раскрытие этого Христа — надежда человечества на Славу.

Мы все так тесно связаны, наши интересы столь неразделимы, что, как утверждал Пифагор, «ни одна душа не может быть совершенно свободной, пока хотя бы один из её спутников остаётся в неволе». Послания Павла удивительно проникнуты этим чувством, и нигде эта мысль не раскрыта полнее, чем в двенадцатой главе Первого послания к Коринфянам, где, перечислив многие члены единого тела, он завершает словами: «Так и Христос». В представлении Павла Иисус был реальной, живой, прославленной личностью,

которая явилась ему самому и непосредственно обратилась к нему во время его памятного путешествия из Иерусалима в Дамаск. Для Павла Иисус был главой сообщества членов мистического тела эзотерического Христа; это тело, подобно настоящему человеческому организму, он представлял состоящим из частей и органов, причём все его члены имеют свои особые, но равно почётные функции. Ни один социалист ещё не усовершенствовал замысел Павла; но, к несчастью для многих течений, открыто провозглашающих себя социалистическими, их вожди совершенно не сумели осознать единственную духовную основу общественного строя, способного сохраниться. Возражать против руководства бесполезно. Руководители существуют и по-прежнему должны существовать, но наследственное руководство — извращение. Два главных таинства христианской Церкви, Крещение и Святая вечеря, первоначально служили установлениями, объединявшими людей в общину, и, хотя они, несомненно, имели духовное значение, выходившее далеко за пределы их внешнего смысла, их благотворное влияние на общественные нравы было чрезвычайно велико. Все крещёные и все, кто вкушал освящённые дары за святой трапезой, признавались членами

первоначальной христианской общины, которую ранние христиане считали ядром всемирного движения за духовное и общественное возрождение человеческого рода. Слова «Вы — свет мира» и «Вы — соль земли» первые ученики относили лично к себе; они были слишком горячо и восторженно преданы делу, ради которого готовы были принять мученическую смерть, чтобы допустить лишь половинчатую верность наставлениям своего Учителя.

Уильям Стед удачно заметил, что Колизей в Риме и поныне остаётся грандиозной рекламой раннего христианства. Такие книги, как «Камо грядеши?» и «Пойдём за Ним!», и такие пьесы, как «Знамение креста», пользовавшиеся в последнее время огромной популярностью, показывают, что восхищение героическим духом первых мучеников отнюдь не угасло и сегодня.

Все мы — члены великой духовной общины; все мы принадлежим ко всемирному братству; следовательно, мы входим в это духовно-общественное тело как его члены. Русский князь, столь убедительно говоривший о братстве на Конгрессе религий, проходившем в Чикаго в сентябре 1893 года, задал единственно верный тон

гимну всеобщего братства, когда воскликнул: «Эта мысль о братстве — не вершина, а основание общественной пирамиды»; а затем, касаясь приглашения добровольцам вступить в армию, открыто провозгласившую своей целью создание всеобщего братства, решительно ответил: «Я не могу записаться в армию, в которой родился». Это чувство братства изначально, и поистине отрадно видеть, как такие люди, как преподобный Джон Уотсон (Иэн Макларен) в своём «Жизненном кредо», и другие благородные мыслители настаивают на безусловно всеобщем характере божественного отцовства и человеческого братства, противопоставляя его жалко узким представлениям тех заблуждающихся учителей, которые стремятся ограничить преимущества принадлежности к Божьей семье лишь теми, кто принимает их узкий догматизм и почитает их ограниченные установления.

Вопрос о том, признаём ли мы всеобщее братство или лишь братство отдельной группы, братство частичное, имеет жизненно важное значение, ибо от его решения зависит основа всего нашего поведения по отношению к подавляющему большинству наших собратьев. Мы не можем ожидать, что люди будут лучше своих идеалов или

что в них будет больше любви и щедрости, чем позволяет их вера; поэтому, хотя, возможно, и верно сказать: «Неважно, во что человек верит, если только он ведёт благородную жизнь», — невозможно поверить, будто подлинные убеждения человека никак не повлияют на его жизнь. Ясное и безупречное утверждение можно сформулировать так: то, во что люди верят, имеет значение лишь в той мере, в какой вера влияет на их характер. Называть всякую добродетель «христианской», а затем поступать так, словно ваше понимание слова «христианский» настолько всеобъемлюще, что охватывает иудеев, буддистов, брахманов, парсов и всех остальных, — значит лишь свидетельствовать о том, что слово «христианский» вам очень дорого и потому вы употребляете его как синоним всего поистине превосходного; но если вы называете всякую добродетель «христианской», а затем подвергаете остракизму каждого, кто формально не является христианином, и ведёте себя так, словно считаете его жертвой всех «языческих» пороков, то вы настолько связаны и скованы одним прилагательным, что для вас было бы благом вовсе не иметь слова «христианский» в своём словаре. Всегда опасно чрезмерно настаивать на термине, который кажется принадлежащим одной

религиозной общине: даже если вы употребляете его в широком смысле, другие непременно истолкуют его узко; а ведь существует столько слов, совершенно свободных от вероисповедных границ, что для общего употребления явно предпочтительнее выбрать одно из них вместо затёртых выражений, неизменно вызывающих у некоторых людей мысль об ограничении.

Когда объявляют, что где-нибудь в Соединённых Штатах или в Англии будут читать лекции восточные свами и другие гости с Дальнего Востока, непременно находятся ограниченные люди, которые презрительно спрашивают: «Какой пользы вы ждёте от этих язычников?» Употребление слова «язычник» по отношению к верующему брахману, буддисту, джайнисту или парсу столь же предосудительно, как и употребление слова «собака» мусульманином по отношению к христианину или к любому, кто не исповедует ислам. Люди говорят о «гнусном турке», словно варварство в Европе ограничивается Османской империей, хотя в последние годы в нескольких европейских странах, не говоря уже об отдельных частях Африканского континента, фанатики

творили варварские жестокости и зверства над евреями, оправдывая свою ненависть к еврею тем, что он не христианин.

Хотя мы никогда не присоединимся к тем глумливым ниспровергателям святынь, которые без всякой меры поносят христианство за злоупотребления, совершаемые от его имени, мы постараемся отдать должное многим чувствам, вызвавшим столь бурные вспышки негодования против освящённого веками установления. Не ненависть к добродетели, а ненависть к пороку; не противодействие честности, а противодействие лицемерию побудило атеистическую братию метать громы оскорблений и насмешек во всё, что носит христианское имя. Виктор Гюго в *«Отверженных»* показал нам глубокое благочестие и кроткое милосердие католического епископа, истинного человеколюбца самого божественного образца; однако сам Виктор Гюго настолько отделился от французской церковности, что его тело нельзя было похоронить в Пантеоне, бывшем тогда церковью, пока здание не было официально лишено статуса освящённого храма, то есть секуляризовано. Этот разрыв с церковью множества величайших гениев мира и людей глубочайшей духовности

чрезвычайно ослабляет церковь, но доказывает лишь то, что религия и церковность не всегда идут рука об руку. Формула «Единая святая вселенская церковь» широка и всеобъемлюща, но многие ли в неё верят? Чтобы найти верное определение вселенской церкви, вам фактически приходится обращаться к унитариянскому сборнику гимнов, ибо нигде больше эта формула не истолкована столь ясно.

Следующие строки известного автора многих прекрасных гимнов выражают подлинный дух Нового Завета:

«Единая святая церковь Божья предстаёт
Во всех веках, среди всех рас;
Её не истощает времени полёт,
Не изменяет смена мест и стран.
Её священники — все верные сыны Творца,
Призванные служить всему земному миру;
Крещёные её — все чистые сердца,
Любовь — её причастия чаша».

Здесь перед нами Евангелие Иисуса, дополненное свидетельствами Павла, Иоанна, Иакова и других апостолов, пронесённое через все века и страны и доведённое до живого настоящего через

действенное применение истины к насущным потребностям сегодняшнего дня. Для мыслящей, развивающейся молодёжи наших дней совершенно невозможно иное понимание церкви живого Бога, кроме как духовного единения всех, кого ведёт Дух Истины, без всякой оглядки на их внешнюю принадлежность к той или иной общине или полное отсутствие какой-либо внешней принадлежности.

Вполне возможно признавать Иисуса главой человеческого рода и тем самым занимать последовательно христианскую позицию, а вместе с тем с благодарностью принимать все радостные вести, которые открывают новейшие исследования в области сравнительного религиоведения. Мистическое тело Христа составляют все, кто един в духе — един в любви. «Господь знает Своих», независимо от того, знают ли они Его. Мир можно разделить на возрождённых и невоплощённых людей, подобно тому как есть люди образованные и необразованные; но мы, со своей стороны, не готовы столь произвольно делить человечество на эти две категории. Знаменитый сведенборгианский священник из Филадельфии, преподобный Чонси Джайлз, чьи опубликованные проповеди до сих пор

приносят огромную пользу всё большему числу людей, обращаясь к человеку, в котором постепенно проявлялись плоды божественного Духа, обычно говорил не «мой возродённый друг», а «мой возрождающийся друг». Между этими двумя выражениями огромная разница. Если бы мы были полностью возрождены, то уже достигли бы того состояния совершенной святости, которое Джон и Чарльз Уэсли и некоторые из их последователей считали возможным здесь, на земле, и которое, несомненно, возможно; однако именно те люди, которые проводят собрания святости и громче всех проповедуют святость, как правило, ничем не показывают, что они уже вышли за пределы процесса освящения.

Как рождение совершается постепенно, так постепенно совершается и возрождение. Как бы ни был совершенен зародыш и как бы точно ни проходила каждая стадия развития, отделяющая зачатие от рождения, девять месяцев внутриутробной жизни символизируют поступательное действие Божественного Духа в человеческой душе. Затем, после рождения, могут пройти двадцать лет младенчества, детства и юности, прежде чем наступит физическая зрелость.

Если считать описанную жизнь Иисуса образцом, указывающим путь к совершенному духовному достижению, учение об искуплении можно легко понять, и тогда огромное мрачное облако заблуждений рассеется над этим догматом. Изначально возвышенный, он оказался столь затуманен накопившимися ошибками, что сегодня напоминает прекрасную старинную картину великого мастера, до того почерневшую от дыма и обезображенную грязью, что лишь теперь, когда началась её реставрация, мы улавливаем проблески её первоначальных очертаний, неописуемо прекрасных, которые вскоре вновь предстанут перед глазами всех зрителей. Не будем причислять себя к тем, кто боится результатов реставрации; не будем также отворачиваться от этого учения и говорить, что отвергаем искупление, потому что его неверно истолковали. Идеальная жизнь Иисуса отличается от жизни других великих личностей, описанных в Библии и вне её, своей необычайной всеобъемлемостью. Иисус растёт естественно, как и должны расти все дети: с возрастом он становится выше и мудрее. Затем, когда ему исполняется тридцать лет и он уже достаточно зрел, чтобы начать общественное служение, победив искушения на собственном жизненном опыте, он

покидает пустыню, или место уединения, где готовился к служению людям, и идёт повсюду, во все слои общества, общается с самыми разными людьми, устраняет все искусственные различия и преданно трудится над демократизацией общества на основе признания человеком единого Бога Отцом всех и необходимого следствия этого признания — всеобщего сестринства и братства. Историчны Евангелия или нет, в них Иисус изображён человеком, который относится к женщинам с таким же уважением, как и к мужчинам; не из галантности или рыцарства, а обращаясь к ним как к равным своим братьям по уму, тем самым отвергая все те невежественные суеверия и формы рабства, против которых решительно выступают лучшие мыслители наших дней. Иисус ходит повсюду и делает всё; его способы учить и исцелять столь же разнообразны, как человеческие потребности, и потому образ идеального человека действительно настолько многогранен и вобрал в себя столь многое, что при желании вы можете обосновать любую предпочитаемую вами систему, сославшись на евангельский прецедент. Но вопрос в том, как вы собираетесь её обосновывать. Не насилуете ли вы повествование, вырывая из него отдельный случай

и возводя целую систему на одном изречении, или же вы готовы с благодарностью признать, что каждый метод способен принести некоторую пользу, хотя ни один не годится на все случаи жизни? Жалко слушать, как некоторые люди, считающие себя «передовыми», пытаются давать нелепые, уничижительные и отталкивающие объяснения некоторым из самых прекрасных и глубоких рассказов об исцелении во всей сокровищнице Евангелия.

Возьмём, например, рассказ о том, как Иисус смешал пыль со слюной, сделал из них грязь и помазал ею глаза человека, слепого от рождения. В этой истории заключён прекрасный намёк на искупление. Слюна — обычное выделение человеческого тела, присущее всем людям, а также животным. Пыль — сама материя обыкновенной почвы, одинаково доступная богатым и бедным, высоким и низким. Наглядный урок заключается в том, что целитель — который неизменно является и учителем — смешивает их, соединяя воедино;

тем самым показывая, что здоровье и зрение становятся нашим достоянием лишь тогда, когда мы примиряем то, что порождается и содержится в нашей собственной природе, с великим миром

вокруг нас. Затем, когда урок усвоен, нужно омыться в Силоамской купели, *то есть* в том самом месте, куда вас направляет исцеляющая вас сила; и тогда, омывшись в Силоаме, как Нееман омылся в Иордане, вы обретаёте зрение, подобно тому как ассирийский военачальник избавился от проказы.

Эти два случая похожи; они аналогичны, но не тождественны. Молодой человек, которого Иисус исцелил в только что упомянутом случае, был бесхитростным юношей, ещё не пришедшим к познанию истины, и потому не был грешником. Прокажённые — это те, кто своими прегрешениями испортил собственную плоть, и к ним обращены громовые слова: «Не грешь больше, чтобы не случилось с тобой чего хуже».

Искупление означает установление и восстановление согласия. Дело искупителя — впервые свести вместе тех, кто ещё не встречался друг с другом; его благословенная миссия — также примирить тех, кто отдалился друг от друга. Искупление совершается двумя путями: посредством нравственного убеждения и безмолвного духовного призыва — это путь *влияния*;

а также посредством математического доказательства истины, обращённого к человеческому разумению, — это путь *примера*.

Рассмотрим искупление в следующих аспектах: во-первых, наши отношения с Богом; во-вторых, наши отношения друг с другом; в-третьих, отношения двух «я» в каждом из нас. Сначала — о наших отношениях с Божеством. Мы могли жить, не ощущая Бога, и при этом нисколько не противиться Божественному Порядку сознательно или намеренно. Мы родились однажды, но не дважды! Мы видели *земное*, но не *небесное*; мы подобны Никодиму, который приходит к Иисусу ночью, ища и готовясь принять более полный свет знания о жизни, без которого мы можем быть «учителями Израилевыми» лишь по имени, но никогда — в действительности. Все мы также знаем, что нередко испытываем чувство отчуждения от всего божественного; мы погрязли в чувственности или тяжко согрешили против любви к ближнему. В прошлом бывали времена, когда мы чувствовали себя близкими к Богу и пребывали в мире со ВСЕВЫШНИМ, но теперь мы отдалились от Вечного Родителя и думаем, что Бог гневается на нас. Наши заблуждения заставили дым или туман мрачно

подниматься из нас самих и чернить воздух вокруг, и хотя мы можем сказать вместе с Самсоном: «Полное затмение, ни солнца, ни луны», солнце и луна сияют так же ярко, как если бы мы не ослепили себя собственными прегрешениями. Тут и возникает настоятельная необходимость изложить истинное учение об искуплении. Бог никогда не меняется; Бесконечное абсолютно неизменно, но всякий раз, когда меняемся мы, нам кажется, что меняется Бог.

Иисус никогда не призывал людей ни к чему иному, кроме как избавиться от собственных заблуждений, чтобы, когда пелена спадёт с их глаз, они смогли увидеть Бога благодаря собственной чистоте. Очищал ли их Иисус; очищала ли их его кровь? Не вместо них; не как замена им и не только как пример, но в согласии с неизменным законом взаимного сообщения, благодаря которому тот, кто вознесён, может привлечь к себе других. Даже рискуя опошлить этот в высшей степени возвышенный предмет, мы считаем необходимым прибегнуть к почти грубому упоминанию личного магнетизма, чтобы наглядно представить эту сторону вопроса.

Многократно повторённые опыты уже доказали, что один человек может так воздействовать на другого, что, совершенно не принимая на себя болезни больного, целитель способствует её устранению. Мысль о том, будто Иисус был осквернён грехом или нёс болезнь в собственном теле, отвратительна и совершенно варварская. Он уничтожал грех; заблуждение истреблялось электрическим действием исходившей от него силы. Разве вы не можете понять: если собственная слепота или глухота закрывает от вас вечно существующие картину и песнь, а целитель, обладающий необходимой силой, сможет растворить пелену на ваших глазах и серу в ваших ушах, то пейзаж и мелодия словно впервые возникнут для вас как непосредственное следствие успешного исцеления? Для нас наступает день, как только мы осознаём, что перемены совершаются в человеке, тогда как Бог неизменен.

Теперь перейдём ко второму вопросу — отношениям человека с человеком. Мысль о необходимости искупления здесь опять имеет две стороны, ибо во многих случаях не только отдельные люди, но и целые племена и даже

народы практически ничего не знают друг о друге. Поэт подошёл очень близко к истине, написав строки:

«Если б лучше мы друг друга знали,
То сильнее друг друга бы любили».

История Валаама, если читать её без предубеждения, служит необычайно прекрасным подтверждением этой истины. Валак хотел нанять Валаама, чтобы тот проклял Израиль; Валаам, совершенно не знакомый с потомками Иакова, несомненно, воображает, что это весьма нечестивый народ, и относится к ним точно так же, как некоторые невежественные, но благонамеренные люди относятся к современным евреям, по глупости поверив всему, что говорится в антисемитских литературных тирадах.

Валаам видит раскинувшиеся шатры Израиля и принимается благословлять этот достойный народ, чьи мирные земледельческие склонности и преданность семейной жизни составляли весьма отрадный контраст с менее цивилизованным укладом, который Валаам наблюдал в других местах; и даже когда Валак убеждается, что невозможно склонить Валаама проклясть Израиль,

и говорит: «Ни проклиная не проклинай их, ни благословляя не благословляй их», Валаам отвечает, что не может удержаться от произнесения слова, которое Господь вложил в его уста.

Как часто бывает, что мы считаем, будто по-настоящему ненавидим людей, о которых совершенно ничего не знаем! Безжалостное пламя бессмысленных гонений не раз разгоралось в Европе против ни в чём не повинных евреев лишь потому, что чей-то злой язык пускал слух, а глупые языки его разносили: будто в еврейских домах и синагогах кровь христианских детей смешивают с пасхальным вином. Как бы ни был беспочвенен вымысел, стоит ему распространиться, и невежественные, легковверные люди готовы поверить самому худшему о своих невинных соседях. Пока мы ничего не знаем друг о друге, мы, к несчастью, весьма склонны друг друга осуждать; поэтому, если мы хотим, чтобы войны прекратились и белое знамя мира развевалось над всеми народами земли, первый шаг — познакомиться народы друг с другом.

Иисус — не грек, не римлянин, не еврей и не представитель какой-либо иной обособленной группы; он — «Сын Человеческий», и это

именование встречается в книге Даниила раньше, чем мы находим его в Новом Завете. Сын Человеческий принадлежит всем расам и считает все страны своими; все знамёна — его, и потому, куда бы он ни пришёл, он везде дома. Птицы со своими гнёздами и лисицы со своими норами представляют более низкие ступени развития, нежели та, которой должны достичь желающие взять свой крест и следовать за идеальным Учителем.

Хорошо ли вы обдумали, что значит слово *космополит* ; знаете ли вы, как велико быть космополитом — человеком, который, не имея отдельной родины, считает все страны своими? Хотя у Иисуса нет собственной постели и собственной подушки, он может отдыхать на любой постели и спать на любой подушке, призывая и обретая сладкий сон, где бы ни находился. Совершенно правильно, что мы признаём свои особые связи с определёнными местами и людьми; и об Иисусе можно сказать, что он избрал двенадцать спутников, а из этих двенадцати лишь трое были по-настоящему близки с ним; из троих же только один был душевным другом.

Эти самые тесные из всех отношений особенно священные, и ими никогда не следует пренебрегать, но нельзя допускать, чтобы они препятствовали совершенной доброжелательности ко всему человечеству, без которой истинное искупление в отношениях человека с человеком никогда не может осуществиться. Когда возникает вражда и те, кто некогда казался друзьями, далеко расходятся, искупительный труд истинного любящего человечество состоит в том, чтобы восстановить мир и вновь соединить разлучённых. Нетрудно представить себе, что множество различных темпераментов могут притягиваться к одному общему центру, который можно найти лишь в столь широкой индивидуальности, что она охватывает все темпераменты и потому способна объединить их все. Иисуса можно уподобить солнцу — каждый из двенадцати апостолов может занимать один из двенадцати знаков Зодиака, через которые солнце, как мы видим, проходит, совершая свои периодические обороты.

Солнечный тип человека обладает синтетической, всеобъемлющей природой; поэтому для него нет неразгаданных тайн в жизнях меньшего масштаба, ибо его более великая жизнь

постигает и заключает в себе все эти менее значительные выражения жизни. Сознующее себя целое постигает все дробные выражения, но ни одна дробь не достаточно велика, чтобы понять совершенное целое. Нужна необычайно цельная натура, чтобы понять все мелкие существования, явленные вокруг неё; и этой великой натуре чужды такие низменные чувства, как пренебрежение, нетерпение, отвращение и презрение. Подобно поистине мудрому учёному, вобравшему в себя весь опыт собственной юности и детства, она понимает не только разумом, но и сердцем радости и печали, сомнения и трудности, устремления и страхи тех, кто сейчас переживает то самое, что этот учёный некогда пережил сам и из чего вышел тем великим мудрецом, каким предстаёт ныне. Наша враждебность к ближним, которых мы не понимаем и которые, возможно, не понимают нас, — свидетельство нашей собственной слабости и действенная преграда на пути нашего развития, пока мы позволяем ей сохраняться.

Никакая реклама спиритуализма, теософии, Христианской науки или чего-либо ещё не имеет для человека ни малейшей практической нравственной ценности, если приверженцы этих

претенциозных систем не воплощают теорию на практике и не делают свои этические утверждения основой более добрых и гармоничных отношений между людьми, семьями и народами. Однако мы не должны слишком поспешно принимать взгляд на существующие обстоятельства, который кажется пессимистическим, сколь бы мрачны они ни были.

Война — явление отнюдь не новое; напротив, она чрезвычайно древняя. Пророки говорят нам, что настанут дни, когда войны больше не будут известны; но ни один историк не сообщает нам о какой-либо эпохе в прошлом, когда войн не было. Распри между отдельными людьми, семьями, племенами и народами — пережитки уходящего варварства; они не должны теперь внушать нам страшную тревогу, словно это какие-то ужасные новшества.

В то же время духу Евангелия совершенно чуждо сражаться плотским оружием под превозносимым знаменем Князя мира, который никогда не призывал к войне, хотя пророческое видение побудило его сказать: «Надобно прийти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят». Павел, по видимому, занял в вопросе мира робкую, нерешительную позицию; хотя он и

засвидетельствовал себя сторонником мира, его слова лишь отчасти ободряют нас: «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми». Как далеко это изречение от заповеди блаженства: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими»! Огромная сила последней в противоположность слабости первого высказывания наглядно проявляется в том, что заповедь блаженства принимает как само собой разумеющееся нашу способность творить мир и без колебаний утверждает: все, кто познал своё божественное сыновство, творят мир и тем обретают великое благословение; слова же Павла исполнены робкой надежды, но в них слишком много сомнения, чтобы они могли по-настоящему вдохновить читателя.

Компромиссы и уступки бесполезны. Величие Евангелия в том, что оно бескомпромиссно и не делает никаких уступок. Доброта и сила должны быть едины. Неуверенное повеление никому не помогает по-настоящему; истинную помощь приносит лишь громогласный трубный зов. Мы можем жить в мире со всеми людьми; таково идеальное состояние, и то, что награда ещё не завоёвана, поскольку состязание ещё не пройдено,

— вовсе не довод против того, чтобы вступить в состязание и завоевать награду. Нам нужны великие духовные атлеты и великие упражнения духа, чтобы вывести нас из оцепенелой апатии, в которой большинство из нас пребывает недовольными, хотя и якобы довольными. Напрасно мы говорим об искуплении перед Богом, если не едины с нашими братьями; лишь лицемерие и самообман продолжают убеждать нас, будто мы в мире с небесами, пока ведём войну на земле. Поистине жалки неубедительные оправдания, которые религиозные журналы находят для кощунственных молитв.

Мы не имеем права молиться о том, чтобы одна армия одержала победу, а другая потерпела поражение, но мы вправе горячо и искренне, из глубины души молиться о том, чтобы стать столь открытыми божественному притоку и столь озарёнными небесным светом, чтобы наши мысли, слова и дела были направлены к славной цели — укреплению власти праведности и расширению царства мира, доброй воли и свободы на земле. Да восторжествует правда; да победит справедливость; да распространится свобода; да возрастет чистота. Такие молитвенные возгласы не

дают оснований нападать на молитву, ибо, когда неверующий спросит нас, как мы надеемся своими прошениями изменить замыслы Предвечного, мы прямо и решительно ответим: мы вовсе не рассчитываем ни на что подобное; мы лишь молимся о большей мудрости, чтобы наши собственные поступки полнее согласовывались со всеобщим порядком.

Наш третий вопрос об искуплении состоит в том, как привести наше высшее и низшее «я» к полному согласию, чтобы разлад в наших собственных членах прекратился и мы могли перейти от болезни к здоровью, от смятения к порядку. Возможно, на деле этот третий вопрос должен встать перед нами первым, ибо вполне разумно утверждать, что, пока мы не познаем себя, мы не сможем познать своих ближних, а пока не познаем ближних так же хорошо, как самих себя, мы не сможем найти Бога. Греки советовали нам познать самих себя, а египтяне наставляли нас познать самих себя через самих себя. Сведенборг сообщил нам, что в каждом человеческом сердце есть три вида любви: любовь к Богу, к ближнему и к себе, — и добавил, что там, где эти виды любви подчинены друг другу в правильном порядке, человек является ангелом;

лишь переворачивание этого порядка делает возможными адские состояния. Джеймс Мартино прекрасно выразил мысль о том, что для познания Бога и самих себя мы должны уйти в тишину, снять все наружные слои коры с древа нашего существования и в самом корне и средоточии нашего сознания обнаружить себя детьми Божиими. Мейбл Коллинз говорила всем стремящимся к внутреннему озарению, что они должны искоренить всякое чувство обособленности от других, преодолеть личное честолюбие духовным устремлением и положить конец той неутолимой жажде личного роста, которая, словно язва, разъедает самые жизненные основы не знающих покоя натур и надёжно препятствует тому росту, которому, как слепо полагают, должна помогать. Поэт, поющий «Люби себя в последнюю очередь», дал нам глубокое слово мудрости, ибо один человек не может иметь такую же ценность, как всё человечество. Однако, поскольку отдельный человек входит в человеческий род, он заслуживает любви и уважения как член великой, достойной и заслуживающей любви семьи, которая включает в себя именно этого человека и без которой целое было бы неполным.

Поиски «Святого Грааля», о которых повествует Теннисон, — это в действительности поиски той божественной сущности, которая делает нас всех едиными. Мы не можем быть счастливы или пребывать в гармонии, пока внутри нас идёт война; и если мы хотим достичь истинной цели нашего существования, то должны научиться так подчинять низшую личность высшему «я», чтобы вместо умерщвления или подавления прийти к преобразению и превращению.

Низшие влечения поддаются преобразованию. Ни одно естественное чувство не греховно; но если низшим силам можно найти более высокое применение, разве не мудрее посвятить низшее служению высшему, вместо того чтобы оставлять неудовлетворёнными более благородные устремления нашей природы, непрестанно принося жертвы низшей стороне нашего существования? Время от времени поститься может быть полезно; временное отстранение от деловой и общественной жизни может принести огромную пользу; но постоянная жизнь в монастырском затворе нежелательна, если только в тихом убежище, отрезанном от внешнего мира, мы не научимся

применять психические силы для улучшения условий жизни в мире более совершенным образом, чем когда сами находимся среди суеты.

Жизнь Христа всеобъемлюща; она включает в себя обычную жизнь людей всех родов и положений. Потребности самых разных темпераментов и требования всех призваний находят удовлетворение в безмерном изобилии её неисчерпаемого богатства и разнообразия. Поэтому остаётся лишь сказать, что, несомненно, есть люди, которым уединение в оккультном или мистическом братстве принесло бы величайшую пользу; такое спокойное убежище дало бы тем, кому подходит его тишина, возможность духовно исполнять высшие задачи человеколюбия.

Марфа повсюду слишком заметна; благую часть Марии избирают слишком немногие. Мы надеемся, что огромный интерес, проявляемый ныне ко всем «психическим» исследованиям и занятиям, вскоре приведёт к осязаемому изменению нынешней привычки до такой степени перегружать себя внешней работой, что ведение хозяйства становится тяжким трудом, а гостеприимство — невыносимой обузой.

Столь чрезмерное внимание к внешнему и непрерывные мысли о нём истощают жизненную силу, растрачивают энергию, лишают жизненно важные органы необходимого питания и приводят ко всевозможным расстройствам мозга, нервов и желудка; если вскоре не положить этому конец, всё неизбежно завершится той или иной формой безумия.

Те самые бедствия, о которых пессимисты непрерывно вздыхают и которые они не устают перечислять и преувеличивать, прежде всего вызваны не чем иным, как этой крайней приверженностью материальному, столь же заметной в церквях, как и повсюду. Счастливая, здоровая жизнь — это жизнь, которая настолько возвышается над внешним, что может всем пользоваться и наслаждаться и в то же время столь щедро наделена внутренними возможностями, что даже отсутствие внешних удобств не причиняет страдания. Ропот никогда ничего не исправляет и не улучшает. Спрос и предложение всегда будут сосуществовать; следовательно, единственный верный путь к улучшению в любой внешней области — развивать и поощрять в себе *такие* чувства, которые в силу самой необходимости

неизбежно и самопроизвольно породят во внешнем мире именно те соответствующие им явления, которые мы жаждем увидеть сильнее всего.

Истинный духовный целитель, как и всякий, кто решил добиться выдающегося успеха в любой области лечения внушением, вскоре на опыте убедится, что любые нападки или посягательства на низшее «я» пациента или ученика в конечном счёте хуже, чем бесполезны: они вызывают сопротивление в низшей области вместо того, чтобы побуждать к действию в высшей. «Стоящая посреди преграда» должна быть разрушена, и двое должны стать одним. Если мы осознаем своё потенциальное величие, мы будем поступать правильно не только до тех пор, пока находимся под психологическим влиянием другого, и не станем вскоре вновь впадать в заблуждение, из которого нас вывели лишь по видимости, но не на самом деле. Так называемое гипнотическое лечение, когда оно действительно и благотворно, стоит гораздо выше того, что обычно понимают под гипнотизмом; но поскольку смысл этого слова сомнителен, пользоваться им нежелательно. *Нравственное и умственное лечение посредством внушения* — выражение, которое легко понять и которое

заставляет обычного мужчину или женщину задуматься. Чтобы внушение было действенным, нужен не только тот, кто внушает, но и тот, кто принимает внушение и охотно откликается на него.

Пусть любой беспристрастный исследователь прочтёт библейские повествования об исцелениях, а затем приступит к пророческому или апостольскому труду в наши дни, и он вскоре обнаружит, что *тот же закон*, который управлял деятельностью разума в минувшие века, действует с равной силой и сегодня.

Приверженец ортодоксального христианства говорит: вы должны принять Христа, иначе Христос не сможет вас спасти. Следовательно, искупление не совершается за нас, пока мы сами его не совершим. И наконец, что означает слово *atonement* — «искупление»? Его последний слог, *ment*, явно происходит от латинского *mens, mentis*, — «разум». Сведенборг в своей «Рациональной психологии» очень чётко отличает *mens* от духа, и было бы хорошо, если бы все нынешние писатели выражались столь же ясно, избегая бессмысленных или вносящих путаницу синонимов. Именно интеллект необходимо привести к единству с духом, и пока это не достигнуто, нет ни исцеления, ни

воплощённого в делах спасения. Лучшие современные криминологи и пенологи стремятся лечить преступность как болезнь, чтобы преступников можно было исцелять, а не казнить, и тем самым улучшать общество и вместе с тем надёжно защищать его от грабителей. В первом из семи записанных изречений с креста Иисус сказал: «Не знают, что делают»; он молился об обращении и просветлении Иуды, Каиафы и всех остальных и обращался с совершенным добродушием к тем, кто безжалостно причинял ему страдания. Таков образец для нашего подражания: мы должны не осуждать никого, а трудиться ради возвышения всех. Если мы хотим успешно исцелять, нельзя допускать ни одной жестокой мысли. Это высокая мерка, но низкие мерки делают великие свершения невозможными. Не думайте, будто вы поступаете дурно, указывая на ошибки или говоря людям наедине об их недостатках, если делаете это с любовью; однако даже такой любящий укор окажется бесплодным, если вы не укажете более превосходного пути. Если вы в каком-либо смысле составляете часть нынешнего Израиля; если сознательно причисляете себя к одному из двенадцати широко рассеянных колен, которым предстоит собраться воедино прежде

окончательной жатвы неисчислимого множества (Откр. VII); если в каком-либо смысле чувствуете, что уже здесь и сейчас принадлежите к истинной вселенской церкви первенцев, чьи имена ясно записаны на небесах, — помните, что вы призваны быть городами, стоящими на холмах, светом миру и солью земли. Тем, кто обрёл собственную душу, особо поручено идти и возвещать благую весть тем, кто ещё не обрёл своей души. Душа у каждого из нас одна и та же, но не все мы ещё обрели это высшее «я», которое преподаёт нам божественный урок всеобщего братства и сестринства.

Никогда не позволяйте ложному или вводящему в заблуждение выражению подкреплять заблуждение и никогда не позволяйте личной неприязни затуманивать ваше суждение или мешать вам видеть высшую сторону ближнего.

Никогда не будет одной овчарни и одного пастыря, но будет одно *стадо* и один пастырь, когда все овчарни опустеют и овцы, более не отмеченные клеймами, не снабжённые ярлыками и не стеснённые оградами, будут пастись вместе на одном просторном пастбище, не принадлежащем ни одному человеку, ибо это Божья земля.

Мы не вправе требовать от других, чтобы они произносили наш шибболет, повторяли наши молитвы, участвовали в наших обрядах. Каждый должен быть вполне убеждён в собственном разуме относительно того, что помогает ему возвращать благороднейшие добродетели и ближе всего подойти к идеальной жизни.

Но общая почва для встречи может найтись всегда, и это место — храм человеколюбия. Искушение совершается благодаря нашему отождествлению себя со всем человечеством, ощущению единства не только природы, но и цели. Тогда, будучи едины на земле и свободны от всякой враждебной мысли, мы обратим взор к небесам не только ввысь, но и внутрь себя и ликуя воскликнем: Бог един; Бог есть Любовь! Добро превыше всего во Вселенной!